

Перевод: Валерий Ледовской (valery@ledovskoy.com)

Редактор: Анна Михайлова (<http://protext.su>)

Дин Кунц
Интерлюдия Томаса

Dean Koontz
Odd Interlude

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЮГ ЛУННОЙ БУХТЫ	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	51
Глава 7	56
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДВУЛИКАЯ ГАРМОНИЯ	66
Глава 8	66
Глава 9	75
Глава 10	83
Глава 11	87
Глава 12	91
Глава 13	95
Глава 14	100
Глава 15	102
Глава 16	109
Глава 17	111
Глава 18	118
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. В УГЛУ.....	121
Глава 19	121
Глава 20	126
Глава 21	129
Глава 22	136

Глава 23	145
Глава 24	146
Глава 25	150
Глава 26	154
Глава 27	156
Глава 28	159

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЮГ ЛУННОЙ БУХТЫ

О, они слишком прелестны, чтобы жить,
слишком, слишком прелестны.

Чарльз Диккенс, «Николас Никльби»¹

Глава 1

Говорят, любая дорога ведёт домой, если вы хотите туда попасть. Я стремлюсь попасть домой, в город Пико Мундо и в пустыню, в которой он цветёт, но дороги, которые я выбираю, кажется, ведут меня из одного ада в другой.

На переднем пассажирском сидении «Мерседеса» через боковое окно я наблюдаю за звёздами, которые кажутся неподвижными, но на самом деле постоянно движутся и всё время удаляются. Они кажутся вечными, но они всего лишь солнца, которые когда-то истощатся.

Когда ещё была ребёнком, Сторми Ллевеллин потеряла свою мать, Кассиопею. Я потерял Сторми, когда и ей, и мне было по двадцать. Одно из северных созвездий называется Кассиопея. Нет скопления дальних звёзд, названных в честь Сторми.

Я могу увидеть тёзку Кассиопеи высоко в ночи, но Сторми я могу видеть только в памяти, где она остаётся такой же яркой, как любой живой, которого я могу встретить.

Звёзды и всё остальное во Вселенной началось с большого взрыва, который произошёл в тот момент, когда также началось и время. Одно место существовало до Вселенной, существует сейчас за её пределами и будет существовать, когда Вселенная снова схлопнется в себя. В этом таинственном месте, вне времени, Сторми ждёт меня. Время может быть покорено только через время, и движение вперёд – единственный путь вернуться к моей девушке.

Ещё раз, из-за недавних событий меня прозвали героем, и, ещё раз, я себя им не ощущаю.

Аннамария настаивает на том, что не более чем лишь несколько часов назад я спас целые города, уберёг многие сотни тысяч жизней от ядерного терроризма. Даже если это, в большинстве своём, правда, я чувствую, как будто в процессе этого лишился частицы своей души.

¹ Полное название повести: «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (1839). *Здесь и далее прим. переводчика.*

Чтобы сорвать замысел, я убил четырёх мужчин и одну молодую женщину. Они убили бы меня, если бы выдался такой шанс, но искреннее заявление о самозащите не может заставить лежать убийство в моём сердце меньшим грузом.

Я не был рождён, чтобы убивать. Как и все мы, я был рождён для счастья. Этот сломанный мир, однако, ломает большинство из нас, безжалостно перемалывая своими металлическими гусеницами.

Покидая Магик-Бич, боясь погони, я вёл «мерседес», который одолжил мне мой друг, Хатч Хатчисон. Через несколько миль, когда мной овладели воспоминания о недавнем насилии, я остановился на обочине дороги и поменялся местами с Аннамарией.

Сейчас, за рулём, желая утешить, она говорит:

– Жизнь тяжела, молодой человек, но не всегда было так.

Я знал её меньше двадцати четырёх часов. И чем больше я её узнавал, тем больше она ставила меня в тупик. Ей, наверное, восемнадцать, почти на четыре года младше меня, но, кажется, ей намного больше. Вещи, которые она говорит, часто непонятны, тем не менее, я чувствую, что значение для меня было бы ясным, если бы я был более мудрым, чем сейчас.

Простая, но не то, чтобы непривлекательная, изящная, с безукоризненной светлой кожей и большими тёмными глазами, она, кажется, находится на восьмом месяце беременности. Любая девушка её возраста в её положении, такая одинокая, как она в этом мире, должна беспокоиться, но она спокойна и уверена в себе, как будто верит, что живёт, очарованная жизнью – которая часто кажется волей случая.

Мы не связаны романтически. После Сторми для меня это невозможно. И хотя мы не говорим об этом, между нами есть что-то вроде любви, платонической, но глубокой, необычно глубокой, учитывая, что мы знаем друг друга так недавно. У меня нет сестёр, однако, возможно, я бы чувствовал себя так же, будь я братом Аннамарии.

От Магик-Бич до Санта-Барбары, нашего пункта назначения, лежат четыре часа за рулём по прямой дороге вдоль побережья. Мы находились в дороге меньше двух часов, когда, в двух милях от живописного города Лунной Бухты и Форт-Уиверна – военной базы, которая была закрыта после окончания холодной войны – она говорит:

– Ты чувствуешь, как оно тянет тебя, странный ты мой?

Моё имя – Странный Томас¹, и я объяснял его в предыдущих томах этих воспоминаний, и я, без сомнения, буду объяснять его снова в будущих томах, но не

¹ В оригинале – Odd Thomas. Слово 'odd' переводится как «странный». Соответственно, обращение 'odd one' («странный ты мой») обыгрывает имя персонажа.

объясняю его здесь, в этом ответвлении от основного пути моего путешествия. До Аннамарии только Сторми называла меня «странный ты мой».

Я повар блюд быстрого приготовления, тем не менее, я не работал в закусочной с того времени, как покинул Пико Мундо восемнадцать месяцев назад. Мне не доставало сковородки, фритюрницы. Такая работа концентрирует. Работа со сковородой – это дзен.

– Ты чувствуешь, как оно тянет? – повторяет она. – Как сила тяжести луны вытягивает приливы на море.

Свернувшийся на заднем сидении золотистый ретривер, Рафаэль, рычит как бы в ответ на вопрос Аннамарии. Наша другая собака, белая немецкая овчарка с именем Бу, конечно, не издаёт никаких звуков.

Сползший в своём сидении, с головой, лежащей на холодном стекле окна пассажирской двери, я не чувствую ничего необычного до тех пор, пока Аннамария не задаёт свой вопрос. Но затем я чувствую безошибочно, что нечто в ночи зовёт меня, не в Санта-Барбару, а куда-то ещё.

У меня есть шестое чувство с несколькими гранями, первая из которых – я могу видеть души задержавшихся умерших, которые сопротивляются переходу на Другую Сторону. Они часто хотят, чтобы я совершил правосудие по поводу их убийств или помог им обрести мужество перейти из этого мира в следующий. Время от времени у меня случаются пророческие сновидения. И с того момента, как я покинул Пико Мундо после жестокой смерти Сторми, кажется, меня притягивает и тянет к проблемным местам, которые какая-то Сила просит меня посетить.

У моей жизни есть непостижимый замысел, который я не понимаю, и день за днём, столкновение за столкновением, я учусь, направляясь туда, где я должен быть.

Сейчас море к западу чёрное и грозное, за исключением искажённого отражения ледяной луны, размазанной длинным серебряным слоем на водяных расплавах.

По направлению к югу в свете фар на асфальте мелькает прерывистая белая линия.

– Ты чувствуешь, как оно тянет? – спрашивает она снова.

Холмы, расположенные со стороны, противоположной морю, тёмные, но впереди справа озера тёплого света приглашают путешественников в группу сооружений, которые не связаны с городом.

– Там, – говорю я. – Те огни.

В момент, когда я это произношу, я знаю, что мы обнаружим в этом месте смерть. Но пути назад нет. Я вынужден действовать в таких случаях. Кроме того, эта женщина,

кажется, становится дубликатом моей совести, мягко намекая мне, как нужно поступить, когда я колеблюсь.

Через сотню ярдов от знака, обещающего: «ЕДА БЕНЗИН ЖИЛЬЁ», расположен съезд с шоссе. Она направляет туда машину быстро, но уверенно и ловко.

Когда мы подъезжаем к подножию съезда и останавливаемся у знака «стоп», я говорю:

– Ты тоже это чувствуешь?

– Я не такая одарённая, как ты, странный мой. Я не чувствую такие вещи. Но я знаю.

– Что ты знаешь?

– Что мне требуется знать.

– И что это?

– То, что требуется.

– И что такое «что требуется» ты знаешь?

Она улыбается.

– Я знаю то, что имеет значение, как это всё работает, и почему.

Улыбка говорит о том, что ей нравится поддразнивать меня своей загадочностью, хотя в её дразнилках нет подлости.

Мне также не верится в какой-либо обман с её стороны. Я убеждён в том, что она всегда говорит правду. И она не говорит загадками, как это может показаться. Она говорит сущую правду, но возможно так, как это делают поэты: косвенно, применяя парадоксы, символы, метафоры.

Я встретил её на общественном пирсе в Магик-Бич. Я не знаю ничего существенного о её прошлом. Мне даже неизвестна её фамилия; она заявляет, что её просто нет. Когда я впервые увидел Аннамарию, то ощущал, что она скрывает удивительные секреты, и что ей необходим друг. Она приняла мою дружбу и предложила свою. Но она надёжно хранит свои секреты.

Знак «стоп» находится на пересечении с грунтовой дорогой, которая идёт параллельно внутриштатному шоссе. Она поворачивает налево и ведёт машину к станции технического обслуживания, которая открыта даже в эти малолюдные часы перед рассветом, предлагая бензин от производителя-дискаунтера¹ и механика по вызову.

¹ Производитель, предлагающий продукцию по цене ниже средней, со скидкой.

Вместо четырёх десятков бензонасосов, которые могла предложить остановка для грузовиков, эта станция предлагает лишь четыре бензонасоса на двух колонках. В это время ни один из них не используется.

Датированное 1930-ми годами, покрытое белой штукатуркой здание с плоской крышей содержит элементы «ар деко»¹, включая фриз², слепленный из штукатурки, видимый благодаря свету фонарей, свисающих с карниза. На фризе изображены стилизованные автомобили и бесконечно несущиеся борзые охотничьи собаки, выполненные в жёлтых, серых и ярко-синих тонах.

Это место достаточно причудливое, небольшой самоцвет из века, когда даже скромные строения часто были искусно сконструированы и украшены. Оно поддерживается в безукоризненном состоянии, и тёплый свет в стёклах французских окон³ без сомнения выглядит гостеприимно для среднего путешественника, хотя ничто здесь не привлекает меня.

Интуиция иногда шепчет мне, но редко когда громко. Сейчас она равносильна крику, предупреждающему меня: несмотря на то, что это место может быть приятно для глаз, под привлекательным видом скрывается нечто ужасное.

Рафаэль на заднем сидении снова низко рычит.

Я говорю:

– Мне не нравится это место.

Аннамария невозмутима.

– Если бы оно тебе нравилось, молодой человек, нам бы не было причин находиться здесь.

За станцией стоит эвакуатор. Одни из двух поднимающихся ворот открыты, и даже в этот час механик работает над «Ягуаром».

Опрятно одетый мужчина с гривой серебристых волос – возможно, владелец «Ягуара», недавно съехавший с шоссе – стоит, наблюдая за механиком и потягивая кофе из бумажного стаканчика. Никто из них не оглянулся, когда мы прошли за ними.

¹ Декоративный стиль, популярный в 20-30-е гг. XX века; отличается яркими красками и геометрическими формами.

² Декоративная композиция в виде горизонтальной полосы или ленты, увенчивающей или обрамляющей ту или иную часть архитектурного сооружения.

³ Французскими окнами называют большие панорамные окна до пола. Такие окна выполняют не только теплозащитную и звукоизоляционную, но и декоративную функцию.

Три восемнадцатиколёсника – «Мэк», «Каскадия» и «Питербилт» – припаркованы в дальней части станции. Эти хорошо отполированные грузовики, по-видимому, принадлежат оператору-владельцу¹, потому что они раскрашены особыми рисунками и на них нацеплено множество хромированных дополнений, двугорбые крылья и тому подобное.

За грузовиками находится низкое здание, судя по всему, закусочная, в том же стиле, что и станция техобслуживания. Забегаловка анонсирует себя красно-голубой неоновой вывеской на крыше: УГОЛОК ГАРМОНИИ / ОТКРЫТО 24 ЧАСА. Перед закусочной стоят два пикапа и два внедорожника, и когда Аннамария здесь паркуется, фары «Мерседеса» выхватывают указатель, информирующий нас, что мы должны навести справки о съёмных домиках.

Третий и заключительный элемент этого предприятия, десять домиков, расположены позади ресторана. Строения расположены по дуге, укрытые зрелыми железными деревьями и красивой акацией, подсвеченные мягким, но магическим светом. Он выглядит как мотель, выдавший на своём веку первые автомобильные путешествия, место, где Хамфри Богарт² может скрываться с Лорин Бэколл³ и в конечном итоге оказаться в перестрелке⁴ с Эдвардом Г. Робинсоном⁵.

– У них будет два свободных домика, – предсказывает Аннамария, когда глушит двигатель.

Когда я начинаю открывать свою дверь, она говорит:

¹ Собственник какого-л. оборудования или имущества, который сам использует его.

² Хамфри Дефорест Богарт (Humphrey DeForest Bogart; 1899 — 1957) — американский киноактёр. Американский институт киноискусства назвал Богарта лучшим актёром в истории американского кино.

³ Лорин Бэколл (также Лорен Бакалл, англ. Lauren Bacall, род. 1924) — американская актриса, признанная Американским институтом кино одной из величайших кинозвезд в истории Голливуда. Вдова Хамфри Богарта, «хозяйка норы» Крысиной стаи. Обладатель почётного «Оскара» (2009), лауреат двух «Золотых глобусов» и двух премий «Тони».

⁴ Имеется в виду фильм «Ки-Ларго / Key Largo» – фильм-нуар Джона Хьюстона, снятый по мотивам одноимённой пьесы Максвелла Андерсона (1939). Премьера состоялась в 1948 г. Фрэнк МакКлауд приезжает в гостиницу на Ки-Ларго (первый остров гряды на южной оконечности штата Флорида), которой владеет Джеймс Темпл со своей невесткой Норой, вдовой друга Фрэнка, погибшего во Вторую мировую войну. Гостиница оказывается захваченной гангстером Джонни Рокко, прячущимся там от правосудия.

⁵ Эдвард Голденберг Робинсон (англ. Edward G. Robinson, настоящее имя Эмануэль Голденберг (англ. Emanuel Goldenberg); 1893 — 1973) — американский актёр. Американский институт киноискусства поместил его на 24-е место в списке «100 величайших звёзд кино».

– Нет. Подожди здесь. Мы не так далеко от Магик-Бич. Возможно, они разослали на тебя ориентировку¹.

После препятствования доставке четырёх термоядерных устройств террористам всего лишь несколько часов назад я позвонил в офис ФБР в Санта-Круз, чтобы сообщить, что они могут найти четыре ядерных заряда для бомб среди поношенной одежды в мешках, принадлежащих Армии спасения² в Магик-Бич. Они знают, что я не один из заговорщиков, но они всё равно жаждут поговорить со мной. ФБР заинтересованы, и если представить, что всё это похоже на выпускной бал, то они не хотят, чтобы я танцевал с кем-либо ещё, только с ними.

– Они не знают моего имени, – уверяю я Аннамарию. – И у них нет моей фотографии.

– У них может быть хорошее описание. Перед тем, как ты здесь засветишься, Томми, давай посмотрим, насколько сильно раздули историю в новостях.

Я достал кошелёк из заднего кармана брюк.

– Я захватил немного наличных.

– Я тоже, – она отказалась от кошелька. – Для этого достаточно.

Когда я сполз в тёмноту машины, она вошла в закусную.

На ней надеты кроссовки, серые слаксы и мешковатый пуловер, который не скрывает её беременность. Рукава слишком длинные, свешивающиеся ниже кончиков её пальцев. Она выглядит как бродяга.

Люди сразу же относятся к ней тепло, и доверие, которое она внушает каждому, необъяснимо. Она не из тех, кого не пугают только из-за отсутствия кредитной карты и удостоверения личности.

В Магик-Бич она жила в квартире над гаражом и не платила за неё. Она говорит, что, хотя она никогда ни о чём не просит, люди дают ей всё необходимое. Я видел, что это действительно так.

¹ В оригинале 'all-point bulletin' – в США: радиосообщение, рассылаемое каждому офицеру полиции с деталями о возможном преступлении или угнанном автомобиле.

² Армия спасения (англ. Salvation Army) — международная миссионерская и благотворительная организация, существующая с середины XIX века и поддерживаемая протестантами-евангелистами. Штаб-квартира находится в Лондоне.

Она утверждает, что есть люди, которые хотят её убить, но, кажется, она их не боится, кем бы они ни были. Я ещё не видел доказательства того, что она боится хотя бы чего-то.

Ранее она спросила, умер бы я за неё. Без сомнений я ответил, что да – и имел в виду именно это.

Я не понимаю ни свою реакцию на неё, ни источник её силы. Она – нечто другое, чем кажется. Она говорит, что я знаю, что она такое, и что мне необходимо лишь принять то знание, которым я уже располагаю.

Необычная. Или, возможно, нет.

Давным-давно я узнал, что даже со своим шестым чувством я не такой особенный и что мир – место, буквально напигованное бесчисленными чудесами. Большинство людей неосознанно слепы к истинной природе бытия, потому что боятся осознания, что этот мир – место тайны и смысла. Несоизмеримо легче жить в мире, который полностью состоит из поверхностей, которые ничего не означают и ничего не требуют от тебя.

Из-за того, что я люблю этот удивительный мир, я по натуре оптимист и обладаю хорошим чувством юмора. Мой друг и наставник Оззи Бун говорит, что способность держаться на плаву – одно из моих лучших качеств. Однако, словно предостерегая, что чрезмерная плавучесть может привести к необдуманности, он иногда напоминает, что дерьмо тоже плавает.

Но в худшие дни, которые случаются редко – и это один из них – я могу опуститься так глубоко, что мне кажется, что я часть дна. Я даже не хочу смотреть вверх. Я готов поддаться унынию, и это грех, хотя моё сегодняшнее уныние – не чёрная депрессия, а печаль, похожая на длительные унылые сумерки.

Когда Аннамария возвращается и садится за руль, то передаёт мне один из двух ключей.

– Это приятное место. Блистает чистотой. И еда пахнет хорошо. Оно называется «Уголком Гармонии», потому что всё это принадлежит и управляется семьей Хармони¹, вполне большой общиной, судя по тому, что рассказала мне Холли Хармони. Она единственная официантка в эту смену.

Аннамария заводит «Мерседес» и подъезжает к мотелю, постоянно бросая на меня взгляды, а я притворяюсь, что не заметил.

Припарковавшись между двумя домиками, она глушит двигатель, гасит фары и говорит:

¹ Хармони / Harmony – англ. гармония.

– Меланхолия может быть притягательной, когда сопровождается жалостью к себе.

– Я не жалею себя, – уверяю я её.

– Тогда как бы ты это назвал? Может быть, самосочувствие?

Я решаю не отвечать.

– Самосожаление? – предлагает она. – Самосострадание? Самособлезнование?

– Я не думал, что изводить парня – в твоём характере.

– О, молодой человек, я не извожу тебя.

– Тогда как бы ты это назвала?

– Сострадательная насмешка.

Деревья увешаны ландшафтными лампами, свет которых просачивается сквозь листья, дрожащие в мягком бризе, порхающий перистый золотистый свет смотрится на ветровом стекле, лице Аннамари и, конечно, на моём лице так же хорошо, как будто проецируется на нас, как тонкая плёнка, состоящая из множества крыльев.

Я напоминаю ей:

– Сегодня вечером я убил пятерых людей.

– Было бы лучше, если бы у тебя не получилось противостоять злу, и ты бы никого не убил?

Я ничего не отвечаю.

Она упорно продолжает:

– Те предполагаемые массовые убийцы... ты полагаешь, что они бы спокойно сдались по твоей решительной просьбе?

– Конечно, нет.

– Они позволили бы обсуждать справедливость преступлений, которые они намеревались совершить?

– Насмешку я вижу, но я не понимаю, каким боком она сострадательная.

Она неумолима.

– Возможно, они согласились бы пойти с тобой на это телевизионное шоу, где показывают зал суда, и позволили бы Судье Джуди решить, имели они или не имели моральное право стереть с лица земли четыре города.

– Нет. Они бы испугались Судьи Джуди. Я боюсь Судью Джуди.

– Ты сделал только то, что смог, молодой человек.

– Ага. Хорошо. Но почему я должен попасть из Магик-Бич в «Уголок Гармонии» в ту же ночь? Так много смерти. Неважно, насколько плохими были эти люди, неважно, насколько плохим может кто-то оказаться здесь... Я не машина-убийца.

Она протягивает мне руку, и я беру её. Я не могу этого объяснить, но именно это прикосновение поднимает мне настроение.

– Возможно, здесь не будет убийств, – говорит она.

– Но это всё ускоряется.

– Что именно?

– Моя жизнь, эти угрозы, сумасшествие – накрывает меня как лавина.

Перья мягкого света дрожат не только на её лице, но также в её глазах, когда она сжимает мою руку.

– Чего ты хочешь больше всего, Томми? Какая надежда движет тобой? Надежда на небольшой отдых, немного свободного времени? Надежда на отсутствие происшествий, спокойную жизнь повара, продавца обуви?

– Ты знаешь, что ничто из этого.

– Скажи мне. Я хочу услышать, как ты скажешь это.

Я закрываю глаза и восстанавливаю в памяти карточку, выпавшую из гадалочной машины в галерее игровых автоматов на карнавале шесть лет назад, когда Сторми была на моей стороне, и я приобрёл драгоценное обещание за четвертак.

– Ты знаешь, что сказала карта, мэм – «Вам суждено навеки быть вместе».

– И после этого она умерла. Но ты сохранил карточку. Ты продолжал верить в правдивость карточки. Ты всё ещё веришь в неё?

Я без запинки отвечаю:

– Да. Я обязан верить. Это то, что у меня есть.

– Ну тогда, Томми, надежда, которая движет тобой – это правдивость этой карточки; возможно, ускорение, которое тебя пугает – это не то, что ты на самом деле хочешь? Должен ли ты ускоряться к реализации этого предсказания? Может ли быть так, что лавина, которая накрывает тебя – ничего больше, чем Сторми?

Открывая глаза, я ещё раз встречаюсь с её взглядом. Дрожащие крылья, отражающиеся на её лице и тёмных глазах, могут оказаться также мерцанием золотых языков пламени. Мне вспомнилось, что огонь не только уничтожает; он также очищает. А другое слово, означающее очищение – искупление.

Аннамария запрокидывает голову назад и улыбается.

– Должны ли мы найти замок с подходящей комнатой, в которой ты сможешь сыграть свою версию самого известного монолога «Гамлета» тому, что находится у тебя в сердце? Или мы просто примем это?

Тем не менее, я не убрал улыбку.

– Лучше мы просто примем это, мэм.

Наш багаж состоит только из корзинки с едой для нас и золотистого ретривера, которую упаковала наша подруга Блоссом Роуздейл в Магик-Бич. После того, как Рафаэль находит клочок травы, на который мочится, я следую за собакой и Аннамарией в Дом №6, который она выбрала себе, и я оставил корзинку у неё.

На крыльце, проводив её, я разворачиваюсь, и она говорит:

– Что здесь ни произойдёт, верь своему сердцу. Ему можно верить, как любому компасу.

Белая немецкая овчарка, Бу, была со мной несколько месяцев. Сейчас она сопровождает меня в Дом № 7. Так как это призрак собаки, ей не нужно мочиться, и она проходит через дверь до того, как я успеваю отомкнуть её.

Внутри чисто и уютно. Зона для сидения, ниша для сна, ванна. Строение, кажется, было реконструировано и улучшено в течение последних нескольких лет.

Под столом есть даже холодильник, который служит приличным баром. Я беру банку пива и открываю её.

Я утомлён, но не сонный. Сейчас, за два часа до рассвета, я на ногах уже двадцать два часа; мой разум всё ещё вертится, как центрифуга.

Включив телевизор, я сажусь с пультом в кресло, пока Бу исследует каждую щель домика, его любознательность так же сильна в смерти, как и при жизни. Спутниковый сервис предлагает огромное множество программ. Но почти все кажутся избитыми или вялыми.

Судя по кабельным новостным каналам, остановленные ядерные террористы в Магик-Бич не попали в новостные передачи. Я подозреваю, что никогда и не попадут. Правительство решит, что общественность предпочитает оставаться в неведении о таких

тревожных почти случившихся бедах, а политический класс предпочитает держать их в неведении вместо того, чтобы пробуждать в них подозрения в коррупции и некомпетентности на высоких местах.

По «НатГео»¹ в документальном фильме о больших кошках рассказчик информирует нас, что пантеры – это разновидность леопардов, чёрных с чёрными пятнами. Пантера с золотыми глазами смотрит прямо в камеру, обнажает свои клыки и низким грубым голосом говорит: «Спи».

Я осознаю, что бодрствую меньше, чем наполовину в этом смутном сознании, где сны и реальный мир иногда пересекаются. Перед тем как заснуть и разлить пиво, я ставлю почти пустую банку на стол рядом с креслом.

На экране пантера хватает антилопу своими когтями, сбивает жертву с ног и вырывает ей горло. Нарисованная жестокость не шокирует меня так, чтобы проснуться, а вместо этого тяготит меня, утомляет. Поднимая голову, кошка-победитель пялится на меня, кровь и слюна брызжет из её рта, и говорит: «Спи... спи».

Я чувствую слова так же хорошо, как будто слышу их, звуковые волны, идущие от динамиков телевизора, пульсируют через меня, разновидность акустического массажа, который расслабляет мои напряжённые мышцы, успокаивает натянутые нити моих нервов.

Несколько гиен преследуют пантеру, когда она затаскивает антилопу на дерево, чтобы полакомиться ею на ветках повыше, куда всякие голодные конкуренты и львы – которые тоже не лазят – не смогут проследовать.

Гиена, с дикими глазами, противная, обнажает свои неровные зубы перед камерой и шепчет: «Спи». Остальная стая повторяет слово «Спи», и звуковые волны дрожат через меня с наилучшим наркотическим эффектом, как делает голос пантеры на дереве, пока голова антилопы издыхает на повреждённой шее, её неподвижные глаза остеклены самым прекрасным в мире вечным сном.

Я закрываю глаза, и пантера из сна наяву следует за мной в дремоту. Я слышу мягкий, но тяжёлый звук её лап, чувствую, как она извилисто крадёт через мою душу. Всего мгновение я беспокоюсь, но незваный гость урчит, и его урчание успокаивает меня. Сейчас большая кошка залазит на другое дерево, и, несмотря на то, что я не умер, это создание несёт меня с собой, потому что я бессилён сопротивляться. Я не боюсь, потому что она говорит мне, что мне не нужно бояться, и, как и прежде, не только значение слов,

¹ National Geographic Channel (NatGeo, канал National Geographic) — телеканал, транслирующий научно-популярные фильмы производства Национального географического общества США. Nat Geo транслирует документальные фильмы, основное содержание которых чаще всего имеет отношение к науке, природе, культуре и истории.

но также и звуковые волны, из которых они сформированы, кажется, смягчают, словно маслом, потоки моих воспоминаний.

Это дерево ночи, чёрные ветви тянутся вверх, в беззвёздное небо, и ничего нельзя разглядеть, кроме светящихся глаз пантеры, которые увеличиваются в размерах и в яркости до совиных. Низким грубым голосом она говорит: «Почему я не могу прочитать тебя?» Возможно, это и не сова, и не пантера, потому что теперь я чувствую то, что кажется пальцами, как будто я книга из бесчисленного количества страниц, которые переворачиваются, страниц, которые оказываются пустыми, пальцы скользят по бумаге, как будто ищут выпуклые точки биографии по системе Брайля.

Настроение меняется, разочарование предполагаемого читателя осязаемо, и глаза в темноте неожиданно зелёные, с эллиптическими зрачками. Если это сон, то это также и несколько большее, чем сон.

Хотя сон создаёт себя сам, и сценарий не может быть написан осознанно тем, кто спит, когда я желаю свет, то обладаю силой, чтобы его вызвать. Темнота от спутанных чёрных ветвей начинает отступать, а из мрака начинает вырисовываться форма предполагаемого читателя.

Меня выталкивает из сна, как будто загадочная фигура в кошмаре выбросила меня из него. Я с трудом поднимаюсь на ноги, замечая периферийным зрением движение справа, но когда я поворачиваюсь к нему, то обнаруживаю, что я один.

Позади меня что-то бренчит, как будто опытные руки извлекают арпеджио из арфы, используя только басовые струны. Когда я поворачиваюсь, то не вижу источника звука – и теперь он идёт не оттуда, откуда шёл, а из ниши, в которой находится кровать.

В поисках источника я проследовал в нишу и затем к приоткрытой двери в ванную. За ней лежит тьма.

Из-за изнеможения и эмоционального замешательства я забыл свой пистолет. Он спрятан под передним пассажирским сидением «Мерседеса».

Оружие, когда-то принадлежавшее жене министра в Магик-Бич. Её муж, священник, застрелил её раньше, чем смогла его застрелить она. В их специфической христианской конфессии верующие, очевидно, слишком нетерпеливы, чтобы ждать, пока их проблемы решит молитва.

Я открываю дверь в ванную комнату и включаю свет. Бренчание становится громче, но сейчас доносится за мной.

Обернувшись, я обнаруживаю, что Бу вернулся, но не он вызывает мой основной интерес. Моё внимание притягивает то, что также приковывает к месту и собаку: быстрое просвечивающееся нечто, видимое только благодаря искажениям, которые оно придаёт

предметам, как будто пересекает нишу, входит в зону для сидения, кажется, запрыгивает в экран телевизора, не разбивая его вдребезги, и исчезает.

Это присутствие такое быстрое и бесформенное, я почти уверен, что это плод моего воображения, исключая то, что документальный фильм о живой природе в телевизоре покрывается концентрическими кругами, как будто вертикально расположенный экран – это горизонтальная поверхность воды, в которую был брошен камень.

Часто моргая, я размышляю о том, реально ли то, что я вижу, или у меня проблемы со зрением. Феномен постепенно убывает, пока изображение на экране снова не становится чистым и устойчивым.

Это был не призрак. Когда я вижу кого-либо из задержавшихся умерших, это действительно изображение когда-либо жившего человека, и оно двигается не быстрее, чем может уследить глаз.

Умершие не говорят и не издают других звуков. Нет грохота цепей. Нет зловещных шагов. Они не обладают весом, чтобы заставлять скрипеть ступеньки лестницы. И они, определённо, не извлекают арпеджио из басовых струн арфы.

Я смотрю на Бу.

Бу смотрит на меня. Его хвост не шевелится.

Глава 2

Теперь я полностью проснулся.

Сон про дерево и пантеру продолжался менее пяти минут. Я всё ещё страдаю от серьёзного недостатка сна, но я бдителен, как бдителен человек, находящийся в одиночном окопе, когда знает, что враг может нагрянуть в любой момент.

Оставив свет включённым вместо того, чтобы снова сделать домик тёмным, я выхожу, замыкаю дверь и забираю пистолет из-под пассажирского сидения «Мерседеса».

На мне надета толстовка поверх футболки, и я прячу пистолет между ними, заткнув сзади за пояс. Это не лучший способ носить оружие, но кобуры у меня нет. И в прошлом, прибегая к этому методу, я никогда случайно не отстреливал себе кусок зада.

Несмотря на то, что я не люблю пушки и обычно не ношу их с собой, и несмотря на то, что убийство даже худших из людей в целях самозащиты или для защиты невинных вызывает во мне отвращение, я не такой фанатичный противник оружия, иначе был бы уже убит – или смотрел бы, как совершается убийство – поэтому лучше уж использовать его.

Бу материализуется на моей стороне.

Он единственный дух животного, который я когда-либо видел. Невинный, у него определённо нет страха того, с чем он может столкнуться на Другой Стороне. Хотя он бесплотный и не может укусить плохого парня, я верю, что он задерживается здесь, потому что придёт момент, когда он станет Лесси¹ для моего Тимми и спасёт меня от падения в заброшенный колодец или что-то вроде этого.

Печально, что большинство детей в наши дни не знает, кто такая Лесси. Популярная собака, которую они знают лучше всего – Марли², которая вряд ли будет спасать детей из колодца или горящего сарая, а вместо этого блеванёт на них и случайно сама начнёт пожар в сарае.

Гнетущее настроение заражает меня с момента, как недавние события в Магик-Бич, кажется, закончились. Странно, но ничто не восстанавливает моё обычное ощущение и не возвращает на твёрдый грунт рассудка, как бросающая в дрожь случайная встреча с чем-то, несомненно, сверхъестественным.

Слабое дыхание ночи заставляет дрожать листья в освещённых ветках деревьев, как будто в предчувствии приближения зла. На земле вокруг меня трепещущие узоры света и тени создают иллюзию, что земля под ногами не твёрдая.

Во всей дуге домиков не горит ни одной лампы ни в одном из окон, за исключением моего домика и Аннамари, хотя здесь припаркованы пять других автомобилей. Если эти гости мотеля «Уголок Гармонии» спят, возможно, тайный читатель перелистывает страницы их воспоминаний и ищет... Ищет что? Просто узнаёт их?

Читатель – кем бы и чем бы он ни был – хочет чего-то большего, чем просто узнать меня. Так же точно как антилопа в документальном фильме – еда на несколько дней для пантеры, я тоже жертва, возможно, не для съедения, но для какого-нибудь другого использования.

Я смотрю на Бу.

Бу смотрит на меня. Затем он смотрит на освещённые окна Аннамари.

¹ Лесси (англ. Lassie) — вымышленная собака породы колли, персонаж многих фильмов, сериалов и книг. В данном случае имеется в виду сериал «Лесси / Lassie» (1954-73), который некоторое время также был известен под названием «Тимми и Лесси». Сцена, в которой Тимми падает в колодец, настолько известна, что про неё даже сложены анекдоты.

² «Марли и я / Marley & Me» – кинофильм режиссёра Дэвида Френкеля, созданный в 2008 г. У данного фильма есть книжные адаптации. Например, «Плохой пёс, Марли! / Bad Dog, Marley!» — книжка с картинками для самых маленьких.

Когда я легонько стучу в дверь Дома № 6, она распаивается, как будто бы щеколда не была задвинута. Я вхожу и вижу её сидящей на стуле перед маленьким столиком.

Она взяла яблоко из корзины, очистила кожуру и разрешила на части. Делит фрукт с Рафаэлем. Сидящий по стойке «смирно» перед её стулом, золотистый ретривер хрустит одной из долек и облизывается.

Рафаэль смотрит на Бу и дёргает хвостом, счастливый от того, что не нужно делиться своей порцией с собакой-призраком. Все собаки видят задержавшиеся души; они не занимаются самообманом об истинной природе мира, как делает большинство людей.

– Случилось что-то необычное? – спрашиваю я Аннамарию.

– Разве не постоянно происходит что-то необычное?

– У тебя не было... не было каких-либо посетителей?

– Только ты. Хочешь яблоко, Томми?

– Нет, мэм. Я думаю, что ты здесь в опасности.

– Из множества людей, которые хотят меня убить, нет никого в «Уголке Гармонии».

– Как ты можешь быть в этом уверена?

Она пожимает плечами.

– Никто здесь не знает, кто я.

– Даже я не знаю, кто ты такая.

– Правда? – она даёт очередную дольку яблока Рафаэлю.

– Меня не будет некоторое время в соседнем доме.

– Хорошо.

– На случай, если будешь мне кричать.

Это её позабавило.

– Почему это я должна кричать? Я никогда этого не делала.

– Никогда за всю жизнь?

– Человек кричит, когда пугается или его пугают.

– Ты сказала, люди хотят тебя убить.

– Но я не боюсь их. Делай то, что должен. Со мной всё будет в порядке.

– Возможно, ты должна пойти со мной.

– Куда ты собираешься?

– Сюда и туда.

– Я уже здесь, и я была там.

Я смотрю на Рафаэля. Рафаэль смотрит на Бу. Бу смотрит на меня.

– Мэм, ты спрашивала, умру ли я за тебя, и я ответил «да».

– Это было очень милосердно с твоей стороны. Но ты не собираешься умирать за меня сегодняшней ночью. Не будь таким поспешным.

Когда-то я считал, что в Пико Мундо больше, чем везде, эксцентричных людей. Немного попутешествовав, теперь я знаю, что эксцентричность – общая черта человечества.

– Мэм, спать может быть опасно.

– Тогда я не буду спать.

– Принести тебе немного чёрного кофе из закуской?

– Зачем?

– Чтобы помочь тебе бодрствовать.

– Я полагаю, что ты спишь, когда тебе нужно. Но видишь ли, молодой человек, я сплю только тогда, когда хочу.

– Как это работает?

– Превосходно.

– Не хочешь узнать, почему может быть опасно спать?

– Потому что я могу упасть с кровати? Томми, я верю, что твоё предостережение не бессмысленное, и я продолжу бодрствовать. А теперь иди и делай всё, что должен.

– Я собираюсь повинохивать здесь вокруг.

– Так вынохивай, вынохивай, – говорит она, делая прогоняющее движение.

Я удаляюсь из её домика и закрываю за собой дверь.

Бу уже идёт в сторону закуской. Я следую за ним.

Он постепенно исчезает, как испаряется туман.

Я не знаю, куда он девается, когда дематериализуется. Возможно, призрак собаки может путешествовать на Другую Сторону и обратно, когда пожелает. Я никогда не изучал теологию.

Для последнего дня января вдоль центрального побережья ночь достаточно спокойная. И тихая. Воздух приятно слегка пахнет морем. Тем не менее, моё чувство грядущей опасности настолько велико, что я не удивлюсь, если земля под ногами разверзнется и проглотит меня.

Вокруг вывески на крыше закуской летают ночные бабочки. Их природный цвет, должно быть, белый, потому что они стали полностью голубыми или красными в зависимости от того, какой неон ближе к ним. Летучие мыши, тёмные и неизменные, непрерывно кружат, поедая светящийся рой.

Я не во всём вижу знаки и знамения. Однако, прожорливые и пока что безмолвные летучие грызуны пугают меня, и я решаю не заглядывать сразу в закусную, как намеревался.

«Ягуар» из станции техобслуживания за тремя восемнадцатиколёсниками исчез. Механик подметает пол гаража.

У открытых ворот я говорю: «Доброе утро, сэр», так бодро, как будто великолепный розовый рассвет уже окрасил небо, а хоры певчих птиц прославляют дар жизни.

Когда он отрывается от своей работы с метлой, настаёт момент из «Призрака оперы»¹. Ужасный шрам тянется от его левого уха, через верхнюю губу, сквозь нижнюю губу к правой стороне подбородка. Что бы ни было причиной этой раны, выглядит она так, как будто была зашита не врачом, а рыбаком с помощью крючка и мотка лески.

Не показывая чувства неловкости по поводу своей наружности, он говорит: «Привет, сынок» и одаривает меня ухмылкой, какую мог бы выдать восставший Дракула.

– Ты встал даже раньше, чем Уолли и Ванда подумали о том, чтобы пойти в кровать.

– Уолли и Ванда?

– О, извини. Наши опоссумы. Некоторые говорят, что они просто большие уродливые красноглазые крысы. Но сумчатые – это не крысы. И уродством они называют красоту – ведь у каждого красота своя. Что ты думаешь об опоссумах?

– Живут и пусть живут.

¹ «Призрак оперы / The Phantom of the Opera» — мюзикл Эндрю Ллойда Уэббера (1986), основанный на одноименном романе французского писателя Гастона Леру.

– Я забочусь о том, чтобы Уолли и Ванда получали помои из закуской каждую ночь без исключения. Это их толстит. Но у них тяжёлая жизнь, с пумами, рыжими рысями и стаями койотов, которые едят опоссумов. Ты не считаешь, что у опоссумов тяжёлая жизнь?

– Ну, по меньшей мере, сэр, у Уолли есть Ванда, а у неё – Уолли.

Внезапно его голубые глаза наполняются слезами, а обезображенные губы дрожат, как будто он близок к тому, чтобы разрыдаться от любви между опоссумами.

На вид ему около сорока лет, однако, волосы тёмно-серые. Несмотря на ужасный шрам, у него есть черты добродушия, говорящие о том, что с детьми он обращается так же хорошо, как и с животными.

– Ты был прав и сказал это от сердца. У Уолли есть Ванда, а у Донни есть Дениз, которая делает всё сносным.

На нагрудном кармане его рубашки, входящей в состав униформы, вышито имя «ДОННИ».

Он смахивает слёзы и говорит:

– Сынок, что я могу сделать для тебя?

– Я уже некоторое время бодрствую, и не буду спать еще сколько-то. Я надеюсь, что на любой остановке для дальнбойщиков должны продаваться кофеиновые таблетки.

– У меня есть «Ноудоз»¹ в виде жевательных конфет. Или в торговом автомате – там есть такие высокооктановые вещи, как «Ред Булл» или «Маунтин Дью»², или этот новый энергетический напиток, который называется «Надери задницу».

– Он правда называется «Надери задницу»³?

– Стандартов больше нет, нигде, ни в чём. Если они подумают, что это будет лучше продаваться, они назовут это «Хорошее дерьмо». Извиняюсь за свой язык.

– Нет проблем, сэр. Я возьму упаковку «Ноудоз».

Ведя меня через гараж к офису станции, Донни говорит:

¹ Один из брендов, под которым в США продают кофеин.

² Безалкогольный сильногазированный прохладительный напиток, торговая марка американской компании PepsiCo. Оригинальный рецепт изобретён в Ноксвилле в 1940-х гг.

³ На самом деле на данный момент, судя по всему, напитка под названием «Надери задницу / Kick-Ass» нет, но есть комикс, фильм, книга и песня.

– Наш семилетка узнал о сексе из одного субботнего утреннего мультипликационного шоу. Ни с того, ни с сего однажды Рики говорит, что не хочет быть ни традиционным, ни геем, это всё отвратительно. Мы отсоединили нашу спутниковую тарелку. Стандартов больше нет. Сейчас Рики смотрит мультфильмы «Диснея» и «Уорнер Бразерс» с ди-ви-ди. Тебе никогда не придётся волноваться, что Багс Банни, возможно, соберётся сделать это с Даффи Даком.

В дополнение к «Ноудоз» я покупаю два шоколадных батончика.

– Торговый автомат принимает доллары или мне их необходимо разменять?

– Он замечательно берёт банкноты, – говорит Донни. – Таким молодым, как ты выглядишь, не следует крутить баранку подолгу.

– Я не дальнбойщик, сэр. Я безработный повар.

Донни провожает меня наружу, где я беру из торгового автомата банку «Маунтин Дью».

– Моя Дениз – она повар в закусочной. У вас есть свой собственный язык.

– У кого?

– У вас, поваров. – Две части его шрама смещаются друг относительно друга, когда он смеётся, как будто бы его лицо разваливается словно упавшая глиняная миска. – Две коровы, заставь их плакать, дай им одеяла и случи со свиньями.

– Ресторанный жаргон. Так официантки называют заказ, состоящий из двух гамбургеров с луком, сыром и беконом.

– Меня это всё забавляет, – говорит он, и это в самом деле так. – Где ты был поваром – когда ты работал, я имею в виду?

– Ну, сэр, меня носит повсюду.

– Должно быть, это прекрасно – видеть новые места. Не видел новых мест уже долгое время. Было бы здорово взять Дениз в какое-либо новое место. Только мы вдвоём. – Его глаза снова наполняют слёзы. Должно быть, это самый сентиментальный автомеханик на всём Западном побережье. – Только мы вдвоём, – повторяет он, и за нежностью в его голосе, которую вызывает любое упоминание его жены, я слышу нотку отчаяния.

– Я догадываюсь, что с детьми сложно сорваться с места только вам двоим.

– Мы никогда отсюда не вырвемся. Никак, никоим образом.

Возможно, я представляю в его глазах что-то большее, чем там есть, но подозреваю, что эти последние непролитые слёзы настолько же горькие, как и солёные.

Когда я запиваю пару «Ноудоз» содовой, он говорит:

– И часто ты так встряхиваешь свой организм?

– Не часто.

– Если ты будешь делать это часто, сынок, ты наверняка схлопочешь себе кровоточащую язву. Слишком много кофеина выедает стенку желудка.

Я запрокидываю голову назад и осушаю содовую несколькими длинными глотками.

Когда я выкидываю пустую банку в ближайшую урну, Донни говорит:

– Как тебя зовут, мальчик?

Голос тот же, но тон отличается. Его приветливость улетучилась. Когда я встречаюсь с ним глазами, они всё ещё голубые, но становятся немного стальными, чего я не замечал до этого, новая прямота.

Иногда неправдоподобная история может показаться слишком неправдоподобной, чтобы быть ложью, и по этой причине она ослабляет подозрение. Так что я выбрал:

– Поттер. Гарри Поттер.

Его взгляд такой же острый, как игла у детектора лжи.

– Это звучит настолько же правдоподобно, как если бы ты сказал: «Бонд. Джеймс Бонд».

– Ну, сэр, это имя, которое я получил. Мне оно всегда нравилось до книг и фильмов. Когда примерно в тысячный раз кто-то спросил меня, правда ли я волшебник, я начал мечтать о том, чтобы моё имя стало любимым другим, как Лекс Лютор¹ или какое-нибудь ещё.

Дружелюбная и общительная манера Донни на мгновение сделала «Уголок Гармонии» почти таким же добрым, как Пуховая опушка². Но теперь воздух пахнет солёным морем меньше, чем разлагающимися водорослями, блеск бензоколонки кажется таким же неприятным, как освещение комнаты для допросов в полицейском

¹ Александр Джозеф «Лекс» Лютор (англ. Alexander Joseph «Lex» Luthor) — суперзлодей «DC Comics» и заклятый враг Супермена. Создан Джерри Сигелом и Джо Шустером. Дебют персонажа состоялся в 1940 г.

² Здесь идёт отсылка ко второй книге оригинального цикла про Винни-Пуха «Дом на Пуховой опушке / The House at Pooh Corner» (1928) английского писателя Алана Александра Милна (1882-1956). Пуховая опушка / Pooh Corner созвучна с названием мотеля «Уголок Гармонии / Harmony Corner» из настоящей книги.

участке, и когда я смотрю ввысь на небо, то не могу найти Кассиопею или другое созвездие из тех, что знаю, как будто Земля отвернулась от всего, что привычно и утешительно.

– Итак, если ты не волшебник, Гарри, то каким родом занятий, говоришь, ты занимаешься?

Не только его тон отличается, но также и дикция. И у него, кажется, начались проблемы с кратковременной памятью.

Возможно, он отмечает моё удивление и верно предполагает причину этого, потому что говорит:

– Да, я знаю, что ты сказал, но подозреваю, что это далеко не всё.

– Извините, но повар – это всё, сэр. Я не мальчик со многими способностями.

Его глаза сужаются в подозрении.

– Яйца – развали и растяни их. Сердечные дранки.

Я, как прежде, перевожу.

– Подать три яйца вместо двух – это растянуть их. Развалить их – означает взболтать. Сердечные дранки – тост с дополнительным маслом.

С глазами, сжатыми до щёлок, Донни напоминает мне Клинта Иствуда¹, если бы Клинт Иствуд был на восемь дюймов ниже, тридцать фунтов тяжелее, менее красивым, с присущим мужчинам облысением и со скверным шрамом.

Он делает из простого утвердительного тона угрозу:

– «Гармонии» не нужен ещё один повар блюд быстрого приготовления.

– Я не устраиваюсь на работу, сэр.

– Тогда что ты делаешь здесь, Гарри Поттер?

– Ищу смысл своей жизни.

– Возможно, в твоей жизни нет никакого смысла.

– Я почти уверен, что есть.

– Жизнь бессмысленна. Каждая жизнь.

¹ Клинтон «Клинт» Иствуд-младший (англ. Clinton «Clint» Eastwood, Jr., род. 1930) – американский киноактёр и кинорежиссёр. Обладатель четырёх премий «Оскар» в номинациях «Лучший режиссёр» и «Лучший фильм года», а также «Награды имени Ирвинга Тальберга» за продюсерский вклад в киноискусство.

– Возможно, это подходит к вам. Но не подходит ко мне.

Он прочищает горло с таким шумом, что заставляет подумать о том, не балуется ли он нетрадиционными привычками в личной гигиене и не имеет ли отвратительную волосяную опухоль в пищеводе. Когда он плюёт, мерзкий комок слизи разбрызгивается по тротуару в двух дюймах от моей правой туфли, которая, несомненно, была его намеренной целью.

– Жизнь бессмысленна, но только не в твоём случае. Это так, Гарри? Ты лучше, чем все остальные, а?

Его лицо сжимается под непостижимым углом. Благородный сентиментальный Донни превратился в Донни Варвара, потомка Аттилы¹, который был способным к внезапной бессмысленной жестокости.

– Не лучше, сэр. Возможно, хуже большинства людей. Как бы то ни было, не имеет значения, лучше или хуже. Я просто другой. Примерно как морская свинья, которая выглядит как рыба, плавает как рыба, но не является рыбой, потому что это млекопитающее и потому что никто не хочет её съесть с хрустящим картофелем. Или как луговая собачка², которую каждый зовёт собачкой, но на самом деле это совсем не собака. Она выглядит как, например, круглолицая белка, но это также и не белка, потому что живёт в туннелях, не на деревьях, и впадает в зимнюю спячку зимой, но при этом не медведь. Не сказал бы, что луговая собачка лучше, чем настоящая собака или лучше, чем белки или медведи, просто другая, как морская свинья другая, но, конечно, в ней нет также ничего похожего на морскую свинью. Так что, думаю, я вернусь к своему домику и съем свои шоколадные батончики, и подумаю о морских свиньях и луговых собачках до тех пор, пока не смогу выразить эту аналогию более понятно.

Иногда, выдавая себя за болвана и немного чокнутого, я могу убедить плохого парня, что не представляю для него угрозы, и что я недостоин траты времени и энергии, которые он должен потратить на плохие вещи по отношению ко мне. В других случаях моё притворство приводит их в ярость. Уходя прочь, я почти ожидал быть сваленным на землю лопаткой для надевания покрышек.

Глава 3

Дверь в Дом № 6 открывается, когда я подхожу к нему, но на пороге никто не появляется.

¹ Аттила (лат. Attila, ум. 453) — вождь гуннов с 434 по 453 год, объединивший под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья.

² Грызун, обитающий в подземных норах-лабиринтах в Северной Америке.

Когда я вхожу, закрывая за собой дверь, то обнаруживаю Аннамарию на коленях, чистящую зубы золотистому ретриверу.

Она говорит:

– У Блоссом когда-то была собака. Она положила дополнительную зубную щётку в корзинку для Рафаэля и тюбик зубной пасты со вкусом печёнки.

Золотистый сидит с поднятой головой, в высшей степени терпеливый, позволяя Аннамарии поднять его отвислые губы, чтобы добраться до зубов, сдерживаясь от слизывания пасты с щётки до того, как она пойдёт в дело. Он переводит взгляд на меня, как бы говоря: «Это раздражает, но она хочет как лучше».

– Мэм, я хотел бы, чтобы ты держала дверь на замке.

– Она замкнута, когда закрыта.

– Она открывается от ветра.

– Только для тебя.

– Почему это случилось?

– А почему не должно было?

– Я должен был спросить – как это случилось?

– Да, этот вопрос звучал бы лучше.

Зубная паста со вкусом печёнки вызывает слишком много собачьей слюны. Аннамария делает паузу в чистке и использует полотенце для рук, чтобы вытереть досуха промокший мех на челюстях и подбородке Рафаэля.

– Перед тем как пойти на разведку, я должен был предупредить тебя, чтобы ты не смотрела телевизор. Поэтому я вернулся. Предупредить тебя.

– Я знаю, что такое телевизор, молодой человек. Я скорее сгорю на костре, чем буду смотреть большинство из этого.

– Не смотри также и хорошие вещи. Не включай его. Я думаю, телевидение – это путь.

Когда она выдавливает на щётку больше зубной пасты, то говорит:

– Путь для чего?

– Это отличный вопрос. Если бы у меня был ответ, я бы знал, зачем притащился в «Уголок Гармонии». И каким это образом дверь открыта только для меня?

– Какая дверь?

– Эта дверь.

– Эта дверь закрыта.

– Да, я только что её закрыл.

– Ты хороший мальчик, засунь свой язык обратно, – даёт она указание псу, потому что он позволяет ему высунуться.

Рафаэль втягивает язык, и она начинает работать над его передними зубами, и только кончик его хвоста дёргается.

Кофеин ещё не начал ударять, и у меня больше нет энергии, чтобы наседать в споре о двери.

– На станции техобслуживания есть механик по имени Донни. У него две личности, и вторая подходит для использования гаечного ключа способами, про которые его производитель и не знает. Если он постучит в твою дверь, не впускай его.

– Я не собираюсь впускать никого, кроме тебя.

– Эта официантка, с которой ты разговаривала, когда снимала домики...

– Холли Хармони.

– Она была... нормальной?

– Она была восхитительной, дружелюбной и знающей дело.

– Она не делала ничего странного?

– Что ты имеешь в виду?

– Я не знаю. Скажем... она не ловила мух в воздухе и не ела их или что-то в этом роде?

– Какой любопытный вопрос.

– Делала?

– Нет. Определённо, нет.

– Она еле сдерживалась, чтобы не заплакать?

– Совсем нет. У неё была милейшая улыбка.

– Возможно, она слишком много улыбалась?

– Невозможно слишком много улыбаться, странный ты мой.

– Ты когда-нибудь видела Джокера¹ в «Бэтмене»?

Закончив с зубной гигиеной Рафаэля, Аннамария откладывает зубную пасту в сторону и использует ручное полотенце, чтобы протереть его морду. Улыбка у ретривера как у Джокера.

Когда она поднимает гигиеническую расчёску и начинает работать над шёлковым мехом Рафаэля, то говорит:

– Мизинец на её правой руке заканчивается между вторым и третьим суставом.

– У кого? У официантки? У Холли? Ты же сказала, что она нормальная.

– Нет ничего ненормального в том, чтобы потерять часть пальца при несчастном случае. Это не из той категории, когда едят мух.

– Ты спросила у неё, как это случилось?

– Конечно, нет. Это было бы невежливо. Мизинец на её левой руке заканчивается между первым и вторым суставами. Это просто обрубок.

– Подожди, подожди, подожди. Два обрубленных мизинца – это точно ненормально.

– Две раны могли произойти во время одного несчастного случая.

– Да, конечно, ты права. Она могла жонглировать мясницкими ножами в каждой руке, когда упала с одноколёсного велосипеда.

– Тебе не идёт сарказм, молодой человек.

Я не знаю, почему её мягкое порицание жалит, но это так.

Как будто понимая, что мне высказали мягкое замечание, Рафаэль перестаёт улыбаться. Он одаривает меня суровым взглядом, как будто бы подозревает, что если я способен быть саркастичным с Аннамарией, то могу быть таким парнем, который стаскивает печенье из собачьей чашки и потом сам съедает.

Я говорю:

– У механика Донни огромный шрам через всё лицо.

– Ты спросил его, как это случилось? – осведомляется Аннамария.

¹ Суперзлодей вселенной DC Comics, заклятый враг Бэтмена. Джокер носит фиолетовый костюм и сражается при помощи разных предметов, которые стилизованы под реквизит клоуна и иллюзиониста.

– Я хотел, но потом Добрый Донни превратился в Злого Донни, и я подумал, что если спрошу, он может продемонстрировать это на моём лице.

– Ну, я довольна, что у тебя есть прогресс.

– Если это показатель прогресса, то, думаю, нам лучше снять домики на год.

Пока она совершает длинные лёгкие движения расчёской, зубчатый капкан распутывает великолепный мех собаки.

– Ты ещё не закончил вынюхивать на эту ночь, не так ли?

– Нет, мэм. Я только начал вынюхивать.

– Тогда я уверена, что ты быстро докопаешься до сути.

Рафаэль решает меня простить. Он улыбается мне ещё раз, и в ответ на заботливый уход, который он получает, издаёт звук истинного блаженства – частично вздох, частично мурлыканье, частично стон наслаждения.

– Ты и правда можешь найти подход к собакам, мэм.

– Если они знают, что ты их любишь, у тебя всегда будут их доверие и преданность.

Её слова напомнили мне о Сторми, то, каким образом мы были связаны друг с другом, нашу любовь, доверие и преданность. Я говорю:

– Людям это тоже нравится.

– Некоторым людям. Вообще говоря, при этом, люди более проблематичные, чем собаки.

– Плохие люди, конечно.

– Плохие, те, которые от случая к случаю переходят черту между хорошим и плохим, и некоторые хорошие люди. Даже глубоко любящие, и у которых навсегда отпала необходимость внушать преданность.

– Здесь есть, о чём подумать.

– Я уверена, ты думал об этом часто, Томми.

– Ну, я пойду ещё немного поразнюхиваю, – заявляю я, поворачиваясь к двери, но потом не двигаюсь.

После расчёсывания длинной пышной бахромы из меха на передней лапе собаки, которую страстные любители ретриверов называют оперением, Аннамария говорит:

– В чём дело?

– Дверь закрыта.

– Чтобы не впускать переменчивого механика, Донни, о котором ты так настойчиво предупреждал меня.

– Она открывается сама по себе, когда я появляюсь перед ней извне.

– Ты хочешь сказать – что?

– Не знаю. Я просто говорю.

Я смотрю на Рафаэля. Рафаэль смотрит на Аннамарию. Аннамария смотрит на меня. Я смотрю на дверь. Она остаётся закрытой.

Наконец, я берусь за ручку и открываю дверь.

Она говорит:

– Я думаю, это мог сделать ты.

Вглядываясь в покрытый завесой ночи мотель, где слегка дрожат деревья, я испытываю страх перед кровопролитием, которое, как я подозреваю, мне потребуется совершить.

– В «Уголке Гармонии» нет настоящей гармонии.

Она говорит:

– Но есть уголок. Убедись, что тебя не водят за нос, молодой человек.

Глава 4

На случай, если за мной наблюдают, я не продолжаю разведку немедленно, я возвращаюсь в свой домик и запираю за собой дверь.

Не так много лет назад почти 100 процентов людей, которые думали, что за ними постоянно наблюдают, признавались параноиками. Но недавно обнаружилось, что во имя общественной безопасности Министерство внутренней безопасности и сотня других местных, на уровне штатов и федеральных агентств, используют воздушные наблюдательные беспилотники такого типа, которые прежде использовались только в заграничных конфликтах – на низких высотах, за пределами полномочий управления воздушным движением. Скоро больше будет беспокоить не то, что когда вы выгуливаете собаку, за вами секретно наблюдают, а что эти быстро увеличивающиеся в количестве

беспилотники начнут сталкиваться друг с другом и с транспортными самолётами, и что вас убьёт падающий беспилотник, который наблюдал за вами, чтобы убедиться, что вы подобрали кашки Фидо¹ в одобренный на федеральном уровне пакет для домашних питомцев.

Возвратившись в свой домик, я думаю включить телевизор на канале, по которому идут классические фильмы, чтобы увидеть, дадут ли мне Кэтрин Хепбёрн² или Кэри Грант³ совет, что я должен спать. Но кофеин скоро вставит спички мне в глаза, и, подозреваю, мне необходимо быть, по меньшей мере, на грани клевания носом перед тем, как противник – кем бы или чем бы он ни был – сможет получить ко мне доступ через телевидение.

Я выключаю почти весь свет, так что снаружи это может выглядеть так, будто я закончил исследовать «Уголок Гармонии», и оставляю гореть одну лампу в качестве ночного светильника. Сидя на краю кровати, я ем шоколадный батончик.

Одно из преимуществ жизни в почти постоянной опасности – то, что я не должен беспокоиться о таких вещах, как холестерин и прогнивший зуб. Я уверен, что меня убьют задолго до того, как мои артерии забьются тромбоцитами. Что касается дырок в зубах, я скорее потеряю зубы в жёстких столкновениях. Мне ещё не стукнуло двадцать два, а у меня уже семь искусственных зубов.

Я съедаю второй шоколадный батончик. Скоро, спасибо всему сахару и кофеину, у меня будет такая проводимость, что я смогу принимать радиопередачу с ближайшей ретрансляционной вышки через титановые контакты, которые фиксируют те семь искусственных зубов в челюстной кости. Надеюсь, это не будет станция с величайшими хитами, специализирующаяся на мелодиях диско семидесятых.

Я выключаю последнюю лампу, которая на прикроватном столике.

За кроватью в дальней стене домика окно с открывающимися с помощью ручек створками предлагает вид ночного леса. Две створки открываются внутрь для притока свежего воздуха, а сетка не пропускает ночных бабочек и других вредителей. Сетка

¹ Фидо / Fido – собачья кличка, популярная в США.

² Кэтрин Хепбёрн (англ. Katharine Hepburn, 1907 – 2003) — американская актриса, выдвигавшаяся на премию «Оскар» двенадцать раз и удостоенная этой премии четырежды — больше, чем любой другой актёр или актриса в истории. Наряду с Бетт Дэвис была признана Американским институтом кино величайшей актрисой в истории Голливуда.

³ Кэри Грант (англ. Cary Grant; 1904 – 1986) — англо-американский актёр, который стал воплощением неизменного остроумия, невозмутимости и хладнокровия. Известен главными ролями в бурлескных комедиях, особенно довоенных, и в фильмах Альфреда Хичкока. Американский институт кино признал его величайшим киноактёром в истории Голливуда после Хамфри Богарта.

подпружинена сверху и легко снимается. Снаружи я заново устанавливаю её, не производя много шума.

Последний аспект моего шестого чувства – это то, что Сторми назвала психическим магнетизмом. Если мне необходимо найти кого-то, местонахождение кого я не знаю, я держу его имя на переднем плане своих мыслей, а его лицо перед мысленным взором. Затем я иду, еду на велосипеде или на машине, без определённого маршрута, следуя туда, куда мне хочется, хотя на самом деле меня притягивает к нужному человеку необъяснимая интуиция. Обычно в течение получаса, часто быстрее, я определяю местонахождение человека, которого ищу.

Также психический магнетизм работает – хотя несколько хуже – когда я ищу неодушевлённый объект и иногда даже когда я ищу место, которое я могу назвать только по его назначению. Например, в данном случае, прохаживаясь позади дуги из домиков и через покрытый лунным светом лес, я держу в уме слово «логово».

Уникальное Присутствие работает в «Уголке Гармонии», кто-то или что-то, что может путешествовать посредством телевидения и отправлять засыпающего человека в глубокий сон, внедряясь в его сны в надежде на то, что пока он спит, его воспоминания за всю жизнь можно прочесть, по его душе поиск осуществляется так же просто, как обшаривание взломщиком дома в поисках ценностей. Это существо, человек или иное, должно иметь физическую форму, так как, по моему опыту, ни один дух не обладает такими способностями. Это существо где-то обитает, и, учитывая его, по-видимому, хищническую природу, место, где оно проживает, лучше всего описать как логово, а не как дом.

Вскоре я достигаю края леса, за которым травянистая поверхность спускается вниз светлыми мягкими волнами на протяжении примерно трёхсот ярдов. Идущие с запада тёмные волны более кратковременной природы непрерывно разбиваются о песок. Убывающая луна серебрит траву высотой по колено, пляж и пену, в которую превращаются разбитые волны.

Я смотрю сверху на небольшую бухту. На возвышенности к северу горят фонари станции техобслуживания и закулочной. Чёрная лента, возможно, тропинка, разматывается от закулочной, идёт через покрытую лунным инеем траву, по диагонали по серии нисходящих склонов и вдоль долины к группе домов прямо над пляжем, возле южного края бухты.

По-видимому, там семь домов, они больше шести остальных, но все значительного размера. В двух строениях из окон идёт электрический свет, а пять домов – тёмные.

Так как всё семейство Хармони, включая зятьёв и невесток, комплектуется собой штат предприятий, находящихся прямо у прибрежного шоссе, двадцать четыре часа в день, семь дней в неделю, они должны жить поблизости. Это, должно быть, их частный

небольшой анклав из домов, живописное и привилегированное место для жизни, хотя и немного труднодоступное.

Несмотря на то, что этот январь спокойный, змеи, скорее всего, не так активны в этих лугах, как будут в более тёплые времена года, и особенно не в прохладе ночи. Я очень не люблю змей. Однажды я был заперт на всю ночь в серпентарии¹, где много образцов вылезли из своих стеклянных ограждений для просмотра. Если бы они предложили мне яблоки с древа знаний, думаю, я смог бы это выдержать, но они хотели только впрыснуть свой яд, отказывая мне в шансе обратить вспять гибельную историю мира.

Я пробираюсь вниз через пологие луга, трава по колено, пока не выхожу, не покусанный прячущимися змеями и не уничтоженный падающими беспилотниками, на асфальтовую поверхность, по которой следую к домам.

Они представляют из себя очаровательные викторианские дома, украшенные богатыми верандами и декоративной столярной работой – некоторые называют её мишурой – которая применяется повсюду. В лунном свете кажется, что они все принадлежат неоготическому стилю: несимметричные, неправильная компоновка с круто наклонёнными крышами, в которые вставлены мансардные окна, другие окна увенчиваются готическими сводами, а также искусно отделанные фронтоны.

Шесть домов стоят бок о бок на больших участках, а седьмой – самый большой – руководит другими с возвышения, в тридцати футах над ними и в сотне футов позади. В комнате на втором этаже основного дома, а также в нескольких комнатах на первом этаже в последнем из шести домов первого ряда горит свет.

Сначала я чувствую, что меня тянет к последнему дому в переулке. Я дохожу до него, однако обнаруживаю, что продолжаю идти, когда тротуар уже закончился, вниз по склону, вдоль изрытой колеями просёлочной дороги, на которой расколотые морские ракушки хрустят и трещат под ногами.

Пляж отлогий, ограждённый десятифутовой насыпью, заросшей кустарником, вероятно, дикой олеарией². Волны высотой около трёх футов с гребнями, образующимися у самого берега, разбиваются вдребезги с гулким грохотом, словно спящие драконы, ворчащие во сне.

В тридцати футах к северу мой взгляд улавливает движение. Кто-то, встревоженный моим появлением, падает и растягивается на песке.

¹ Помещение или пространство (например, парк) для содержания змей с целью получения от них яда; разновидность террариума.

² Олеария – вечнозелёные растения семейства Сложноцветные, невысокие деревья, кустарники и полукустарники. Распространены в субтропических и частично в тропических районах Австралии, Тасмании и Новой Зеландии, а также на острове Новая Гвинея.

Засунув руку под толстовку, я вытаскиваю из-за пояса пистолет.

Я повышаю голос, чтобы перекричать море.

– Кто там?

Фигура вскакивает и перебегает к заросшей насыпи. Она худощавая, около четырёх с половиной футов ростом, ребёнок, скорее всего, девочка. Флаг из длинных светлых волос слегка дрожит в лунном свете, а затем она исчезает в тёмном фоне кустарников.

Интуиция подсказывает мне, что если она не та, кого я ищу, она, тем не менее, является ключом к поиску правды того, что происходит в «Уголке Гармонии».

Я поворачиваюсь в сторону насыпи, спеша на север. Ранее журчащие волны, должно быть, добирались на расстояние до фута от начала кустарника, потому что сейчас прилив закончился, узкая полоска между линией прибоя и уклоном всё ещё сырая и сильно уплотнённая.

Когда я прошёл порядка сотни футов, не обнаружив намеченной цели, я понял, что пропустил её. Я разворачиваюсь и иду на юг, изучая тёмный косогор в поисках пути, с помощью которого она могла подняться сквозь растительность.

Вместо тропинки я обнаруживаю тёмный вход дренажной трубы, который не заметил в спешке во время преследования девочки. Труба огромная, возможно, шесть футов в диаметре, проходит через насыпь и частично прикрыта вьющимися растениями.

Благодаря подсветке заходящей луны я предполагаю, что она может меня видеть.

– Я не причиню тебе вреда, – уверяю я её.

Когда она не отвечает, я проталкиваюсь сквозь различную растительность и делаю два шага внутрь огромной бетонной дренажной трубы. Сейчас я должен быть для неё менее различимым силуэтом, но она остаётся невидимой для меня. Она может быть на расстоянии руки или в сотне футов отсюда.

Я задерживаю своё дыхание и прислушиваюсь к её, но грохочущий пульс моря превращается в окружающий со всех сторон шёпот в трубе, скользящий кругом и вокруг искривлённых стен. Я не могу расслышать ничего настолько едва различимого, как дыхание ребёнка – или её крадущиеся шаги, если она подходит ко мне сквозь абсолютно чёрный туннель.

Учитывая то, что она маленькая девочка, и то, что я взрослый мужчина, которого она не знает, она, конечно, отойдёт подальше по трубе по мере моего продвижения, вместо того, чтобы попытаться сбить меня с ног и сбежать – если только она не одичавшая или не опасная психопатка, или и то, и другое вместе.

Годы жестоких столкновений и сверхъестественного опыта дали плоды на дереве моего воображения за гранью здравомыслия. Я прохожу несколько шагов внутри трубы, и меня останавливает мысленный образ светловолосой девочки: лихорадочно блестящие глаза, губы, искажённые в рыке, идеальные зубы, совсем как жемчужины, между некоторыми из них застрявшие куски кровавого мяса, плоть чего-то, съеденного сырым. В одной руке у неё огромная вилка с двумя зубьями, в другой – страшный нож для резьбы, жаждущий вспороть мой живот как индейку.

Это не экстрасенсорное зрение, а просто девочка-монстр, возникшая на мгновение благодаря трению друг от друга моих истрёпанных нервов. Несмотря на всю нелепость этого страха, он, тем не менее, напоминает мне, что было бы глупо, с пистолетом или без, пробираться дальше в этой абсолютной темноте.

– Извини, если я напугал тебя.

Она продолжает молчать.

Так как мой воображаемый психопатический ребёнок исчезает, я обращаюсь к настоящему.

– Я знаю, что что-то ужасно неправильное происходит в «Уголке Гармонии».

Поделившись своим знанием, я всё же не очаровал её настолько, чтобы начать диалог.

– Я пришёл помочь.

Заявление о благородных намерениях, которое я только что сделал, приводит меня в замешательство, потому что кажется хвастовством, как будто я верю в то, что люди в «Уголке Гармонии» никого не ждут, кроме меня, и теперь я здесь, и, будьте уверены, исправлю всю несправедливость и совершу над всем правосудие.

Моё шестое чувство – особенное, но скромное. Я не супергерой. На самом деле, иногда я всё порчу, и умирают люди, когда я отчаянно пытаюсь их спасти. Конечно, мой основной дар, способность видеть духов задержавшихся умерших, здесь не действует, и мне остаётся только особо развитая интуиция, психический магнетизм, призрачный пёс, который постоянно где-то шляется, и положительная оценка для роли, которую нелепость играет в наших жизнях. Если бы Супермен потерял способность летать, свою силу, рентгеновское зрение, стойкость к клинкам и пулям, и у него остался бы только его костюм и уверенность, он бы, скорее всего, больше помог семье Хармони, чем я.

– Я уже уйду, – сообщаю я темноте, мой голос разносится достаточно глухо вдоль искривлённого бетона. – Надеюсь, ты меня не боишься. Я тебя не боюсь. Я только хочу быть твоим другом.

Я начинаю подозревать, что я здесь один. Возможно, фигура, которую я видел, нашла путь через кустарники и через насыпь, в этом случае робкая девочка, к которой я сейчас обращаюсь, такая же воображаемая, как и та, которая одержима убийством, с ножом для резьбы.

Как я давно выяснил, можно чувствовать себя так же глупо, когда ты в одиночестве, как и в случае, когда твоя ошибка в суждении или поведении происходит на глазах у изумлённой толпы.

Чтобы избежать ещё более нелепых мыслей, я решаю выходить из трубы не спиной вперёд, а повернуться и выйти наружу, не беспокоясь о том, кто может быть у меня за спиной. На первом шаге моё воображение вызывает нож, извивающийся в темноте, а на третьем шаге я ожидаю, что оружие вонзится мне в левую лопатку и в сердце.

Я выхожу из дренажной трубы без ранений, поворачиваюсь налево, на пляж, и ухожу с возрастающей уверенностью, что в каком бы фильме я ни находился, это не слэшер¹. Когда я выхожу на изрезанную колеями дорогу, усыпанную разрушенными ракушками, то оглядываюсь, но девочки – если это была девочка – не видно.

Вернувшись к асфальтированному переулку и к последнему из семи домов, где свет горел в паре комнат на первом этаже, я решаю провести разведку от окна к окну. Когда я поднимаюсь на крыльцо с кошачьей ловкостью и мышиной осмотрительностью, женский голос произносит:

– Что тебе надо?

Пистолет всё ещё в руке, я его опускаю вниз, рассчитывая, что темнота замаскирует его. На крыльце я вижу что-то похожее на четыре сплетённых из прутьев стула с подушками, стоящих в ряд. Женщина сидит на третьем из них, едва видимая в свете, который исходит из занавешенного окна позади неё. Затем я улавливаю запах кофе, и вижу её как раз настолько хорошо, чтобы разглядеть, что она держит кружку в обеих руках.

– Я хочу помочь, – говорю я ей.

– Помочь с чем?

– Всем вам.

– Что заставляет тебя думать, что нам нужна помощь?

– Лицо Донни со шрамом. Ампутированные пальцы Холли.

¹ Поджанр фильмов ужасов (иногда называемых фильмы отсчёта тел или фильмы мёртвых подростков), для которого характерно, как правило, наличие убийцы-психопата (иногда носящего маску), который преследует и жестоко убивает серию жертв.

Она пьёт свой кофе.

– И вещь, которая почти случилась со мной, когда я пил пиво и смотрел телевизор.

Она всё ещё не отвечает.

Ритмичный грохот прибоя отсюда не слышен.

Наконец она говорит:

– Нас предупредили о тебе.

– Кто предупредил?

Вместо ответа она говорит:

– Нас предупредили, чтобы мы сторонились тебя... и мы думаем, что знаем, почему.

На западе луна такая круглая, как циферблат карманных часов, и в этом исключительно чистом небе кажется, что она лежит в кармане для часов.

До рассвета из-за горизонта на востоке всё ещё остаётся больше часа. Я не знаю, почему, но думаю, что получить откровенный разговор с одним из них проще в темноте.

Она говорит:

– Меня накажут, если я что-нибудь расскажу. Строго накажут.

Если бы она уже решила не разговаривать со мной, ей не нужно было бы намекать, что она дорого за это заплатит. Она бы просто сказала мне убраться.

Ей нужна причина, чтобы рискнуть, и я думаю, что знаю, что может её побудить.

– Это вашу дочь я видел на пляже?

Глаза женщины едва блестят в окружающем свете.

Я сел на крайнее сидение, оставив пустой стул между нами, и положил пистолет на колени.

С меньшим волнением, чем должен ощущать, я ищу способы воздействия на неё.

– У вашей дочери тоже шрам? У неё ещё все пальцы на месте? Её наказывали строго?

– Ты не должен этого делать.

– Делать что, мэм?

– Давить на меня так сильно.

– Извините.

– Что ты такое? – спрашивает она. – На кого ты работаешь?

– Я агент, мэм, но не могу сказать, чего.

Это вполне себе правда. Я мог сказать ей, агентом чего не являюсь: ФБР, ЦРУ, БАТФ¹... Офис, к которому я принадлежу, не выдаёт значки или зарплату и, тем не менее, как мне кажется, мой дар делает меня агентом какой-то высшей силы, я не могу доказать это, равно как и осмелиться достаточно рассказать из-за страха, что мои мысли покажутся бредовыми.

Удивительно бесстрастно обдумывая слова, она говорит:

– Джоли, моей дочери, двенадцать лет. Она умная, сильная и здоровая. И её собираются убить.

– Почему вы так считаете?

– Потому что она слишком прелестна, чтобы жить.

Глава 5

Женщину зовут Ардис, она жена Уильяма Хармони, чьи родители создали «Уголок Гармонии».

Было время, говорит она, когда жизнь здесь была такой же идеальной, как может быть где угодно. Они наслаждались преимуществом сплочённой семьи и благами от поддерживающего предприятия, в котором они трудились вместе, без конфликтов, возможно, во многом, как семьи первооткрывателей из другой эры, возделывавшие земельные участки, производя вместе то, что им требовалось для выживания, и создавая в то же самое время историю успеха, а также делились опытом, что связывало их вместе лучшим из способов.

С момента создания «Уголка» дети семьи обучались на дому, при этом и дети, и взрослые предпочитали проводить практически всё своё свободное время, рыбача в этой бухточке, загорая на этом пляже, прогуливаясь по этим богатым лугами холмам. Там проводилась полевая практика для детей школьного возраста и, конечно, отпуск за пределами их территории – всё это прекратилось пять лет назад. Затем «Уголок Гармонии» превратился для них в тюрьму.

¹ БАТФ – Бюро по алкоголю, табаку, огнестрельному оружию и взрывоопасным веществам. Образовано в 1972 г. и входит в состав Министерства юстиции США.

Она рассказывает это очень спокойным голосом и так тихо, что временами я наклоняюсь в её сторону на своём стуле, чтобы наверняка услышать каждое слово. Она совсем не позволяет себе горевать о потере заранее, что было бы ожидаемо, если она и вправду верит, что маленькая Джоли, в наказание за её красоту, будет убита. В её голос также не проникает ни нотки страха, и я подозреваю, что она должна говорить без эмоций, или, в обратном случае, полностью потеряет самоконтроль, который требуется, чтобы рассказать мне всё.

Дословно – тюрьма, говорит она. Никаких больше отпусков за пределами этих земель. Никаких однодневных поездок. Продолжительная дружба с людьми не из круга семьи пресекается, часто с применением грубости и поддельной злобы, чтобы гарантировать, что бывшие друзья не предпримут попыток всё исправить. Только один из них за раз может покинуть территорию, и то только с целью провести банковские дела или несколько видов другой работы. Они вообще больше не ездят за покупками; всё необходимое должно заказываться по телефону и доставляться.

Несмотря на то, что её манера и её тон остаются сухими, её голос испуган, потому что она запуганная женщина. Откровение, через которое она ведет меня, подавило её дух, но ещё не сломало его. Я чувствую в ней отчаяние, то есть неспособность к такой тренировке для надежды, отчаяние, возникающее, когда сопротивление каким-то несчастьям долго оставалось тщетным. Но она не кажется полностью впавшей в постоянную безнадегу отчаянья.

Поэтому я удивляюсь, когда она прекращает рассказывать. Когда я подталкиваю её продолжить, она продолжает молчать, торжественно всматриваясь в тёмное море, как будто оно зовёт её, чтобы забрать в свои холодные воды.

Ожидание – это одна из вещей, которую человеческие существа не могут делать хорошо, однако, это одна из важнейших вещей, которые мы должны делать успешно для того, чтобы познать счастье. Мы нетерпеливы к будущему и пытаемся создать его, используя свои силы, но будущее придёт тогда, когда придёт, и не будет спешить. Если мы умеем ждать, то обнаруживаем, что то, чего мы ждали от будущего в своём нетерпении, нам больше уже не нужно, что ожидание приводит к мудрости. Я научился ждать, как жду того, чтобы увидеть, какой поступок или жертва потребуется от меня, жду, чтобы выяснить, куда я должен податься дальше, и жду того дня, когда обещание гадальной машины осуществится. Надежда, любовь и вера – в ожидании.

Спустя несколько минут Ардис говорит:

– На секунду мне показалось, я почувствовала, что она открыта.

– Что?

– Дверь. Моя личная частная дверь. Как я могу рассказать тебе больше, когда я боюсь, что упоминание его имени или его описание может привести его ко мне до того, как смогу объяснить наше положение?

Когда она снова впадает в молчание, я вспоминаю это:

– Говорят, что никогда нельзя называть имя дьявола, потому что сразу после этого ты услышишь его шаги по лестнице.

– По крайней мере, это один из способов справиться с дьяволом, – говорит она, предполагая, что, возможно, нет способа справиться с её безымянным врагом.

Пока я жду, когда она продолжит, а она ожидает, когда найдется безопасный способ сказать свою правду, темнота за перилами на крыльце кажется бескрайней, кажется, омывает нас, как море омывает ближайший берег. Собственно, ночь – это море всех морей, простирающееся до самого дальнего уголка Вселенной, луны, каждой планеты и каждой звезды, плывущей по ней. В этом моменте ожидания я почти чувствую, что этот дом и другие шесть домов, а также закусочная и станция техобслуживания, находящиеся в отдалении – огни которых кажутся огнями корабля – поднимаются и разворачиваются в ночи в ожидании отдачи швартовых.

Найдя способ приблизиться к своей правде непрямо, без упоминания имени зла, Ардис говорит:

– Ты встречался с Донни. Ты видел его шрам. Он перешёл границу, и это было его наказание. Он думал, что если будет достаточно коварным и очень быстрым, то сможет завоевать нашу свободу с помощью ножа. Вместо этого он направил его на себя и разрезал собственное лицо.

Мне показалось, что я неправильно понял.

– Он сделал это с собой сам?

Она поднимает руку вверх, как бы говоря: «Подожди». Отставляет чашку с кофе. Кладёт руки на подлокотники стула, но в её позе совсем нет расслабленности.

– Если я буду слишком точной... если объясню, почему он должен был сделать это с собой, то я скажу то, что не должна говорить, вещь, которая будет услышана и которая вызовет на нас то, что не должно быть вызвано.

Моё упоминание дьявола к этому моменту кажется более подходящим, так как в том, что она только что сказала, было что-то, что напоминает мне каденции Святого Писания.

– Донни мог умереть, если бы требовалась его смерть, но требовалось страдание. Несмотря на то, что у него сильно текла кровь и была ужасная боль, он оставался

спокойным. Несмотря на то, что его речи мешали порезанные губы, он сказал, чтобы мы привязали его к кухонному столу и положили сложенную тряпку ему в рот, чтобы заглушить крики, которые скоро начнутся, и чтобы убедиться, что он не откусит себе язык.

Она продолжает говорить тихим голосом, из которого собирается вся драма и большая часть интонации, и весь этот самоконтроль, для которого требуется такая большая сила воли, которая добавляет веры в её невероятную историю. Её руки превращаются в крепко сжатые кулаки.

– Его жена, Дениз, кричит и близка к обмороку, но, кажется, вдруг собирается с духом – как раз когда Донни, в конце концов, начинает кричать. Она говорит нам, что ей понадобится, чтобы остановить кровотечение, стерилизовать рану так хорошо, как только возможно, и зашить её. Видишь ли, она должна разделить наказание Донни, выступив орудием, которое гарантирует его постоянное уродство, которое первоклассный хирург может минимизировать. Будет повреждение нерва и нечувствительность. И каждый раз, когда она будет смотреть на него до конца их жизни, она будет частично упрекать себя за неспособность сопротивляться... сопротивляться тому, чтобы быть использованной таким образом. Мы понимаем, что если у нас не получится помочь ей, то любой из нас может быть следующим, кто разрежет собственное лицо. Мы помогаем. Она закрывает рану.

Кулаки Ардис разжимаются, и она опускает голову. Воздух вокруг неё разряжённый, как будто анализ слов перед их произнесением, при подслушивании тех, кто может вызвать Присутствие, которого она боится, истощает и её физические, и психические резервы.

Остаётся меньше часа темноты, а ночь всё ещё, кажется, надвигается, погружая холмы, снимая дома с якоря, чтобы они плыли по течению. Это ощущение – ничего больше, чем отражение состояния моей души; изменение в моём представлении реальности, того, что возможно, а что нет, то, что на минуту практически снимает меня с якоря.

Если я понимаю Ардис, то Присутствие, которое проникло в мой сон и пыталось изучить архивы моей памяти – больше, чем читатель. Он в её случае контролёр огромной силы и ещё большей жестокости, деспот-кукловод. Начав пять лет назад, он превратил «Уголок Гармонии» не совсем в тюрьму и не в пределы империи, а в карманную вселенную, сходную с первобытным островом, на котором бог вырезал в камне требования абсолютного повиновения, с отличием в том, что это ложное божество способно жестоко принуждать к выполнению команд. Оно проникло в восставшего Донни и заставило изувечить себя и после этого вошло в Дениз и, используя её руки, убедилось в том, что лицо Донни всегда будет свидетельствовать об ужасных последствиях неповиновения.

Ранее, когда Добрый Донни превратился в Злого Донни, Присутствие, должно быть, проникло в него и захватило контроль. Я вдруг начал говорить не со вторым «я» механика

и менее обаятельной личностью, а с совершенно другой индивидуальностью, с кукловодом.

На станции техобслуживания не было телевизора, и Донни был в полном сознании, когда им внезапно овладели. У меня нет полного понимания того, как передвигается Присутствие и как оно занимает место в чужом разуме. Просмотр телика всё же может не являться приглашением для этого особого проклятья – однако, проводить много времени за просмотром телевизионных реалити-шоу о жизни знаменитых семей в дикой природе с гориллами – не лучшая идея.

Я также понимаю, что под «своей личной частной дверью» Ардис подразумевает дверь в её душу. На секунду она подумала, что чувствовала её открытой.

Они живут в непрекращающемся ожидании, что в них проникнут и будут контролировать. Как они смогли сохранить здравый ум на протяжении пяти лет – за гранью моего понимания.

Хотя я предполагаю, что Ардис сказала столько, сколько отваживается говорить, она поднимает голову и продолжает, говоря спокойно, голосом, который мог бы показаться усталым, если бы я не знал об усилиях, которые требуются от неё, чтобы извлекать эти звуки.

– Моя невестка, Лаура – Хармони, но её фамилия в замужестве – Джоргенсон. У неё со Стивом, её мужем, трое детей. Средний был мальчиком, которого звали Максвелл. Мы звали его Макси.

Я отрезвлён её способностью сохранять голос без драматической окраски и, по-видимому, также внутреннему подавлению эмоций, которые должны разжигать эти откровения. Её напряжение наводит на мысль, что на каком-то уровне Присутствие всегда знает об общем настроении каждого подданного в своём маленьком королевстве. Возможно, оно извещается о вероятности неповиновения, когда один из них становится эмоционально возбуждённым немного больше обычного, похоже на то, как наши национальные спецслужбы применяют компьютеры для прослушивания миллионов телефонных звонков, не слушая каждый обмен репликами, но проводя сканирование в поисках определённой комбинации слов, по которым можно установить разговор между двумя террористами.

– Макси всегда выглядел незаурядным. Прелестный малыш, потом великолепный двухлетка. С каждым годом всё больший красавец. Ему было шесть лет, когда всё изменилось. Ему было восемь, когда мы узнали, что уровень красоты, если он слишком высок, приводит к зависти и требует устранения того, чей внешний вид вызывает нарушение.

Её способность говорить о детоубийстве такими безлики словами и в таком сдержанном тоне показывает, что за три года, прошедшие с убийства Макси, она разработала и отточила техники самообладания, с которыми я никогда не смог бы тягаться. Она сверхъестественно невозмутима, всё возбуждение подавляется, это то, что она должна делать, чтобы выжить, сейчас – чтобы спасти свою дочь.

Она говорит:

– У Шерли Джексон¹ есть рассказ «Лотерея», который поднимает вопрос ритуального забивания камнями. Каждый в городе согласится с тем, что что-то возмутительное и морально невыносимое может казаться нормальным, необходимым для общественного порядка и возможностью для сплочения общества. Те, кто участвуют в этой лотерее, поступают так по своей воле. Когда кто-то, слишком прелестный, должен быть устранён из «Уголка», участвуют все, один за другим, включая и самого Макси, но добровольно – никто.

Ужасающая сцена, которую она описывает с такой сдержанностью, пугает меня так, как ничто и никогда.

Я невыразимо благодарен, что неуязвим к силе этого таинственного Присутствия. Но затем я молюсь, что я действительно неуязвим, потому что со второй попытки кукольник может найти способ открыть мою личную частную дверь.

Рассказывая теперь шёпотом, Ардис говорит:

– Здесь всего лишь камни считаются недостаточными. Применяется большая фантазия. И в отличие от рассказа Джексон, жертвоприношение проводится не рационально, а с целью увеличить продолжительность события, как тебе, возможно, понравится посмотреть хороший бейсбольный матч, продолженный на несколько дополнительных подач для того, чтобы усилить драму и максимальное удовлетворение.

Мои ладони потеют. Я вытираю их о свои джинсы перед тем, как поднять пистолет с колен.

– За три года больше не было другого человека, чьё появление могло стать причиной такого нарушения, – сообщает мне Ардис. – До недавнего времени. Члены нашей семьи начали выражать зависть по поводу растущей красоты дочери, и ей, и мне. Конечно, я имею в виду, что эта зависть выражается другому, для кого они вынуждены говорить.

¹ Шерли Джексон (распространена транскрипция Ширли Джексон; англ. Shirley Jackson; 1916—1965) — писательница, классик американской литературы XX-го века. Более всего известна рассказом «Лотерея» (1948) и романом «Призрак дома на холме» (The Haunting of Hill House, 1959). Под её влиянием находились Ричард Матесон и Стивен Кинг. Несмотря на несколько написанных романов, получивших хвалебные отзывы критиков и читательский интерес, её наиболее известным произведением является рассказ «Лотерея», в котором описана неприглядная изнанка сельского городка в Америке.

У меня сотня вопросов, но прежде чем я успеваю сформулировать хоть один, Ардис поднимается со стула и просит меня пойти с ней.

Она открывает парадную дверь и ведёт меня внутрь.

Я на секунду осторожно оглаживаюсь на затенённое крыльцо и на более глубокий мрак за ним. Когда я закрываю дверь, я задвигаю засов, так как, кажется, сама ночь может ожить как дикий зверь и протиснуться через порог в наше бодрствование.

Я следую за ней вдоль коридора в безукоризненно чистую кухню.

По моему опыту, всё в «Уголке Гармонии» просто сверкает. Тяжёлая работа, должно быть, необходима, чтобы освободить их рассудок от продолжающихся болезненных размышлений об их безнадёжной ситуации. Пристальное фокусирование на том, что они могут контролировать – например, чистота их домов и предприятий – наверняка является одним из нескольких способов, с помощью которого они могут не дать погаснуть последним уголькам надежды.

В свете кухни я обнаруживаю, что Ардис Хармони красивая. Ей, вероятно, скоро стукнет сорок, кожа её лица чистая как день, а её глаза цвета crème de menthe¹, такого тёмного зелёного, что я бы не подумал, что глаза такими могут быть вообще. В противоположность этому безупречная кожа отмечена «гусиными лапками», но эти крошечные морщинки кажутся мне не свидетельством возраста, а мужества и стальной силы воли, с которыми она сталкивается каждый день в «Уголке», и даже сейчас её глаза щурятся, а рот крепко сжат в решительности.

Она тянет меня к раковине под окном, из которого виден большой дом, стоящий на холме за этим. Как и раньше, освещены некоторые окна на втором этаже этой грандиозной резиденции.

– Родители моего мужа купили это владение на продаже заложенного имущества² в 1955 году. Оно находилась в упадке. Они восстановили бизнес, обернули неудачу в успех и построили дополнительные дома, когда их дети пережились, а семья выросла. Они жили в доме на вершине холма, пока не умерли, они оба, девять лет назад. Мы с Биллом жили. Мы жили наверху четыре года – пока всё не изменилось. Пять последних лет мы прожили здесь, внизу.

Не сказав мне прямо, что их контролёра и мучителя можно найти в самом высоком из семи домов, не упомянув имя и не предоставив описания, без обличения своей

¹ Мятный ликёр (фр.)

² Принудительная продажа заложенного имущества неплатежеспособного должника, осуществляемая по решению суда и обычно проводимая в форме аукциона; поступления от продажи направляются на выплату долга кредиторам.

просьбы в слова, что могло бы привлечь нежелательное внимание, она, тем не менее, передаёт мне своими глазами и выражением, что она надеется, что я могу справиться. Возможно я, неуязвимый к силам Присутствия, смогу войти в его логово необнаруженным и убить его. Я понимаю, что она хочет от меня, так ясно, как если бы мог читать мысли.

Если Присутствие – одно, а Хармони – много, и если оно может одновременно контролировать только одного человека – что вроде бы показывает история с порезом Донни и зашиванием его раны Дениз – тогда, конечно, за пять лет они должны были найти способ сокрушить своего врага. Однако, у меня недостаточно информации, чтобы понять их длительное порабощение или сосчитать мои шансы на успех выполнения задачи, которую, как она надеется, я выполню.

Необходимость говорить об этих вещах непрямо и подавляя эмоции осложняет мне сбор информации. Я спрашиваю:

– Человек?

– И да, и нет.

– Что это значит?

Она трясёт головой. Она не смеет говорить, из-за страха, что слова, которые потребуются ей для описания моей намеченной жертвы, могут предупредить его о том факте, что мы устраиваем заговор против него. Это наводит на мысль, что если он однажды взял над кем-нибудь контроль, то даже когда он покидает человека, они двое остаются связанными навсегда, по меньшей мере, слабо.

– Я предполагаю, что он один.

– Да.

Она смотрит на пистолет в моей руке.

Я спрашиваю:

– Этого будет достаточно, чтобы выполнить работу?

Её выражение безрадостно.

– Я не знаю.

Пока я обдумываю, как лучше перевести в слова некоторые другие вопросы без включения психической сирены в разуме Присутствия, спрашиваю, можно ли попить воды.

Она достаёт из холодильника бутылку «Ниагары»¹, и когда я кладу пистолет на обеденный стол, уверяю её, что стакан мне не нужен.

Для человека, прошедшего двадцать четыре часа на ногах, после долгого дня утомительных действий, слишком много кофеина – такая же проблема, как и слишком мало. Дремота и недостаток фокусировки, к которым он приводит, могут оказаться для меня смертельными, хотя такими же могут стать заострённость внимания и склонность слишком остро реагировать, которые появляются при передозировке стимуляторов. Но «Маунтин Дью», шоколадные батончики и пара «НоуДоз» ещё не полностью вымыли пыль песочного человечка² из моих глаз. Я глотаю ещё одну кофеиновую таблетку.

Когда я выпиваю воду, Ардис подходит ко мне и берёт мою руку в свои. Её глаза, судя по всему, выражают отчаяние, а взгляд умоляющий.

Что-то в её взгляде, возможно, его энергия, заставляет меня беспокоиться. Из-за того, что моя жизнь выложена сверхъестественным, неприятное чувство беспокойства охватывало меня достаточно часто, чтобы быть близким к ощущению, что у меня сзади по шее что-то ползает. В этот раз, однако, до того, как я смог пригладить густые волосы свободной рукой, я понимаю, что это ползание – не на шее, а внутри моего черепа.

Когда я захлопываю свою личную частную дверь, отгоняя то, что разыскивало вход, Ардис говорит:

- Ты придумал, как это выразить лучше, Гарри?
- Выразить что?
- Аналогию с морской свиньёй и луговой собачкой.

Встревоженный, я вырвал свою руку из её.

Фигура матери Джоли всё ещё стоит передо мной, и, конечно, её содержание – разум и душа – всё ещё обитает в теле, даже если она больше не контролирует его. Присутствие и я – лицом к лицу, как было в последний раз, когда оно бросало мне вызов через Донни, и в этот раз его истинное лицо скрывается за маской Ардис. Её кожа остаётся чистой и сияющей, но выражение крайнего презрения – это то, что мне кажется несоответствующим привлекательному внешнему виду. Эти тёмно-зелёные глаза такие же поразительные, как и до этого, глаза женщины из какого-то пропитанного волшебством кельтского мифа, но они больше не испуганные или печальные, или умоляющие; они, кажется, излучают осязаемую, нечеловеческую ярость.

Я хватаю оружие со стола.

¹ Питьевая вода, поставляющаяся с 1963-го года.

² Песочный человечек / sandman – сказочный человечек, который сыплет детям песок в глаза, навевая сон.

Она говорит:

– Кто ты на самом деле, Гарри Поттер?

– Лекс Лютор, – допускаю я. – Поэтому я должен был изменить своё имя. Когда кто-то в тысячный раз спросил меня, почему я ненавижу Супермена, я захотел, чтобы моё имя стало абсолютно любым другим, хоть Фидель Кастро.

– Ты первый такого типа, с кем я когда-либо сталкивался.

– Какой же это тип? – интересуюсь я.

– Недоступный. Я обладаю каждым, кто спит в мотеле, странствую по их воспоминаниям, внедряю повторяющиеся кошмары, которые разрушат их сон на недели после того, как я их покину.

– Я бы предпочёл бесплатный континентальный завтрак¹.

Без неуклюжести, свойственной зомби, а со своей обычной грацией она идёт – почти кажется, скользит – к столу рядом с варочной панелью и выдвигает ящик.

– Иногда я получаю контроль над гостями мотеля, когда они бодрствуют – использую мужа, чтобы довести жену до звероподобного состояния или использую жену, чтобы рассказать её мужу ложь об изменах, которые я выдумываю о ней в восхитительных деталях.

Ардис пристально смотрит в ящик.

– Когда они уезжают, – говорит Присутствие через неё, – они за гранью моего контроля, но эффект того, что я сделал, будет продолжаться.

– Зачем? Какова цель?

Ардис отворачивается от ящика.

– Потому что я могу. Потому что я хочу. Потому что я буду.

– Это абсолютный нравственный вакуум.

Подчиняясь твари, которая сидит в ней, Ардис вытаскивает из ящика мясницкий нож. Скрытый демон говорит её голосом:

– Не вакуум. Чёрная дыра. Меня ничто не покидает.

Я предполагаю:

¹ Континентальный завтрак / continental breakfast – лёгкий утренний завтрак, кофе и булочка с джемом.

– Мания величия.

Поднимая тесак, Ардис приближается к обеденному столу, который стоит между нами.

– Ты болван.

– Правда? А ты тогда нарцисс.

Меня пугает, что мы никогда не перерастём школьный двор и его ребяческое поведение. Даже этот кукольник, с почти божественной силой над теми, кого он контролирует, ощущает потребность унижать меня детскими оскорблениями, и я вынужден отвечать так же.

Через Ардис он говорит:

– Ты мертвец, говнолицый.

– Правда? Ну а ты, наверное, чертовски уродлив.

– Только не тогда, когда я в этой суке.

– Лучше я буду мёртвым, чем таким уродцем, как ты.

– Ты достаточно уродлив, говнолицый.

Я отвечаю:

– Палки и камни¹.

Она начинает обходить стол.

Я двигаюсь в обратном направлении, держа пистолет двумя руками и прицеливая его прямо ей в грудь.

– Ты не выстрелишь в неё, – говорит Присутствие.

– Я убил женщину этим вечером.

– Лжец.

– Извращенец.

– Убийство суки не убьёт меня.

¹ Палки и камни / sticks and stones – часть поговорки: sticks and stones may break my bones but names will never hurt me / палки и камни могут переломать мне кости, но брань никогда не причинит мне вреда. Поговорка используется для выражения безразличия к оскорблениям.

– Но тебе потребуется найти другое тело. Но тогда меня не будет в доме, и ты не будешь знать, где меня искать.

Она кидает нож.

Мои сверхъестественные способности включают случающиеся время от времени пророческие сны, но среди них нет, чёрт возьми, мимолётного видения будущего, когда я не сплю, что было бы очень и очень полезно, в такие моменты, как этот.

Я не ожидаю, что она кинет его, у меня нет времени, чтобы уклониться, лезвие проносится со свистом мимо моего лица, достаточно близко, чтобы побрить меня, если бы у меня была борода, и врезается в мебельную стенку за мной, раскалывая рельефную панель на верхней дверце.

Кукловод, видимо, ограничен физическими возможностями, присущими телу, которое он заселяет. Я, возможно, на пятнадцать лет моложе, чем Ардис, сильнее, с более длинными ногами. Присутствие право, я не убью Ардис, она невиновна, жертва, и сейчас, когда она возвращается к ящику с ножами, мне ничего не остаётся, кроме как отрезать её в фигуральном смысле, до того, как её наездник использует её, чтобы разрезать меня буквально.

Я мчусь вдоль коридора, добегаю до фойе, и в это время открывается парадная дверь и высокий крепкий парень останавливается на пороге, удивлённый моим появлением. Должно быть, это муж, Уильям Хармони. Я говорю: «Привет, Билл¹», надеясь, что он любезно отойдёт с пути, но когда я ещё говорю, его выражение застывает, и он говорит: «Говнолицый», будто оскорбление настолько подходит, что это первая вещь, которую люди думают сказать, завидев меня, или Присутствие вышло из Ардис и вошло в её супруга.

Несмотря на то, что я не знаю Билла так же хорошо, как Ардис, в этого невиновного я стрелять тоже не хочу. Зовите меня ханжой. Если я отступлю к кухне, кукловод выйдет из Билла и ещё раз войдёт в Ардис, и у неё будет разделочный или мясницкий нож, или электрический нож на батарейках, или бензопила, если у них вдруг окажется таковая в кухне. На Билле надета бескозырка, которая ему подходит – его шея толстая как швартовая тумба, его руки на вид большие, как якоря, а грудь широкая, как нос корабля. У меня нет шансов пройти через него, что не оставляет мне другого выбора, чем броситься вверх по ближайшей лестнице на второй этаж.

¹ Уильям и Билл – разные формы одного имени.

Глава 6

Меня постоянно – иногда скрытно – забавляют результаты работы моего разума, которые часто могут показаться менее рациональными, чем мне хотелось бы верить. Человеческий мозг, без всяких сомнений, самый сложный объект из известных, существующих во всей Вселенной, содержащий больше нейронов, чем миллиарды звёзд Млечного пути. Мозг и разум – очень разные вещи, и последний – настолько же таинственный, как первый – сложный. Мозг – это машина, а разум – призрак внутри него. Истоки самосознания и того, как разум способен воспринимать, анализировать и представлять – предположительно объясняются множеством школ психологии, однако на самом деле они изучают только поведение посредством сбора и анализа статистики. Объяснение "почему" существования разума и "как" его бездонной вместимости – особенно его склонность к нравственным умозаключениям – будут, в силу их истинной природы, оставаться такими же непостижимыми, как и всё сущее во веки веков.

Когда я взлетаю по лестнице на второй этаж, забота о том, чтобы не попасться в руки одержимого Билла Хармони, который выглядит так, что у него хватит сил, чтобы разорвать меня на части так же просто, как я могу разорвать напополам тонкий кусок хлеба. Я боюсь умереть – и, следовательно, не сумею защитить Аннамарию, как я обещал – и в это же время меня немного смущает бестактность моего стремительного проникновения в их более частную часть жилища, в которую меня не приглашали.

Я слышу, как говорю: "Извините, извините, извините", поднимаясь по лестнице, что кажется нелепым, учитывая, что моё нарушение владения – намного более незначительное нарушение, чем намерение кукловода использовать мистера Хармони и выбить из меня мозги. С другой стороны, я думаю, и это будет в плюс человеческим существам, что мы способны распознать, когда мы проявили бестактность, даже когда находимся в отчаянной борьбе за выживание. Я читал, что в самых худших нацистских и советских лагерях, в которых использовался рабский труд, где всегда не хватало еды для заключённых, более сильные заключённые почти всегда делились пищей по справедливости с более слабыми, осознавая, что инстинкт самосохранения не полностью освобождает нас от необходимости быть терпимыми. Не все человеческие состязания должны быть такими же ожесточёнными, как "Кексовые войны" от "Фуд Нетворк"¹.

Наверху, когда я слышу громохание мистера Хармони в двух пролётах за собой, я обнаруживаю, что коридор ведёт направо и налево. Я поворачиваю налево, доверяя своей интуиции, которая, к сожалению, надёжна не на 100 процентов.

¹ Кексовые войны / Cupcake Wars – конкурс в виде реалити-шоу, основанный на создании уникальных профессиональных кексов, которое впервые вышло в эфир в 2010 г. Проводится специализированным телевизионным каналом "Фуд Нетворк / Food Network", вещающим с 1993 г.

Из комнаты по правую руку вылетает парень лет пятнадцати, с голой грудью, босой, в нижней части пижамы, как будто катапультированный, врывается в меня, оттесняет к стене и показывает, что им овладели, когда говорит: "Говнолицый".

Несмотря на то, что удар сбивает меня с ног, несмотря на то, что я теряю пистолет, несмотря на то, что мрачное дыхание парня издаёт зловоние ужина, съеденного прошлым вечером и несмотря на то, что меня начинает раздражать излишняя повторяемость таких нападений при моём появлении, я, тем не менее, впечатлён способностью кукловода переключаться с одного тела на другое, которая похожа на моргание глаза. Круто. Ужасно, да, но, определённо, круто.

Я с силой ударяю в промежность парня, произнося: "Извини, извини, извини", и при этом говорю более искренне, чем когда выражал сожаление по поводу нарушения неприкосновенности их второго этажа. Он свернулся в позе эмбриона в бессловесном стоне, который наиболее точно было бы записать как "урррррллл", и я заверил его, что хоть он и чувствует, что умирает, он будет жить.

Мистер Хармони стоит наверху, выглядит сбитым с толку. Но затем его лицо уродливо искажается, когда в него вторгается Присутствие.

Я возвращаю себе пистолет, проношусь через холл в комнату, из которой на меня набросился парень. Захлопываю дверь. На ручке двери есть кнопка, которая отвечает за защёлку, но засова нет.

Мистер Хармони пытается открыть дверь, яростно грохоча ручкой, как раз когда я подпираю её стулом с прямой спинкой от ближайшего стола. Хотя животное, которое мне больше всего напоминает мистер Хармони – это носорог, эта уловка должна задержать его на пару минут.

Я отдёргиваю занавески перед раздвижным окном, разделённым на восемь ячеек, вижу за ним крышу над крыльцом и освобождаю задвижку. Я не могу поднять внутреннюю раму и не могу опустить внешнюю, потому что ходовые части окна покрашены.

Если бы я был мистером Дэниелом Крэггом¹, самым последним Джеймсом Бондом, я бы быстро выбил деревянные панели, разделяющие ячейки нижней рамы, протиснулся через неё, не поднимая, и был таков. Но я – это всего лишь я, и не сомневаюсь, что осколки разбитого стекла ослепят меня, тогда как острый конец разломанной панели вонзится в одну икру или другую, вскрыв малоберцовую артерию и лишив меня крови за

¹ Дэниел Рафтон Крэйг (англ. Daniel Wroughton Craig; род. 1968) — английский актёр. Мировую известность получил благодаря роли Джеймса Бонда в фильмах «Казино „Рояль“» и «Квант милосердия».

2,1 минуты. Другой известный киногерой, Лягушонок Кермит¹, поёт песню о том, как "Непросто быть зелёным", и это так же верно, как и ещё более непросто быть не Джеймсом Бондом.

Тем временем мистер Хармони не мычит, как какое-нибудь дикое животное с африканского велда², но ломится плечом в дверь или пинает её с носорожьим неистовством.

Прошло уже, наверное, шестнадцать лет с тех пор, как я в последний раз пытался спрятаться под кроватью; и даже тогда меня было легко найти.

Возможности предоставляли только две дополнительные двери. Одна ведёт в гардеробную, в которой мистер Хармони может избить меня до полусмерти своими огромными кулаками, а затем повесить на вешалке.

Вторая открывается в ванную. У этой двери на внутренней стороне есть засов. В ванной комнате также есть большое окно с матовым стеклом, прямо над унитазом.

Викторианская мозаика из плиток представляет собой поле светло-зелёного цвета с расположенными кое-где расписанными вручную белыми корзинками, переполненными розами, сплошь выставленными в шахматном порядке из белых и жёлтых. Это сильно прибавляет мне работы, даже слишком, но чтобы остаться в живых, я всё-таки захожу в ванную и замыкаю за собой дверь.

Я кладу пистолет на столик перед раковиной, освобождаю хорошо смазанный засов на окне, и к своему удивлению обнаруживаю, что механизм этого окна не покрашен. Нижняя панель легко скользит вверх и остаётся там без необходимости в подпорке. Снаружи находится та же крыша над крыльцом, которую я видел из другой комнаты.

Судя по тому, как события развивались с того момента, как я впервые пошёл на разведку, это всё казалось похожим на ночь, когда было бы разумнее не покупать лотерейный билет и не играть в русскую рулетку. Несмотря на то, что моя удача, кажется,

¹ Лягушонок Кермит — самая известная из кукол Маппет, созданных американским кукольным Джимом Хенсоном. Кермит — один из ведущих персонажей "Маппет-Шоу / The Muppet Show", в котором выступал как режиссер и распорядитель. Помимо Маппет-шоу, лягушонок был постоянным персонажем в кукольном шоу «Улица Сезам» и появлялся в множестве других телепередач, нередко как «живой» гость ток-шоу. Кермит был создан из зеленого пальто мамы Хенсона и двух мячиков для пинг-понга. Появился на экране телевизора в 1955 году, и с того момента и до своей смерти в 1990 году его озвучивал сам Джим Хенсон. У Кермита характерный голос, нередко становившийся объектом пародий, и страсть к пению.

² Обширные засушливые плато в Южной Африке, главным образом в ЮАР, расположенные в междуречье рек Лимпопо и Вааль и в верхнем течении реки Оранжевая. Образуют серию ступеней, повышающихся к Драконовым горам и понижающихся к впадине Калахари и долине Лимпопо.

возвращалась, я всё ещё не в том настроении, чтобы петь другой хит Лягушонка Кермита, "Радужная связь"¹.

Вид ли это уборной, или возбуждение от погони, я неожиданно осознаю, что этой ночью я выпил пива, банку "Маунтин Дью" и бутылку воды. Мистер Хармони ещё не совсем разломал дверь в спальню, так что кажется мудрым потратить время на то, чтобы помочиться здесь, чем в дальнейшей спешке, когда в скором времени это будет мешать моему бегству, и я вынужден буду бежать со сжатыми бёдрами.

С бдительностью ответственного к личной гигиене повара блюд быстрого приготовления, я мою руки, когда дверь в спальню, наконец, разваливается. Я вытираю их о толстовку, хватаю пистолет, становлюсь на закрытую крышку унитаза, и поспешно выбираюсь через окно на крышу, расположенную над крыльцом.

Это крыша парадного крыльца, под которой я сидел с Ардис. Это было всего несколько минут назад, но, кажется, что прошёл уже час с того момента, как она ко мне впервые обратилась.

Румянец рассвета ещё не затронул восточный горизонт. Луна на западе потихоньку скрывается за изгибом земли, и почти кажется, что звёзды тоже отступают. Секунда за секундой темнота ночи становится ещё темнее.

Когда ведомый демоном мистер Хармони начинает выламывать дверь в ванную комнату, я пересекаю покатую крышу по направлению к нижнему краю. Я спрыгиваю, приземляюсь на газон, находящийся девятью футами ниже без повреждения лодыжек, падаю, перекатываюсь и вскакиваю на ноги.

Всего мгновение я чувствую себя как мастер деррин-до², головорез без меча. Однако, простая гордость может быстро скатиться до тщеславия, а затем до хвастливости, и когда в мушкетёрской манере вы делаете поклон, размахивая шляпой с пером, вы с большой вероятностью подставляете свою голову под удар топора, принадлежащего злодею.

Мне нужно убираться от этого дома, но поход по асфальтовому переулку через холмы и долины однозначно ведёт к столкновениям с одержимыми членами семьи Хармони. Я узнал о Присутствии намного меньше, чем требуется знать, но я узнал слишком много, чтобы мне было дозволено жить. Через одного заместителя или через другого, оно будет неотступно меня преследовать.

¹ Песня "Радужная связь / Rainbow Connection", исполненная Лягушонком Кермитом, продержалась в American Top 40 семь недель и была номинирована в 1979 году на Золотой глобус и Оскара.

² Игра слов, заключающаяся в том, что слово деррин-до / derring-do в английском языке имеет значение "безрассудство".

Ему не требуется овладевать этими людьми, чтобы заставить делать то, что ему нужно. Сколько бы ни было членов семьи Хармони – шесть больших домов, заполненных ими, определённо, их не меньше тридцати, скорее всего, сорок или больше – кукловод может объявить им, что требуется выступить против моего побега. Они подчинятся от страха того, что оно будет перескакивать между ними от одного к другому, уродуя или убивая случайным образом, чтобы наказать за малейшую мысль о сопротивлении. Если они любят друг друга, никто не сбежит и не позволит неизвестному количеству других быть убитыми в отместку за тех, кто убегает. Свобода такой ценой – совсем не свобода, а нескончаемое шоссе из чувства вины, с которого невозможно сбежать, разве только, покончив с собой.

Они будут охотиться за мной, и я буду вынужден сбежать с Аннамарией или убить их всех. Я не могу взять на себя столько убийств, или даже убить одного из них. В десятизарядном магазине моего пистолета находится всего лишь семь патронов. Но недостаток боеприпасов – не то, что мешает мне пробить свой путь из "Уголка". Меня сдерживают моё прошлое и моё будущее. Под прошлым я имею в виду мои потери, а под будущим – надежду на возвращение потерянного.

Учитывая рассвет, начавшийся всего лишь несколько минут назад, я не могу представить себе какое-либо место для укрытия, так как утренний свет проникает через холмы. Мне необходимо укрыться, потому что мне нужно время на размышления. Перед тем, как понять, что делаю, я обнаруживаю себя бегущим через тёмный луг к изрытой колеями дороге, засыпанной разломанными ракушками.

В отсутствие луны, океан чёрный, как нефть, и пена у разбивающегося прибоя сейчас грибково-серая, как мыльный раствор, в котором мыли и мыли грязные руки. Пляж освещён звёздами, и хотя изгибы галактики над головой содержат такое большое количество солнц, сколько песчинок на побережье, эта прибрежная полоса освещается как лишённое блеска серебро, от нашей Земли, вращающейся вдали от звёзд и становящейся всё дальше с каждой ночью, они слишком далеки.

Когда я достигаю края немощёной дороги, осколки раковин под ногами скользят со звуком, похожим на разбросанные монеты пиратского сокровища, неожиданно она мчится за мной, преследуя меня от дома. Без лунной подсветки её флаг из волос менее яркий, чем прежде, но она, определённо, тот светловолосый ребёнок, которого я видел мельком ранее, Джоли, дочь Ардис. Если раньше она преследовала меня до дома и затем слышала мой разговор со своей мамой на крыльце, то это объясняет, почему когда она пробегает, то говорит мне, как будто я её закоренелый заговорщик:

– За мной! Быстро!

Глава 7

Джоли – тень, но быстрая как свет, и несмотря на то, что бежит далеко впереди, она останавливается, чтобы подождать возле входного отверстия большой водопропускной трубы.

Когда я подбегаю туда, то слышу мужчину, кричащего не с пляжа, расположенного за мной, а, возможно, а со стороны домов, которые стоят на высоте в десять футов над уровнем моря, а другой мужчина отвечает ему. Их слова искажаются из-за расстояния и звуков моего грохочущего сердца и быстрого дыхания, но их значение всё же ясно. Эти люди – на охоте.

Я также слышу двигатель какого-то автомобиля, наверное, внедорожника или большого пикапа. Откуда-то сверху и дальше от моря свет вспыхивает ярко, гаснет, усиливается снова и проносится по насыпи, над нашими головами, двигаясь с севера к югу. Прожектор. Прикреплённый к автомобилю.

Кукловод может управлять этой армией с потрясающей скоростью, потому что ему не требуется телефон. И, возможно, ему не требуется овладевать своими подданными одним за другим, чтобы сообщить об угрозе, которую я представляю. Возможно, он способен транслировать распоряжения им всем одновременно – тем, кто не вынужден подчиняться – как они вынуждены, когда их угнетатель входит непосредственно в одного из них – но они всё равно подчиняются, потому что последствия неповиновения столь ужасны.

Джоли говорит:

– Держись рядом со мной. Пока мы не можем рисковать, освещая дорогу, а путь очень тёмный.

Её рука маленькая и тонкая в моей, но сильная.

Мы проталкиваемся через нависающие ползучие растения. Холодные липкие пресмыкающиеся, которые вызывают в моём сознании странное изображение мёртвых змей, качающиеся в голове бездыханной Медузы¹.

Как и прежде, дренажный туннель тёмный, как мир слепого, и он почти бесшумный, как жизнь человека, лишённого слуха. Резиновые подошвы нашей обуви не извлекают много шума из бетонной трубы. На полу нет воды, по которой мы могли бы шлёпать, как нет и обломков, вымытых сюда, которые могли бы хрустеть под ногами. Если вредители делят эту темноту с нами, они такие же бесшумные, как крысы, крадущиеся сквозь сны.

¹ Горгона Медуза (точнее, Медуса, др.-греч. — «стражник, защитница, повелительница») — наиболее известная из сестёр горгон из греческой мифологии, чудовище с женским лицом и змеями вместо волос. Её взгляд обращал человека в камень. Была убита Персеем. Упомянута в «Одиссее».

Воздух прохладный и чистый. В водостоке, даже такого размера, особенно в сезон дождей, который идёт сейчас, я ожидаю, по меньшей мере, слабые запахи плесени и грибных спор, время от времени вонь застоявшихся лужиц, покрытых скользкими водорослями, душок осадка, выветривающегося из бетона. Отсутствие запаха этого места дезориентирует не меньше, чем чернота повсюду вокруг.

Мы придерживаемся центра, нижней части закруглённого прохода, а значит, девочка не нащупывает путь вдоль стены. Продолжает движение с уверенностью, совершенно не колеблясь, идёт обычным шагом, как будто знает, что впереди нет препятствий, как будто бы всё, что ей требуется для того, чтобы найти путь – наклонная поверхность пола под ногами и приметы, настолько незаметные, что только она может их почувствовать.

Я раньше уже бывал в местах без света, менее доброжелательных, чем это и наполненных опасностями, в которых я вынужден был ползти и продвигаться на ощупь руками. Несмотря на то, что в этой огромной трубе чистый воздух и, кажется, нет смертельных угроз, я нахожу её неизмеримо более беспокоящей, чем любое предыдущее тёмное место из тех, которые я когда-либо знал.

С каждым шагом мои нервы накаляются всё больше, шлифуясь шёлковой темнотой, измученные тишиной, и то, что болтается у меня в животе, ползёт вверх и вниз по позвоночнику.

Остановившись и крепко держа за руку девочку, я спрашиваю:

– Куда мы идём?

Она шепчет:

– Ш-ш-ш-ш. Голоса разносятся по трубе. Если они слушают у выхода, то, возможно, услышат. И ещё я считаю шаги, так что не сбивай меня.

Я бросаю взгляд назад, но безлунная ночь всё ещё дожидается рассвета. Из-за того, что не могу увидеть забитый растительностью выход, я не могу оценить, как далеко мы прошли.

Джоли продолжает идти, и я следую за ней.

С того момента, как мы вошли, пол наклонён вверх. Теперь угол наклона увеличивается. Вскоре я чувствую, что этот туннель загибается влево.

Три волнующие вещи случаются в течение следующих нескольких минут, две из них в этом безупречном мраке, а третья – в слабом, но долгожданном свете.

Сначала моя необыкновенная интуиция, если бы она имела обоняние и зрение, имела бы нос охотничьей собаки и глаза сокола, говорит мне с постоянно возрастающей

настойчивостью, что этот туннель – не то, чем он кажется. Я предполагаю, что он, должно быть, сконструирован, чтобы проводить потоки дождя с уступов четырёхрядного шоссе, расположенного высоко вверху или из сети открытых водостоков, для того, чтобы предотвратить эрозию прибрежных холмов. Но это не дренаж, не часть обычной инфраструктуры для общественных целей.

Ведомый девочкой через слепую и непахнущую тишину, я понимаю пару истин об этом туннеле, первая из них – это то, что он ведёт к чему-то другому, отличному от люков и дренажных решёток. Впереди будут обнаружены необычные особенности, и в каком-то далёком месте назначения лежат безграничные возможности для непостижимых целей. Эти ощущения заливаются в меня не как множество изображений, а именно как ощущения. Я не могу чувствовать их более ярко, концентрируясь на них, как не могу и передать эти ощущения в чётких деталях. Со всеми своими направлениями, мой психический дар всегда был более сильным, чем нужно, чтобы им свободно управлять, но более слабым, чем мне бы хотелось.

В итоге истина заключается в том, что место, к которому ведёт этот проход, кажется покинутым, но не совсем. У меня смутное ощущение грандиозных строений, громадных комнат, которые стоят пустыми, и других, которые домовые экзотические машины оставляют неиспользуемыми и ржавыми. Но где-то в этих монументальных инсталляциях, укутанных кольцами заброшенных зданий, в которых ничего не движется, кроме порывистых сквозняков и призраков, представляющих собой ничего большее, чем расшевеленные формы пыли, расположен центр активности. Этот центр может показаться маленьким в сравнении с покинутыми строениями, которые окружают его, но я чувствую, что это секретное ядро само по себе большое и спрятанное в бункере, наполненном мужчинами и женщинами настолько занятыми, как жители какого-нибудь улья.

Вторая из трёх волнующих вещей, которая происходит в этом чёрном проходе, является следствием из пары истин, полученных через ясновидение, зловещее ощущение, что впереди лежит нечто разрушительное за пределами понимания, что-то вредное, по безнравственности превышающее всё то, с чем я когда-либо сталкивался. Приливающий поток мрачных предчувствий поднимается и быстро превращается в почти парализующий внезапный испуг, сжимающий тревожный страх, что какое-то чистое зло разрастается со всей силой цунами высотой в милю.

Я верю – я знаю – что неизвестная вещь, которую я чувствую и которую боюсь, сейчас расположена не здесь, а ожидает далеко впереди, в этом укрепленном центре, в котором я могу ощущать жизнь, однако, не могу её видеть. Эта безупречная чернота угнетает меня, но девочка, по-видимому, чувствует себя в ней вполне в своей тарелке, и я всё больше озабочен той мыслью, что ей так уютно в темноте, потому что она из темноты, никогда не была невинным ребёнком, как я предполагал, но является частью далёкой опасности, к которой, она, кажется, меня ведёт.

Она шепчет: «Мы подходим к порогу, не оступись», и сжимает мою руку, как будто чтобы убедить меня.

Её очевидное беспокойство должно немного успокоить мои нервы, но этого не происходит. Ощущение какого-то неизвестного, но огромного зла, ожидающегося впереди, не уменьшается, а, фактически, усиливается. После истории об убийстве маленького Максвелла его одержимой роднёй, после того, как увидел очаровательную Ардис Хармони, преобразившуюся в смертоносную марионетку с мясницким ножом, у меня не было причин страшиться этой неизвестной опасности больше, чем я боюсь Присутствия, кукловода, но моя интуиция продолжает настаивать.

Обещанный порог около двух дюймов высотой. Левым плечом я задеваю то, что может быть тяжёлой отодвигающейся дверью, и пистолет в левой руке громко звякает о сталь. Через подошву одной из туфель я чувствую металлическую вставку, находящуюся в пазу посередине порога толщиной в один фут.

– Пляж уже достаточно далеко, и теперь мы можем рискнуть, – говорит Джоли, отпуская мою руку, и включает маленький фонарик, размером с маркер.

Свет – долгожданный, правда, недостаточный, за лучом темнота спускается снова, когда он движется, она как мантия спускается из чего-то накрытого капюшоном и вражеского, изображённого тусклым светом, извивающимся на стальных стенах, как будто они – пытаемые жители какой-то параллельной реальности, отделённые от нас тонкой деформирующей мембраной.

В свете тонкого луча обнаруживается, что мы оставили трубу позади и вошли в прямоугольную комнату приблизительно десять футов шириной и двадцать длиной. Пол, кажется, выложен белой керамической плиткой, разделённой не линиями раствора, а тонкими стержнями из блестящей стали. Все другие поверхности – нержавеющая сталь.

Лучом девочка показывает на лом и несколько деревянных щепок различного размера, которые лежат вместе в углу.

– Мне нужно было разведать, что находится за дверями, и это было непросто, я даже думала, что разорвала сонную артерию. Когда-то они были пневматическими, думаю, но теперь для них нет энергии.

Нарушенная темнота беспокоит больше, чем предшествующий полный мрак. Даже в стеснённом пространстве абсолютная чернота позволяет разуму представлять большое пространство, но здесь потолок едва ли больше семи футов над полом, а блеск холодной стали – зловещий.

– Что это за место? – спрашиваю я.

– Возможно, труба за нами давным-давно была просто ливневым водостоком, до того даже, как дедушка купил «Уголок». Но что-то связывает эту систему с ней. Что-то таинственное или даже нехорошее, если хочешь знать моё мнение. – Она водит светом по стенам влево и вправо, где гладкая сталь прерывается двойным рядом дюймовых отверстий. – Я долго думала об этом, и считаю, что это, прежде всего, что-то вроде пути для побега. Если люди использовали его, они обеззараживались в этих комнатах – ну, знаешь, например, из-за бактерий и вирусов. Возможно. Я не знаю. Но если ты был не человеком, если ты был чем-то ещё, и ты проникал так далеко, они закрывали тебя здесь и вместо этого вкачивали убивающую бактерии взвесь или, например, закачивали отравляющий газ в комнату.

– «Если ты был чем-то ещё»? Чем же?

Девочка не успевает ответить – появляется грохот, не похожий на подземный шум землетрясений. Кажется, он идёт сверху, усиливается, отчего я тревожно смотрю на потолок.

– Возможно, восемнадцатиколёсник, – говорит Джоли. – Сейчас мы под прибрежным шоссе, за пределами «Уголка».

Она ведёт к концу комнаты, где четыре ступеньки поднимаются ко второму порогу. Здесь она отодвигает другой блок стальных дверей. За ним находится комната, идентичная первой.

Она проводит светом по раме перед тем, как войти в эту комнату.

– Тебе нужно было пройти через эти два воздушных замка, чтобы вырваться с острова. Они не давали никаких шансов.

Я следую за ней.

– Кто – они?

– У меня есть кое-какие идеи, – отвечает она, но ничего больше не высказывает, пока ведёт меня через комнату к другим четырём ступенькам, которые ведут к третьей взломанной двери.

Очередной большой грузовик проезжает над головой, следующий за более лёгким движением, но вибрация меня больше не беспокоит. Сейчас я озадачен даже более сильным предчувствием, что впереди ждёт непревзойдённая мерзость, зло настолько явное, такое совершенно порочное и совершенно нездоровое, что расположено на более глубоком уровне Ада, чем какой-нибудь Данте¹ когда-либо мог себе представить.

¹ Данте Алигьери (итал. Dante Alighieri), полное имя Дуранте дельи Алигьери (1265 - 1321) — итальянский поэт, один из основоположников литературного итальянского языка. Создатель «Комедии» (позднее

После этой третьей двери Джоли говорит:

– С этого места есть электричество, – и нажимает на настенный выключатель.

Тёплый свет идёт от ламп, скрытых в углублениях вдоль обеих сторон прохода, и он длинный, как футбольное поле, около двенадцати футов шириной и восьми футов высотой. Каждая поверхность светло-жёлтого цвета, блестящая, и, кажется, соединения между ними не имеют швов.

Воздух здесь теплее, и у него вязущий химический запах, который нельзя назвать неприятным.

– Когда я только взломала эти третьи двери, – говорит она, – здесь было намного теплее, чем сейчас, и запах был намного сильнее. Сначала я подумала, что этот воздух может нанести мне вред, как яд или что-то ещё, но он не раздражает горло или глаза, и если из-за этого вещества у меня вырастет вторая голова, этого до сих пор не произошло.

В сравнении с теми комнатами, которые были раньше, это место выглядит доброжелательно, но моё предчувствие зла остаётся острым, и я рад, что у меня есть пистолет.

Девочка говорит:

– Следующие двери под напряжением и закрыты. Их невозможно взломать. Все эти преграды. Так что за ними, возможно, миллион брусков золота или секретный рецепт особого соуса «Макдональдса». Этот проход идёт так далеко, насколько мы сможем пройти.

Примерно на полпути к тем дверям, находящимся в отдалении, на полу в проходе лежит фигура. Поначалу она может быть ошибочно принята за человека, но это не так.

Когда мы подходим к распростёртой фигуре, девочка говорит:

– Что бы ни находилось за последними дверьми, если они действительно последние, там никто не мог остаться. Если бы там кто-то остался, они бы не смогли просто оставлять это здесь так долго. Они бы всё убрали.

Я не могу сказать достоверно, насколько высоким могло быть это существо при жизни или точный вес, потому что, судя по виду, оно было мумифицировано в большем жаре, чем она упомянула, и в воздухе с большим содержанием химии. По моим предположениям, я бы сказал, его рост составлял более семи футов, а вес был близок к трёмстам фунтам. Но он полностью обезвожен, кожа на его тощем теле, на его длинных руках и на когда-то страшных чертах его огромной головы сморщена, кожа измята, как

получившей эпитет «Божественной», введённый Боккаччо). В «Божественной комедии» на Ад, Чистилище и Рай приходится по 33 песни.

серый льняной сильно изношенный костюм, который еще не обветшал, и ни разу не был выглажен.

Что я могу определить, так это то, что это примат, ноги длиннее рук, более совершенный, чем гориллы и другие человекообразные, со спинным изгибом, как у хомо сапиенс, способен стоять полностью вертикально. Но на этом схожесть с человеком заканчивается, так как у этого существа длинные пальцы с четырьмя суставами, по пять на каждой руке, и еще два больших пальца на каждой руке, по три сустава на каждом. Пальцы ног у него такие же длинные, как на руках, по шесть на каждую ногу, с одним пальцем, похожим на большой палец, на каждую половину дюжины.

– Я зову его Орк, – говорит девочка.

– Почему?

– Ну, я же должна его как-то называть, и называть его Боб мне кажется неправильным.

Я её ещё не знаю, но думаю, что она мне понравится.

– Орк, потому что он заставляет меня думать об орках из «Властелина колец».

Его череп, на котором плоть лица была высушена и обработана огнём, очень похож по размеру и форме на арбуз. Глаза завалились в высохший мозг, но судя по углублениям, они должны были быть размером больше крупных лимонов, расположенных не горизонтально, как человеческие глаза, а вертикально. Оставшийся носовой хрящ и масса высушенной ткани сверху говорят о том, что это хобот, как у муравьеда, однако от этой части лица отходят три искривлённых фрагмента роговидных структур, каждая длиной два дюйма, чем не может похвастаться ни один муравьед. Губы усохли, обнажив зубы, которые напоминают волчье ротовое вооружение. Рот раскрыт необычно широко, что обеспечивало полноценное использование этого ужасно острого и всё ещё блестящего набора режущих инструментов.

Предчувствие зла, которое держало свои когти во мне большую часть путешествия с пляжа, не ослабло, но его причина – не этот труп. Что бы ни тревожило меня, оно находится за закрытыми дверями в конце этого коридора, будь то живой экземпляр, родственник этому трупу, или что-нибудь хуже.

Ещё одна деталь бросается в глаза и кажется мне важной. Эта туша представляется такой сухой, как пергаментная масса, но ни пятна, ни появившиеся от времени останки разложившихся тканей не портят пол под ним. Куда делись телесные жидкости, разложившиеся и сгнившие жиры?

– Я изучала старину Орка несколько месяцев, – говорит девочка.

– Изучала его?

– Я могу узнать что-нибудь о нём. То, что сможет нам помочь. Я уверена, что могу.

– Но... изучала его здесь в одиночку?

На расстоянии не больше чем шесть футов от тела лежат несколько сложенных стёганных голубых шерстяных одеял, которые Джоли, очевидно, запасла для удобства. Она сидит на одном, сложив ноги по-индийски.

– Орк меня не пугает. Ничего не может напугать меня сильно после пяти лет доктора Хискотта.

– Кого?

Девочка произнесла для меня фамилию по буквам.

– Поденок живёт в доме, который раньше был нашим. Мы – его животные для мучения. Рабы, игрушки.

– Кукловод.

– Разговаривая с тобой на крыльце, мама не могла сказать его имя. Он знает, когда оно используется. Но здесь я вне зоны досягаемости ублюдка. Он не может услышать, как я говорю, насколько сильно его ненавижу, как сильно я хочу убить его самым жестоким образом.

Я устраиваюсь на другом сложенном одеяле, лицом к ней.

Джоли одета так, чтобы выразить бунт, в который ей хватает смелости вступать: грязные кроссовки, джинсы, куртка из потёртой джинсы, украшенная декоративными заклёпками из красной меди, чтобы было похоже на кольчугу, и чёрную футболку, на которой ухмыляется белый череп.

Несмотря на это одеяние и сильный гнев, который напрягает её лицо, её нежная красота сильнее, чем может передать её мать. Она из тех девочек, которых, несмотря на то, что они являются сорванцами, всегда будут выбирать на роль ангелов на церковных рождественских зрелищах, и которым будут даваться роли мирской святой в школьных спектаклях. Её красота не имеет значимой степени зарождающейся сексуальности, но, наоборот, она светится и олицетворяет собой добродетель и невинность, что является отражением той совершенной грации, которую мы иногда мельком видим в природе, и формой, благодаря которой мы убеждаемся, что мир – это место совершенного замысла.

– Доктор Хискотт. Откуда он появился, Джоли?

– Он говорит, из Лунной бухты. Это в паре миль вверх по побережью. Но мы думаем, на самом деле он пришёл из Форт-Уиверна¹.

– Армейская база?

– Ага. Немного вглубь материка от Лунной бухты – и недалеко отсюда. Огромная.

– Насколько огромная?

– Около 134 000 акров. Небольшой город. Гражданские служащие, военные ребята, их семьи – там постоянно жили сорок тысяч людей. Не считая.

– Не считая что?

– Таких существ, как Орк.

Свет в проходе дрожит, тускнеет, гаснет и появляется снова до того, как я успеваю вскочить на ноги.

– Не глупи, – снисходительно говорит девочка. – Это случается один раз в одно время, другой раз в другое.

– Сколько этих одних и других раз?

– Никогда не становится темно больше, чем на пару секунд. Кроме того, у меня есть фонарик, у тебя есть пистолет.

Так как я не являюсь одним из излишне пугливых детей, и так как я не хочу еще сильнее пугать себя, я воздерживаюсь от предположений, что то, что пришло за нами из темноты, может найти мой пистолет таким же невпечатляющим, как и её маленький фонарик.

– В любом случае, – говорит она, – они закрыли Уиверн после окончания Холодной войны, до моего рождения. Люди говорят, что в Уиверне проводились секретные проекты, новое оружие, эксперименты.

Глядя на мумифицированное существо, я спрашиваю:

– Какие эксперименты?

¹ Форт-Уиверн используется в романе Дина Кунца «Скованный ночью / Seize the Night» (1999), входящего в серию «Лунная бухта / Мунлайт-Бей / Moonlight Bay». После выхода романа «Скованный ночью» (второй книги предполагаемой трилогии) все фанаты Дина Кунца находятся в ожидании третьей книги, которая предположительно будет называться «Верхом на буре / Ride the Storm». Правда, упоминание Лунной бухты и Форт-Уиверна в настоящем романе даёт больше уверенности в предположении, что герой серии «Лунная бухта» Кристофер Сноу со временем трансформировался в Странного Томаса одноимённой серии. Герои обеих серий достаточно схожи по психологическому портрету. Тем не менее, Дин Кунц продолжает говорить в интервью, что третья книга серии «Лунная бухта» у него есть в планах.

– Никто точно не знает. Таинственные вещи. Может быть, развлекались с генами, дерьмо вроде этого. Некоторые говорят, что там что-то ещё продолжается, даже несмотря на то, что он официально закрыт.

Басовый электронный звук пульсирует вдоль прохода, «вуммм-вуммм-вуммм», который, кажется, двигает костный мозг в моих костях.

– Это тоже иногда происходит, – говорит девочка. – Я не знаю, что это. Не беспокойся об этом. После этого ничего не происходит.

Я смотрю в сторону запечатанных дверей, которые она не может открыть.

– Ты думаешь, это место соединяется с... чем-то в Уиверне?

– Ну, я думаю, что это прямой путь через искривлённое пространство к «Миру Диснея». В любом случае, доктор Хискотт болен, когда заселяется в мотель. Он кажется истощённым, озадаченным, его руки трясутся. Моя тётушка Лоис регистрирует его. Когда он достаёт свои водительские права из кошелька, он роняет на прилавок стопку карточек. Тётушка Лоис помогает ему их собрать. Она говорит, что одной из них было удостоверение с фотографией для Форт-Уиверна. Перед тем, как она вышла замуж за моего дядю Грега, когда Уиверн ещё был открыт, она работала там.

– Почему бы ему потребовалось всё ещё носить с собой эту карточку на протяжении лет после того, как это место было закрыто?

– Ага, почему?

Мне не нужно быть менталистом для того, чтобы прочитать в её прямом взгляде зелёных глаз, что мы оба знаем ответ на мой вопрос.

– Хискотт останавливается в своём домике на три дня, не позволяет сменить бельё или провести уборку. А затем он перестал быть просто доктором Хискоттом. Он стал... чем-то ещё, и он взял контроль.

Электронный звук появляется снова, более длинная серия нот, чем прежде: «Вуммм-вуммм-вуммм-вуммм...»

Несмотря на то, что он высушенный, сморщенный, мумифицированный и давно умерший, костлявые пальцы левой руки Орка стучат по полу, издавая шум брошенных игральные кости, и из его зияющего рта идёт жаждащее завывание.

Свет дрожит и гаснет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДВУЛИКАЯ ГАРМОНИЯ

Скрытный, замкнутый, одинокий —
он прятался как устрица в свою раковину.

Чарльз Диккенс, "Рождественская песнь в прозе"¹

Глава 8

У темноты есть свой шарм, и даже в наших родных городах мир ночью может быть таким же чарующим, как любой незнакомый порт со своей экзотической архитектурой. Между сумерками и рассветом всё обычное наполняется визуальным обаянием, которое могут предоставить только луна, звёзды и детально прорисованные тени.

Но непроглядный мрак не показывает ничего, кроме лихорадочных рисунков нашего воображения. И когда мы делим абсолютный мрак с нелепой мумией, издающей кошачий визг через свой забитый пилой из зубов рот, то жажда света становится настолько сильной, что мы могли бы поджечь себя, чтобы его получить, если бы у нас была спичка.

К счастью, спички у меня нет, и я обхожусь без самосожжения, но у Джоли Хармони есть маленький фонарик, который она включает (если вам интересно моё обоснованное мнение) слишком медленно в таких обстоятельствах. Когда она, наконец, заставляет включиться этот небольшой осветительный прибор, то направляет его на меня, или, если точнее, к моим коленям, так как я сижу на полу коридора, когда свет гаснет, а высохший труп начинает пронзительно кричать, но вскакиваю на ноги резко, как коробка с подпружиненными зубочистками, из которой выскакивает послеобеденная деревянная иголка. Луч такой узкий, что освещает только одно моё колено, и вместо того, чтобы направить его влево, где уродливые останки были видны в последний раз, девочка направляет его вверх, на моё лицо, как будто забыла, кого она привела сюда, и ей требуется подтвердить мою личность.

Джоли двенадцать лет, а мне почти двадцать два, так что это моя обязанность — вести себя как взрослый в комнате — или в коридоре. Я не должен визжать, как маленькая девочка, потому что и сама маленькая девочка не визжит. До того момента, когда это приключение закончится, как любой обычный человек, я без сомнения свалю дурака множеством различных способов; поэтому чем дольше я смогу сдерживать идиотское поведение, тем меньшему унижению подвергнусь, когда буду смотреть в её глаза при

¹ Пер. Татьяны Алексеевны Озёрской.

нашем прощании, прямо перед тем, как ускоачу в закат с моим преданным товарищем Тонто¹. Так что с большей уверенностью, чем ожидаю, я щурюсь от света и выдержанным тоном говорю:

– Покажи мне мумию.

Луч путешествует по моим окостеневшим рукам к пистолету, который я держу двумя руками, спускается от пистолета к полу, и затем по нему на несколько футов влево, обнаруживая, что мой наведённый вслепую прицел сбился. Существо, для которого у меня нет биологической классификации, всё ещё лежит на спине, в скрюченной позе обезвоженной смерти. Единственная часть, которая у него двигается – это левая рука, костлявые пальцы стучат по полу, как будто при жизни оно было пианистом и всё ещё продолжает отбивать какой-то джаз по клавишам.

Моё понимание до сих пор заключалось в том, что это павшее существо представляет собой высушенную кожу, окружающую хрупкий скелет, внутри которого содержится прах, к которому все создания – те из нас, кто является монстрами и кто не является – в конечном счёте, возвращаются. Мне нравится это понимание, и я могу его принять. А движущаяся рука – это уже слишком.

Я стою над этим созданием, держа пистолет, радостный от того, что руки у меня трясутся меньше, чем можно было ожидать, и определённо, меньше, чем руки восьмидесятилетнего человека, страдающего идиопатическим дрожанием.

Свет от ламп, расположенных по обеим сторонам коридора, появляется, и в этот же самый момент пронзительный крик мумии прекращается.

Когда Джоли выключает свой мини-фонарик и кладёт его на пол перед собой, я изумляюсь во весь голос:

– Что это за хрень только что была?

Она всё ещё сидит с перекрещенными ногами на сложенном одеяле. Пожимает плечами.

– Оно никогда не проявляется сильнее, чем сейчас.

– Ты сказала, что после «вуммм-вуммм-вуммм» ничего не происходит.

– А об этом забыла.

– Как можно забыть такое?

¹ Тонто / Tonto – вымышленный персонаж, американский индеец, товарищ Одинокого Рейнджера / The Lone Rager, популярного героя американских вестернов.

– Таких штук не бывает много. Это редкость. Движение руки – это что-то похожее на посмертный рефлекс или вроде того.

– У абсолютно обезвоженных мумий нет посмертных рефлексов.

– Ну, тогда это что-то ещё, – говорит она. – Я думала о том, чтобы разрезать Орка, знаешь ли, препарировать его, посмотреть то, что внутри.

– Это плохая идея.

– Орк безобидный. И я могу узнать что-то важное.

– Ага, ты узнаешь, что Орк не безобидный. А что на счёт того, как он кричал?

– Не кричал, – говорит девочка. – Рот не двигается. Грудь не поднимается и не опускается. И если ты подумаешь об этом, то вспомнишь, что звук был электронным, как «вуммм», только другой, глупышка. Это наводит на мысль о том, что нечто транслирует этот звук, и голосовые связки Орка или его кости, или что-то внутри него, возможно, работает как приёмник, который только что и поймал передачу.

Она сидит там на своём одеяле, как маленькая мисс Маффит¹ на скамеечке для ног, за исключением того, что если рядом с ней сядет паук, она не испугается. Она просто раздавит его рукой.

Я опускаю пистолет, давая Орку преимущество неопределённости.

– Боже ж ты мой, малышка, когда впервые отключился свет, и ты услышала это, ты была здесь одна?

– Ага.

– И ты вернулась?

– Как я и говорила, после этих лет с Хискоттом, я много перестала бояться. Я увидела много ужасного. Я видела своего кузена Макси... убитого Хискоттом, и для убийства была использована моя семья.

Она так много пережила, и это меня печалит. Но она стойко встретила эти невообразимые несчастья, и это меня вдохновляет.

– Сядь, пожалуйста, мистер Поттер.

– Откуда ты узнала моё имя?

¹ Мисс Маффит – персонаж американского фольклора из «Сказок Матушки Гусыни». Известен такой детский стишок: «Малютка мисс Маффит / Уселась на травку / И вынула свой бутерброд, / Но тут появился большой паучище / – Бедняжка со страху ревет.»

– Это то, что ты сказал Хискотту, когда он контролировал дядюшку Донни. И он сказал нам, чтобы мы сторонились тебя.

Я чуть не раскрыл ей свою настоящую личность. Позже сообразил, что если она покинет это подземное убежище и вернётся в «Уголок», находящийся в радиусе действия кукловода, он может получить контроль над девочкой, прочитать её память и узнать моё настоящее имя.

Говорят, что жрецы вуду, ведьмы и маги не могут наложить на тебя заклинание, если не знают твоего настоящего имени. Возможно, это суеверный вздор. Как бы то ни было, этот парень Хискотт – не жрец вуду, не ведьма и не маг.

И всё-таки я решаю сохранить моё настоящее имя при себе до поры до времени.

До тех пор, пока недавний испуг не стал причиной моих первых седых волос, я сидел на полу, лицом к девочке, с мумифицированным чудовищем в нескольких футах справа от меня. Теперь я перекидываю одеяло и сажусь так, чтобы хорошо видеть и Джоли, и Орка.

– Ты сказала, что эти три дня в своём домике Хискотт болел, а затем изменился, он перестал быть просто Хискоттом. Что ты имеешь в виду – ты не считаешь, что у него была эта сила, когда он регистрировался, и она пришла к нему когда-то позже, пока он находился здесь?

Теперь Джоли, которой было семь лет, когда жизнь в «Уголке» изменилась, полагается на семейную легенду, которая была создана и отточена за обеденными столами и около каминов, в дни отчаяния и в дни хрупкой, но стойкой надежды, когда они отваживались не обсуждать противодействие, а вместо этого рассказывали и пересказывали от одного к другому истории, случившиеся за годы их угнетения, таким образом преобразуя свои страдания в рассказ о стойкости, через который могли изобразить мужество.

По этой легенде доктор Норрис Хискотт приезжает на «Мерседесе S600», куда более высокого класса, чем у среднего гостя их мотеля. При первом появлении он кажется рождённым для этого дня. С рассвета с моря идёт холодный бриз, к которому примешан запах йода от масс разлагающихся морских водорослей, разбросанных штормовыми волнами по прибрежным скалам два дня назад. Беспокоящий запах, пронизывающий холод и затянутое серым небо, опускающееся с каждым часом, грозящее разразиться свирепым штормом, объединились, чтобы усилить умеренную, но постоянно живущую в семье Хармони тревогу. Во время регистрации Норриса Хискотта в Доме №9, тётя Лоис думает, что это любопытно, что на нём надеты туфли-мокасины от Гуччи, дорогие сшитые на заказ слаксы, золотые «Ролекс» – и свитер с капюшоном, у которого разодраны рукава, и настолько испачканный, как будто его достали из мусорки. Несмотря на то, что некоторые люди могли посчитать этот день достаточно холодным, чтобы оправдать

перчатки, та пара, которая надета на нём, такая же специфичная, как и свитер. Это садовые перчатки, и он их не снимает. Более того, он не снимает капюшон на всём протяжении регистрации. Тётя Лоис думает, что, вероятно, какой-нибудь ребёнок мог одеть толстовку с капюшоном в помещении, но это необычно для человека, которому под пятьдесят, и не с таким социальным положением и изысканностью. Также он кажется не чистым на руку, никогда не смотрит прямо в глаза.

Из того, что Джоли сказала до этого, я не сделал вывод, что изменение в Хискотте, которое придало ему такую безжалостную силу, также изменило его физически, каким-то пагубным образом. Но это объясняет его зависть и его директиву «слишком-прелестны-чтобы-жить».

Отсидевшись в Доме №9, он отказывается от услуг горничной, ссылаясь на то, что серьёзно болен гриппом, и это не мешает ему иметь здоровый аппетит, судя по заказам большого количества еды на вынос из закуской. Оставляя свою дверь открытой, он говорит, что еду нужно оставить на маленьком столике у кресла в зоне для сидения, и он кладёт деньги за расходы плюс чаевые. Пока совершается доставка, Хискотт находится в ванной комнате.

Когда он видоизменяется под воздействием какого-то вируса, или проникшего генетического материала, или другого заражения, с которым имел дело во время работы в Форт-Уиверне, он быстро двигается к объявлению этого земельного участка своим извращённым королевством. Его сфера влияния проникает практически по всей площади, соответствующей территории «Уголка», круша всё здесь и там, расширяется дальше, ещё на несколько участков. Из-за ужасных изменений во внешнем виде, он, скорее всего, никогда не сможет отважиться выйти в мир за пределами этого землевладения.

Вся работа мозга имеет электрическую основу, и Хискотт способен отделиться от внешнего вида своей личности: представьте её в виде карты памяти, в которой содержится всё, что он знает, но она, правда, без самой карты – вместо нее связанное электрическое поле. С определёнными ограничениями на расстояние, он способен передавать этого другого совершенно невидимого себя, этого фантома Хискотта, через наземные телефонные линии или посредством других систем, таких как линии электропередачи, водопроводные трубы и телевизионные кабели или их сочетание. Как змея, этот пакет данных Хискотта способен уложиться в телевизор, лампу, устройство; и когда потенциальное тело рискует подойти слишком быстро, он может прыгнуть на него и овладеть, тогда как настоящий Хискотт остаётся в уединении где-то ещё.

Пакет данных действует немедленно, примерно как компьютерный вирус, не только берёт контроль над тем, в кого вторгается, но также закачивает в мозг жертвы программу, открывая Хискотту доступ к воспоминаниям этого человека за всю его жизнь. Задача завершена, фантом Хискотта возвращается в настоящего Хискотта; после этого он в пределах «Уголка Гармонии» наслаждается постоянной информационной связью с тем

человеком, в которого вторгся, так же, как функция контроля по его прихоти позволяет ему удалённо управлять телом этого человека, как если бы оно было его собственным.

Всё это незамедлительно понимает каждый человек, над которым Хискотт объявляет владычество. И каждый остро осознаёт, что его кукловод может его убить бесчисленным множеством способов, не исключая даже отключение вегетативной нервной системы, которая контролирует автоматические функции органов, кровеносные сосуды и железы – что приведёт к немедленной смерти.

Если один из них удирает за пределы «Уголка» и не возвращается, возмездие будет направлено на тех членов семьи, которых беглец любит больше всего. Их смерти будут в высшей степени жестокими, медленными и мучительными, но также они будут подвержены настолько извращённым мерзостям, которые наполнят их унижением и таким стыдом, что их презрение к себе превзойдёт страх смерти. Тот, кто сбежит, понесёт бремя вины, что, в конечном итоге, сделает жизнь невыносимой.

Побег с намерением вернуться с полицией или с кавалерией какого-нибудь другого типа будет тщетен. Беглец, вероятно, вскоре обнаружит, что необходимо снова сбежать, на этот раз из изолятора в психиатрической клинике, в который его рассказ о контроле разума отправит так же верно, как гневные утверждения, что он Годзилла и угрожает уничтожить Лос-Анджелес. В случае маловероятного события, при котором власти убедятся в чрезвычайной угрозе такому, несомненно, спокойному месту, как «Уголок Гармонии», то пока они доберутся до места происшествия, Хискотт завладеет ими одним за другим. Из-за того, что этим посторонним никогда не будет позволено вернуться со знанием о Норрисе Хискотте или с любым подозрением в чём бы то ни было, он не будет овладевать ими таким же способом, как он это делает с Хармони, а проникнет глубоко в их мысли также незаметно, как вирус простуды поражает лёгкие при вдыхании. Он отредактирует и исказит их мысли так, что они об этом не узнают, и отправит их обратно с воспоминаниями, которые он для них заготовил.

Пока Джоли мне этого не рассказала, я не понимал, насколько сильно держит их Хискотт своей мёртвой хваткой. То, что члены семьи Хармони были законсервированы, крепко держались за свой рассудок и продолжали надеяться – это подвиг почти за гранью моего понимания.

Орк лежит тихо.

Бу материализуется и осматривает мумифицированные останки с большим любопытством.

Девочка не видит собаку. Она сидит со мной в задумчивой тишине.

Наконец, я спрашиваю:

– Хискотт, кем бы он ни был и где бы сейчас ни находился – чего он хочет?

– Контроля. Подчинения.

– Но зачем?

– Из-за того, как он сейчас выглядит, ему нельзя появляться на публике, он уродливый. Он живёт через нас.

Всего на мгновение меня больше интригует другой вопрос:

– Как он выглядит?

– Когда он перемещался из Дома №9 в дом, который забрал у нас, была ночь. Нам не было разрешено смотреть.

– Но за пять лет, готовя для него еду, убирая его дом – наверняка, кто-то мельком его видел.

Она кивает и, кажется, ей требуется какое-то время, чтобы собраться перед переходом к этой теме.

– Только дядя Грег и тётя Лоис. И Хискотт сделал так, что они не могут поделиться тем, что они увидели. Встроенный запрет в их разумах.

– Запрет?

Она серьёзная девочка, но всё ещё ребёнок, энергичная, как все дети, и жаждет чудес и развлечений, серьёзная, но не по отношению к возможности радоваться, как это может быть у угнетённых взрослых. Но теперь её охватывает новая серьёзность, и она выглядит такой печальной, что я могу разглядеть старую и усталую женщину, в которую она может превратиться, если неволя будет мучить её ещё на протяжении лет, и я с трудом могу на неё смотреть, потому что это может помешать мне, и только мне, независимо от того, поможет это или помешает ей.

Глаза печальные, а руки нервно теребят джинсовую куртку, уголок левого глаза дёргает тик, она говорит:

– Грег и Лоис пытались. Они пытались сказать нам. О его внешнем виде. Дважды они сильно старались. Но каждый раз они кусали свои языки. Сильно кусали. Языки, губы. Грызли зубы до крови. Единственные слова, которые они могут произнести – непристойности. Богохульства. Ужасные слова, которые бы они не могли говорить, если бы их не принуждали. Они плюются кровью, словами, и несколько дней их рты слишком сильно болели, чтобы есть. Они не решаются попробовать нам рассказать в третий раз. Мы не хотим, чтобы они пробовали. Мы не хотим знать. Это не имеет значения. Это знание ничего не меняет.

Нам требуется ещё тишина.

Бу отходит от Орка и идёт вдоль коридора к дверям, которые Джоли не смогла взломать.

Через некоторое время я возвращаюсь к предыдущей теме.

– Контроль. Подчинение. Но зачем?

– Я уже сказала. Из-за того, как он выглядит, он должен жить через нас, меня и мою родню. Он может есть. Он может пить. Но есть очень много того, чего он делать не может. Он как устрица или что-то вроде того, и этот дом на холме – его раковина. Он говорит нам, что мы его сенсориум.

Джоли поднимает голову, и её глаза зелёные, как листки лотоса. Она прекращает дёргать джинсовую куртку. Как голуби, взлетающие на насест, её руки устраиваются на коленях. Тик в уголке её левого глаза прекращается. Рассказ о мучениях её тёти и дяди причиняют страдания и тревожат её. Мне кажется, что эта тема тоже причиняет ей страдания и тревожит, и, возможно, даже в большей степени. И для того, чтобы говорить об этом всём, ей требуется отвлекать себя, применяя йогу для обретения силы воли, спокойствия, которые позволяют ей давать свои комментарии из чистого высшего воздуха, который находится над всеми штормами и деревьями.

Она говорит:

– Ты знаешь, что такое сенсориум?

– Нет.

– Как сенсорный аппарат тела. Все органы чувств, нервы. Через меня – через нас – он способен получить мир таким, каким он не может больше его воспринимать. Не просто изображения, звуки и вкусовые ощущения, а всё во множестве различных ракурсов, из всех наших ракурсов вместо всего лишь одного. И то, что он не может испытать там, в своей раковине, в своём уродливом теле, то не захочет видеть ни один глаз, и рука того не захочет коснуться, он может чувствовать, живя в нас, чувствуя то, что чувствуем мы, разделяя наши ощущения, требуя от нас предоставить любые ощущения, какие он хочет больше всего в этот момент. В «Уголке» нет частной жизни. Нет места в твоём сердце, где ты можешь остаться наедине, чтобы пожалеть себя, исцелиться от последней вещи, которую он с тобой сделал. Он следует за тобой по пятам. Он пьёт твоё горе и смеётся над твоей надеждой на исцеление.

Я сильно потрясён.

Хронологически ей двенадцать лет, но эмоционально она старше, и интеллектуально тоже.

В сравнении с её таинственной силой, я слаб. Я неловкий повар, пытающийся делать всё, что могу, с помощью странного шестого чувства, но она – Жанна д'Арк, сражающаяся

с невероятными странностями, не за свою страну, а за свою душу – тогда как обладающий своей силой Хискотт, учитывая его жестокость – более грозный соперник, чем даже английская армия. Джоли, которая начала эту войну с недостаточным вооружением и защитой семилетнего ребёнка, побеждала только лишь благодаря терпению, поднималась на осаду Орлеана¹ каждый день в течение пяти долгих лет, и мне кажется, что я нахожусь в присутствии человека, который в будущем может стать святым.

Теперь я полностью понимаю, почему она не боится Орка. А может и совсем ничего.

В конце коридора, с поднятой головой и любопытством, Бу стоит перед запечатанной парой дверей из нержавеющей стали.

Джоли говорит:

– В этот раз, когда ты здесь, если Хискотт попытается мной овладеть, когда я буду находиться за пределами его досягаемости, и не сможет меня найти... ну, тогда он убьёт меня сразу, когда я появлюсь снова.

– Значит, ты останешься здесь, пока я его не уничтожу.

– Я не могу оставаться здесь вечно, – говорит она.

– И у меня нет вечности. Сегодня. Это должно закончиться сегодня – и лучше раньше, чем позже.

Она сдерживала любопытство до этого момента.

– Почему он не может проникнуть в твой разум и овладеть тобой?

– Я не знаю, Джоли. Но я всегда был упрямым.

– Я не верю этому.

– Возможно, я просто недостаточно разумный для него, чтобы он смог запустить свои щупальца.

– И этому. Он говорит, что не может также получить доступ к женщине, которая с тобой.

– Приятно слышать.

– Кто она такая?

¹ Орлеан (фр. Orléans) – в данном случае не американский город, а город и коммуна во Франции, административный центр департамента Луаре и Центрального региона. Главный город исторической области Орлеане. Расположен на реке Луара, в 130 км к юго-западу от Парижа. Т.е. здесь продолжается сравнение с подвигом Жанны д'Арк.

Вставая на ноги, я говорю:

– Теперь это – вопрос на миллион долларов.

– Ты не знаешь, кто она?

– Только вчера я встретил её. Я знаю её имя. Это начало. За год или два я узнаю её фамилию, если у неё есть фамилия, которой, как она говорит, у неё нет.

Вставая на ноги, Джоли говорит:

– Ты всегда немного глупый?

– Я обычно сильно глупый.

– Это убьёт тебя в «Уголке».

– Возможно, нет. До настоящего времени то, что я, по крайней мере, немного глупый, сохраняло мне жизнь.

– Он использует их всех для поиска тебя, любого, кто не задействован в закуской или на станции техобслуживания. Ты не можешь пойти куда в «Уголке» без того, чтобы не быть замеченным.

– Ну, я просто обычный, будничней, ничем не выделяющийся повар. Люди обычно смотрят прямо сквозь таких, как я.

Она секунду смотрит на меня торжественно, но затем доказывает, что ещё способна на небольшую улыбку.

Я бы отдал абсолютно всё за то, чтобы услышать однажды смех Джоли. Я думаю, что она уже очень долго не смеялась.

В конце коридора мой призрачный пёс проходит сквозь стальные двери.

Глава 9

Перед тем, как я покидаю бесстрашную девочку с Орком, нечеловеческой мумией, в подземном переходе между захваченной землёй Хармони и неизвестными спонсируемыми правительством злодеяниями Уиверна (что уже делает данное предложение самым необычным из всех, написанных в этих мемуарах), она говорит мне ещё одну важную вещь, которую я должен знать перед тем, как бросить вызов льву в его собственном логове¹.

¹ Beard the lion in his den / бросить вызов льву в его собственном логове – напасть на врага в его собственном жилище; бесстрашно бросить вызов опасному противнику. Выражение создано Вальтером

И, говоря об особенностях языка, почему это мы говорим «бросить вызов льву» вместо «противостоять льву»? Перед глазами встаёт картинка, на которой я медленно продвигаюсь в пещеру с клеем, который используют актёры для наклейки ненастоящих усов, чтобы наклеить на спящую кошку внушительных размеров поддельную бороду. Так как ни один лев не вызывался Авраамом Линкольном, чтобы сыграть в театральной сцене, то, кажется, нет причин приклеивать бороду на льва, кроме как для того, чтобы поиздеваться над ним и посмеяться над его унижением, когда другие львы поднимут его на смех. Я уверен, что Оззи Бун знает происхождение этого выражения, и, несомненно, наши лучшие университеты кишат интеллектуалами, которые тратят все свои научные карьеры на написание исследований о бросании вызовов львам – не часто упоминаются учебные тома о происхождении таких выражений как «вешать колокольчик на кошку»¹ и «пороть обезьянку»² – но время от времени мне печально думать, что я скорее всего не проживу достаточно долго, или у меня не окажется достаточно времени на то, чтобы исследовать такие особенности языка самостоятельно, а это мне могло бы понравиться.

Как бы то ни было, есть ещё одна важная вещь, которую мне должна сказать Джоли перед тем, как я её оставлю: несмотря на то, что Хискотт скрытный и замкнутый, в большом доме на холме он живёт не один. На протяжении многих лет он читал память – и иногда брал на время контроль – гостей, которые останавливались в домиках мотеля, и в трёх случаях он утверждал над ними господство и забирал в свой дом, после чего их больше никогда не видели. В каждом случае они кажутся очень одинокими людьми, без семей, которые могут их потерять. После того, как срывает номера с машин, принадлежащих этим людям, Донни паркует их в глубокой тени дубовой рощи, на середине спуска по холмам между мотелем и домами семьи, после чего они разбираются на запчасти, если они нужны на станции техобслуживания или уничтожаются каким-либо другим образом. Еду и всё остальное Хискотт требует приносить ему членам семьи, но никто из них за последние три года не убирался у него; поэтому никто из Хармони не видел то, что находится в доме, с тех пор, как первая из тех трёх незадачливых душ не пересекла походкой зомби парадную дверь.

– Так что, судя по всему, уборкой занимаются они, – говорит Джоли. – Но мы почти уверены, что они используются не только так, как мы. Он назначил им другие обязанности, и поэтому он никогда не позволяет нам на них смотреть.

Скоттом (1771-1832), в романе в стихах «Мармион» (1808): And darrest thou then / To beard the lion in his den / The Douglas in his Hall? / And hopest thou hence unscathed to go? В переводе Василия Павловича Бетаки: «И громом пронесли слова: / «Как?.. В логове напасть на льва? / И думаешь уйти / Отсюда с целой головой?»

¹ Belling the cat / вешать колокольчик на кошку – это выражение означает «брать на себя инициативу в рискованном предприятии».

² Spanking the monkey / пороть обезьянку – это выражение означает «попусту тратить время». Также употребляется в значении «мастурбировать» (касается только мужчин).

– Возможно, он использует их как ближайшее окружение, последний уровень защиты, на случай, если кто-то из вашей семьи выскользнет из поводка и попытается его убить.

– Как телохранителей. – Очевидно, она уже давно пришла к этому заключению и оставила эту достойную внимания мысль, не найдя её совершенно достаточным объяснением. – Но почему бы ему не беспокоиться точно так же, что один из них может выскользнуть из поводка?

Столь много я узнал во время своего непрерывающегося обучения, идя туда, куда должен и делая то, что необходимо. Поэтому мой единственный ответ таков:

– Думаю, я узнаю.

Джоли удивляет меня, обхватив меня руками и прижимая ухо к моей груди, как будто бы прислушиваясь к моему сердцу, оценивая его силу, прочность и правдивость. Она больше, чем на фут ниже меня, такая хрупкая для такой сильной девочки.

Я возвращаю объятие, внезапно уверенный в том, что подведу её, хотя с детства я ожидал от себя гораздо более частых неудач, чем случилось в действительности.

– Я ждала тебя пять лет, – говорит она. – Я знала, что когда-нибудь ты придёшь. Всегда знала.

Возможно, для неё я рыцарь в блестящих доспехах, который не может не одержать победу. Я знаю, что я менее способный и благородный, чем рыцари в фольклоре и волшебных сказках. Мой единственный доспех – это вера в то, что жизнь имеет значение, и что когда зайдёт моё последнее солнце, и взойдёт последняя луна, когда придёт рассвет, который ознаменует момент моей встречи со смертью, то это будет милостью. Но если вообразить меня рыцарем, питающим её надежду, то я должен настроить себя на успех, чтобы сделать это, ибо иначе нельзя.

Когда мы отступаем друг от друга, у неё нет слёз, которые нужно вытирать, потому что она за гранью естественной сентиментальности и слишком сильная, чтобы плакать за себя. Её глаза зелёные, цвета листьев лотоса, но она не лотофаг¹; она существует благодаря не тому, что забывает, а тому, что помнит. Я вижу в ней старательного бухгалтера, записывающего каждое преступление кукловода в умственный гроссбух. Когда придёт день расплаты по счетам, она будет знать, какова должна быть плата. Несмотря на то, что она молодая и неопытная, она сделает всё, что должна, чтобы помочь своей семье выжать из него полное и ужасное возмездие, которое он заслужил.

¹ Поедатель лотоса, дающего забвение прошлого (в Древней Греции).

– Я сделаю всё возможное, чтобы справиться с ним, – обещаю я. – Но всех моих возможностей может быть недостаточно.

– Неважно, – говорит она. – Ты не убежишь, спасая себя. Я это знаю. Ты бежишь к проблемам, а не от них. Я не знаю, кто ты, кроме того, что ты не Гарри Поттер. Есть в тебе что-то такое, я не знаю, что это, но оно есть, и оно хорошее.

Только ещё больший дурак, чем я, ответил бы что-то на это, так как любой ответ ослабил бы либо её, либо меня, либо нас обоих. Такое искреннее доверие, так восхитительно выраженное, несёт в себе доказательство невинности человеческого сердца, которая продолжает существовать даже в этом сломленном мире, чтобы одержать победу, вернуть всё вспять, отмотать все дни в истории до того времени, когда всё подобное доверие будет оправдано, в мире, начавшемся заново, таким, каким он всегда должен был быть.

– Джоли, мне нужен фонарик для того, чтобы выйти отсюда. Но я не хочу оставлять тебя здесь без него, на случай, если этот свет отключится снова и больше не включится.

– У меня их два. – Она достаёт второй маленький фонарик из кармана джинсовой куртки и даёт мне.

– Большая труба, по которой мы шли через холмы и из «Уголка» – у неё есть другие ответвления, которые в неё входят?

– Ага. Пять. Если ты пойдёшь назад – три будут слева, два справа. По любой из них ты не сможешь пройти прямо. Тебе нужно нагнуться. Иногда нужно ползти.

– Скажи мне, куда они ведут.

– Никуда. Конец каждого из них заварен. Я не знаю, зачем и когда. Но штормовая вода не текла через эти водостоки уже очень долго, возможно, даже с того времени, когда люди из Форт-Уиверна подключили к этой системе свой аварийный проход – если это аварийный проход.

– То есть я не могу никуда попасть, кроме как обратно на пляж.

– Не можешь. Но я не думаю, что они будут там тебя поджидать. Слушай... ну, есть кое-что ещё. Но если я скажу тебе, я не хочу, чтобы у тебя на душе был дополнительный груз. У тебя и так достаточно всего, о чём беспокоиться.

– Всё равно расскажи. Я люблю беспокоиться. Я лучший в этом.

Она колеблется. Из заднего кармана своих джинсов она достаёт тонкий кошелёк, открывает его и показывает мне фотографию красивого мальчика лет восьми.

– Это Макси?

– Ага. Хискотт сказал, что Макси должен умереть, потому что был слишком прелестным. Он правда был прелестным маленьким мальчиком. Так что мы подумали, что это была зависть из-за того, что Хискотт превратился во что-то супер-уродливое. Но я не думаю, что он убил Макси из-за этого.

Даже в таком напряжении, в котором она находится, Джоли глушит скорбь. Дрожание губ испытывает её самообладание, но она сжимает их вместе. Она складывает фотографию погибшего мальчика обратно и возвращает в карман.

– Позже, – продолжает она, – он насмехался над всеми нами, используя мою семью, чтобы говорить мне, что я красивая, красивее, чем Макси. Он пытается запугивать меня и мучить всех остальных мыслями о том, что он использует их, чтобы бить меня и избивать таким же образом, как он использовал их для убийства Макси. Но это ложь.

– Что ложь?

– Я некрасивая.

– Но Джоли... ты действительно красивая.

Она качает головой.

– Я не думаю. Не верю в это. Я знаю, что это ложь. Я не могу быть красивой. Не после того, что я сделала.

– Ты это о чём?

Одной ногой она толкает сложенное одеяло к Орку. Становится на нём на колени, уставившись в высушенное лицо существа.

Когда она говорит, её голос находится под контролем, не позволяя проявляться острым эмоциям, которые могли бы соответствовать её словам, окрашен лишь немного меланхолией.

– Это начинается, и это ужасно. Я кричу им, чтобы остановились, умоляю. Они один за другим идут на Макси – моя семья, его семья. И они пытались удержать друг друга. Они пытались. Но Хискотт перемещается слишком быстро, из одного в другого, невозможно узнать, в кого он переселится следующим. Такие сильные удары ногами, кулаками, шрамы. Кровь Макси... на всех. Я не могу их остановить, Макси почти мёртв, и я убегаю, я не могу выносить это, чтобы увидеть, чем всё закончится.

С явным отвращением, очень осторожно Джоли поднимает руку, которой временно оживший мумифицированный труп стучал по полу.

Изучая ужасно длинные пальцы, она говорит:

– Я начинаю бежать, но затем стою над Макси, и я не знаю, где взяла нож, который у меня в руке. Большой нож. Он ещё жив. Сбитый с толку, наполовину в сознании. Ему только восемь. Мне девять. Он узнаёт меня. Его глаза на секунду проясняются. Я ударяю его ножом один раз, а затем снова. И снова. И это для него конец.

Её молчание настолько материально, что пару секунд я не могу заставить себя заполнить его словами. Но потом:

- Это была не ты, Джоли.
- В каком-то смысле была.
- Нет, не была.
- В каком-то смысле, – настаивает она.
- Он контролировал тебя.

Таким ужасным голосом тесно связывающей скорби, слишком взрослыми словами для её лет, она говорит:

– Но я видела это. Прожила это. Чувствовала, как тело и кости сопротивляются ножу. Видела, как он смотрит на меня, когда жизнь уходила из его глаз.

Я чувствую, что если упаду на колени рядом с ней и попытаюсь успокоить её, она не позволит себе быть обнятой, как ранее. Она вырвется от меня, и узы, связывающие нас, нарушатся. Это её горе, за которое она держится в память о своем убитом кузене, и это её вина, которая, хотя и незаслуженно, но, возможно, доказывает в её отношении, что хоть её и заставили сделать это, она всё ещё человек. О скорби и вине я знаю много, но пока это как бы обращённые ко мне скорбь и вина, они не мои, и у меня нет права говорить ей о том, что она, должно быть, чувствует.

Опуская руку чудовища на пол, она снова возвращается к изучению его лица, в частности, больших впадин, на дне которых находится пятнистая и покрытая мехом ткань, то, что осталось от его глаз, похоже, когда-то пышущих здоровьем, а теперь окаменелой плесени на дне давно высохшего колодца. Свет в проходе снова дрожит, в этот раз не гаснет, но вызывает пульсации теней на костяных впадинах, так что они кажутся парой глаз, постоянно перемещающихся слева направо, а потом обратно, совсем как должны выглядеть чёрные глаза Смерти, когда она показывается на пороге с извещением о выселении.

– Я некрасивая. Не это причина того, что он собирается убить меня. В последние несколько месяцев, случается, он ищет меня и не может найти, потому что я здесь. А позже, когда он хватает меня и читает, судя по моей памяти, выходит, что я всё время была где-то в обычных местах, там, где он может меня найти. Некоторое время он думал,

что недостаток в нём, но теперь он подозревает, что я научилась скрывать некоторые вещи, о которых не хочу, чтобы он знал.

Сила, позволяющая не впускать кукловода даже в крохотную часть её памяти, должна стать обнадеживающим результатом, но, кажется, у неё нет надежды на это.

– И он прав? Ты научилась скрывать некоторые вещи?

– Говорят, что нужно изучать языки, когда ты ещё ребёнок, потому что ты воспринимаешь их намного быстрее, пока растёшь. Я думаю, примерно тем же можно объяснить возможность обманывать Хискотта. Я не могу скрыть много, но с каждым месяцем немного больше, включая это место, куда я иду, чтобы сбежать от него. Я не верю, что кто-то из взрослых способен это делать, но я думаю, что Макси, должно быть, был близок к тому, что я делаю сейчас, когда он был убит. Возможно, Хискотт подозревал Макси. Возможно, он подозревал, что Макси может научиться сопротивляться тому, чтобы быть захваченным, и поэтому убил его.

– Ты думаешь, что можешь научиться не впускать его, препятствовать его контролю?

– Нет. Ещё не через один год, если вообще когда-нибудь. И он не позволит мне жить так долго. Но есть ещё одна вещь, которую я сделала.

Она постукивает указательным пальцем по различным точкам нижних зубов Орка, двигаясь слева направо вдоль акульей ухмылки.

Если рука Орка может внезапно забарабанить пальцами по полу, его челюсти, которые, судя по всему, зафиксированы в открытом состоянии высохшими сухожилиями и съевшимися мышцами, могут захлопнуться на кончиках её нежных пальцев.

Я думаю предостеречь её. Но она наверняка уже думала о подобной опасности раньше, и проигнорирует меня. Что-то в её действиях подсказывает, что в данный момент ее заботит не существование Орка, и не его происхождение, которое тоже интересует Джоли, и не любая из специфичных особенностей его демонического лица. Вместо этого, с напряжёнными бровями, проверяя острия своих зубов языком во время оценки ряда кинжалов у Орка с помощью пальцев, она, кажется, обдумывает вопрос, который её беспокоит.

Затем она облачает свою проблему в слова:

– Чудовище знает, что оно чудовище?

Её вопрос кажется простым, а некоторым он может показаться нелепым, потому что, как знают современные мыслители, психология и теории общественной несправедливости могут объяснить мотивы всех, кто когда-либо совершал отвратительные деяния, показывая, что они на самом деле жертвы самих себя; поэтому такие вещи как чудовища, не существуют – нет минотавров, нет оборотней, нет орков, а

также нет гитлеров, нет мао, нет дзедунов¹. Но я могу предполагать, из-за чего она задаёт этот вопрос, и в этом контексте – это сложный вопрос чрезвычайной важности для неё.

Джоли заслуживает содержательного и подробного ответа, хотя в наших текущих обстоятельствах такой ответ лишь поощрит её дальнейшую неуверенность в себе. У нас нет времени для такой неопределённости, потому что она наверняка порождает нерешительность, а нерешительность – одна из матерей неудачи.

– Да, – заверяю я её. – Чудовище знает, что оно чудовище.

– Всегда и везде?

– Да. Чудовище не только знает, что оно чудовище, но ему также и нравится быть чудовищем.

Она встречается со мной глазами.

– Откуда ты знаешь?

Указывая на Орка, я говорю:

– Это не первое моё чудовище. У меня был опыт со всеми их видами. В основном, человеческого типа. И человеческий тип особенно наслаждается своим злом.

Возвращая своё внимание к зубам, девочка, кажется, обдумывает то, что я сказал. К моему облегчению, она прекращает рисковать быть укушенной и трогает вместо этого большую выпуклую бровь существа, где сморщенная кожа сбрасывает несколько чешуек под её указательным пальцем.

– В любом случае, – говорит она, вытирая пальцы о джинсы, – есть ещё одна вещь, которую я сделала, кроме удерживания его от места, куда я хожу, чтобы он меня не нашёл. Я представила этот секретный проход, скрытый кустарником, высоко в холмах, так далеко от водопропускной трубы на пляже, докуда можно дойти, и всё ещё оставалась в «Уголке». И вчера, когда он завладел на время мной, я позволила ему увидеть проход в своей памяти, как если бы он был настоящим, но не там, где он должен быть. Так что теперь, когда он готов меня убить, возможно, он потратит кучу времени, используя кого-то из семьи для поиска прохода.

– Как ты можешь быть уверена, что он готов... к чему?

– Слишком многое ускользает из-под его контроля. Ты о нём знаешь, так что он должен тебя убить. Затем он убьёт леди, которая с тобой, потому что не может контролировать её. Он собирался убить меня через день или два, перед тем, как появился

¹ Мао Цзэдун (1893 – 1976) — китайский государственный и политический деятель XX века, главный теоретик маоизма.

ты, так что он просто продолжит и сделает это сразу же после того, как закончит с вами двумя.

Аннамария, судя по всему, обладает более совершенным сверхъестественным знанием, чем я. Она говорит, что находится в безопасности в «Уголке». Возможно. Возможно, нет. Я хочу находиться одновременно в двух местах.

– Я доберусь до него первым.

– Думаю, ты можешь. Но если не получится... нас троих похоронят на лугу рядом с Макси, без гробов и надгробий.

Она ещё раз встаёт на ноги и стоит, прижав руки ко рту. В своей футболке с изображением черепа и украшенной заклёпками куртке она выглядит и дерзкой, и уязвимой.

– Если Хискотт доберётся до тебя первым, – говорит она, – всё, что мне нужно – это немного дополнительного времени, пока он ищет этот проход, которого не существует, просто немного дополнительного времени, чтобы быть готовой к тому, чтобы быть убитой. Я не хочу умолять или кричать. Я не хочу плакать, если это может помочь. Если он использует мою семью, чтобы убить меня, я хочу иметь возможность рассказать им, как сильно я их люблю, что я их не осуждаю, что я молюсь за них.

Глава 10

Не самая лёгкая вещь из тех, что мне приходилось когда-либо делать: оставить Джоли одну с мумифицированными останками в жёлтом, но, всё же, унылом коридоре, который мог оказаться дорогой в Ад, или, того хуже, одним из тех переходов в аэропортах, которые неотвратно ведут на шабаш сотрудников агентства по перевозкам, жаждущим провести полный личный досмотр бабушки, анальное зондирование монахини и приглашают всех без исключения на сканирование тела, которое приведёт либо к раку кости, либо к появлению третьего глаза на неудобном месте. Даже моего призрачного пса нет здесь, чтобы присмотреть за ней.

С другой стороны, она бывала здесь одна до этого много раз. Скорее всего, здесь она в большей безопасности, чем где-либо в «Уголке». Кроме того, хотя она на самом деле девочка и ребёнок, у неё столько же волос на груди, образно выражаясь, сколько у меня.

С маленьким фонариком в одной руке и пистолетом в другой я прохожу путь, которым вела меня она: через отодвинутые двери, через два просторных воздушных шлюза или комнаты для обеззараживания. Отверстия в стенах из нержавеющей стали похожи на оружейные дула, наставленные на меня.

Когда я достигаю водопропускной трубы, которую мы до этого прошли в абсолютной темноте, то останавливаюсь, чтобы поводить тонким лучом по стенам. Это мне напомнило лабиринт из таких водостоков, о котором я писал во втором томе этих мемуаров; в этом месте я был на грани смерти больше одного раза. Конечно, я не могу позволить себе беспокоиться об одном месте только потому, что оно напоминает мне другое место, где я чуть не умер, потому что почти каждое место напоминает мне другое, где я чуть не умер, будь то полицейский участок, церковь, монастырь, казино или магазин мороженого. Я никогда не был на грани смерти в прачечной, «Макдональдсе» или суши-баре, но мне всё ещё нет полных двадцати двух лет, и, при удаче, я проживу ещё гораздо больше лет, когда можно будет побывать при смерти во всех типах мест.

Я начинаю идти вдоль наклонного водостока, вспоминая оригинальную версию «Захватчиков с Марса»¹, 1953 года, в котором злые коварные марсиане тайно развернули подземную крепость под тихим американским городом, и актёры, на которых были костюмы с видимыми молниями на спине, притворялись потусторонними чудовищами, неуклюже передвигающимися по туннелям по одному или другому мерзкому поручению. Несмотря на молнии, эта жуткая киношка – второстепенная классика научной фантастики, но в ней нет ничего настолько же страшного, как полулюди в любой из воскресных утренних серий «Встречайте прессу»².

Перед тем, как продвинуться далеко, я захожу в первый боковой водосток справа, который выглядит так, как и описала Джоли: около пяти футов в диаметре, по нему можно пройти, только наклонившись. Так как девочка исследовала это ответвление водостока и знает, что его конец заварен, я не собираюсь доходить до него.

Но когда я прохожу через отверстие, меня останавливает шум. Доносящийся с расстояния, отдающийся эхом по этому меньшему туннелю, разносится низкий грохочуще-скрежешущий звук, как будто бы какие-то тяжёлые металлические предметы двигаются по бетону. Луч фонарика достаёт недалеко, и как раз в тот самый момент, когда я думаю, не огромный ли это железный шар, катящийся в мою сторону, я слышу, как звук прекращается.

В этот же момент появляется сквозняк, слегка пахнувший застаревшим бетоном. Это не спёртый воздух непроветриваемых темных помещений. Он свеж и чист, обдувает моё лицо, даже немного треплет мои волосы, приятно прохладный, каким может быть утренний воздух в январский день морского побережья центральной Калифорнии.

¹ «Захватчики с Марса / Invaders from Mars» (1953) – фильм режиссёра Уильяма Кэмерона Мензиеса (США).

² «Встречайте прессу / Meet the Press» – еженедельная программа, состоящая из новостей и интервью, представляемая каналом NBC. Это самый длинный телевизионный сериал в истории вещания США, несмотря на некоторое расхождение с оригинальным форматом программы, который у неё был при дебюте в 1947 г.

Если верхний конец этого водостока раньше был заварен, он, очевидно, не заварен сейчас. Кто открыл его и зачем – неотложный вопрос, потому что это совпадение вряд ли случайно.

Больше шума не доносится, нет ни малейшего звука кого-либо спускающегося.

И хотя скорее всего никто не видел меня с Джолы, убегающих к пляжу в безлунной темноте, и хотя девочка указала Хискотту неверное направление – и, следовательно, всем остальным – к несуществующей пещере, меня не прельщает возвращаться на берег. Любой другой выход из этой системы может обладать преимуществами над занавешенным вьющимися растениями выходом основной водопропускной трубы.

Благодаря часто проявляющейся, но не всегда надёжной интуиции ясновидящего повара, я чувствую, что этот дополнительный маршрут может быть безопасным и что, кто бы ни распечатал водосток с этой стороны, он может оказаться другом, или, по крайней мере, желать смерти Хискотту вместо того, чтобы желать её мне, или хотя бы не только мне.

Я решаю без промедления действовать по этому ощущению, которое можно назвать беспокоящим. В конце концов, худшее, что может случиться – меня убьют.

Пробираясь, наклонившись, в темноте, держа в руках пистолет и фонарик, почти волоча ноги по полу, я чувствую себя троллем, исключая, конечно, то, что я не ем детей, скорее, Голлум, чем тролль, Голлум, ведущий хоббита Фродо в логово гигантской паукообразной Шелоб, исключая то, что я больше похож на Фродо, чем на Голлума, являясь ведомым, а не ведущим, что означает, что я один из тех, кто будет ужален, связан скрученными шелковыми нитями, плотными, как провод, а затем буду отложен на время, чтобы позже, когда у того, кто меня захватил, появится свободное время, меня можно было съесть живьём.

Немного удивительно, что Шелоб там нет, и после того как, судя по всему, я прошёл почти весь путь до Мордора, икры ног болят, нагруженные гориллообразной осанкой, я достигаю конца туннеля. Железная лестница введёт вверх к открытому люку, через который падает первый розовый лучик утра.

Когда я вытаскиваю себя из водостока, то стою в бетонном котловане шириной четыре фута. За мной, к востоку, длинный склон поднимается к дорожному ограждению и прибрежному шоссе. Впереди – окружная дорога, ведущая к «Уголку Гармонии», которая проходит примерно в сотне ярдов слева от меня. Когда ночь утекает на западный горизонт, и рассвет цвета фламинго заливает всё большую часть неба, я могу разглядеть причудливую станцию техобслуживания, закусочную, у которой припаркованы несколько автомобилей, так как начинается время завтрака, но не домики, находящиеся в укрытии деревьев.

Если кто-то из Хармони случайно меня увидит, то он не узнает меня из-за большого расстояния.

Жужжание двигателя привлекает моё внимание к открытому люку, где внезапно из внешней части окружности к центру вытягиваются клинья и смыкаются, образуя то, что должно быть водонепроницаемым затвором. Я бы предпочёл верить в то, что у меня где-то есть друг. Но вместо этого меня одолевает чувство, что мной, скорее, манипулируют, чем помогают.

Каждый член семьи Хармони – пленник, но также и оружие, которое может быть использовано Хискоттом против меня. Я один. Их много. В течение утренней смены, вероятно, треть из них должны работать на семейный бизнес, но другие свободны для того, чтобы искать меня и защищать Хискотта, и у них нет права выбора, делать это или нет; особенно во время такого кризиса, если они осмелятся противиться, он использует их, чтобы жестоко убить нескольких из них.

Я не хочу вредить никому из них. В таких условиях я не могу прокрасться мимо такого большого количества людей и проделать путь к дому, в котором находится Норрис Хискотт. Следовательно, необходимо изменить условия.

К северу находится перекрёсток окружной дороги и наклонного съезда с прибрежного шоссе. Когда я туда иду, убираю в карман маленький фонарик и засовываю пистолет за ремень, перед животом, между футболкой и толстовкой.

На расстоянии сотни ярдов от перекрёстка я останавливаюсь, становлюсь на одно колено и жду на обочине проезжей части.

В течение минуты вверху наклонного съезда появляется «Форд Эксплорер».

Я поднимаю маленький камешек и притворяюсь, что изучаю его, как будто он приводит меня в восторг. Возможно, это золотой самородок или, может быть, природа воплотила в нём чудотворно детальный портрет Иисуса.

«Эксплорер» замедляется у знака «стоп», скользит через перекрёсток, не останавливаясь полностью, поворачивает налево и пролетает мимо меня.

Двумя минутами позже, когда на вершине наклонного съезда появляется восемнадцатиколёсник, я бросаю камень и встаю на ноги.

То, что я собираюсь сделать – плохо. Это не так ужасно, как растрата миллиарда долларов из инвестиционной фирмы, которой ты управляешь. Не так плохо, как быть государственным служащим, который наживается по жизни на взятках. Но это намного хуже, чем сорвать ярлык «НЕ УДАЛЯТЬ ПОД СТРАХОМ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ» с подушки нового дивана. Это плохо. Плохо. Я не одобряю свои собственные действия. Если за мной наблюдает мой ангел-хранитель, он шокирован, однозначно. Если когда-то эти

мемуары будут читать молодые люди, то я надеюсь, что мой проступок не побудит их самих совершить подобные проступки. То же самое касается старших читателей. Толпа пенсионеров, которые поступают плохо, нам нужна не больше, чем молодые хулиганы. Я могу объяснить, почему я должен сделать то, что собираюсь, но я отлично знаю, что объяснение не является оправданием. То, что плохо – то плохо, даже если оно необходимо. Это плохо. Простите. Ладно, где наша не пропадала.

Глава 11

Прямо там, сразу после того, как он оставляет меня с Орком, чтобы попытаться добраться до Хискотта, я думаю, что люблю его. Я никогда не думала, что смогу. Любить какого-нибудь парня, я имею в виду. Или, может быть, имею в виду, что я никогда не думала, что буду. Не после того, что происходило в последние пять лет. Не после того ужасного случая, что произошёл с Макси. Мои ожидания, если хотите знать, были связаны с тем, чтобы вырваться и стать монахиней. В смысле, если бы что-то произошло с Хискоттом, и мы снова стали бы свободными. Монахиня или миссионерка в самой дальней дыре мира, где тараканы большие, как таксы, а люди покрыты гнойными ранами и сильно нуждаются в помощи. Я знаю, как это – остро нуждаться в помощи, и думаю, это было бы правда здорово – ощутить себя на другой стороне, иметь возможность оказать помощь людям, которые в ней нуждаются, сильно или не очень. Если ты собираешься стать монахиней, или миссионеркой, или одним из тех врачей, которые работают бесплатно в тех странах, где у очень бедных людей нет денег, и они торгуют друг с другом брусками из высушенных фекалий животных, которые они могут сжигать для отопления своих лачуг, и несколькими больными курицами и, возможно, кое-какими съедобными клубнями, которые они выкапывают из земли в джунглях, кишаших змеями... Ну, я имею в виду, что если ты собираешься заниматься этими вещами, то в твоей жизни нет места для свиданий, или романтики, или брака, или для чего-то подобного. Так что в чём смысл в любви к парню? В любом случае, монахиням нельзя выходить замуж.

Думаю, что я люблю его, или что-то вроде того. Это чувство действительно похоже на любовь или на то, как по моим представлениям ощущается любовь. Вы, возможно, скажете, что всё произошло слишком быстро, чтобы быть любовью, однако говорят, что есть такая вещь, как любовь с первого взгляда, и это мой ответ на такую критику. Ну, я должна признать, что это не тот случай, когда взгляд сбивает с ног. Думаю, мы все должны согласиться, что Гарри – не Джастин Бибер¹. Конечно, он не настоящий Гарри Поттер, но что есть, то есть, так что пусть это будет его именем на некоторое время. Гарри достаточно милый, он привлекательный, но многие парни привлекательны, думаю, их толпами показывают по телевизору. Я люблю его за то, ну, не знаю, что он кажется очень

¹ Джастин Дрю Бибер / Justin Drew Bieber (род. 1994) — канадский поп-R&B-певец, автор песен, музыкант, актёр.

храбрым, и добрым, и очаровательным. Всё это сразу, но и ещё что-то. Я не знаю, что ещё, но он чем-то особенный, и я хочу сказать, что эта особенность – хорошая, чем бы она ни была.

Снова проблемы со светом, дрожание и этот звук «вуммм-вуммм». На этот раз старый Орк не реагирует. Орк не всегда так делает, когда начинается звук. Чаще всего, он просто лежит здесь, оставаясь мёртвым. Не знаю, почему я люблю сидеть с Орком. Я всегда чувствовала себя с ним в безопасности. Возможно, это потому что он мёртв, и всё, но не думаю, что это единственная причина. Он такой большой и ужасный, что можно подумать, что ничто не способно его убить, но что-то, определённо, убило. Так что если что-то может убить Орка, то что-то может убить кого угодно, даже доктора Норриса Хискотта, и, возможно, поэтому я на самом деле сижу с Орком. Я не ребёнок – или, по меньшей мере, не наивный ребёнок, который думает, что то, что убило Орка возьмёт и решит убить для меня Хискотта. Так просто ничего не получится. Хискотт говорит, что умирать – просто, и что мы никогда не должны забывать, как это просто. Но умирать никогда не просто, и он имеет в виду, что просто убивать, по крайней мере, для него.

Что можно сказать про мою любовь к Гарри, так это то, что мне двенадцать лет, а ему, наверное, тридцать или тридцать пять, не важно, так что ему нужно будет ждать меня лет шесть, пока я вырасту. Я имею в виду, что если он убьёт Хискотта и освободит нас, ему нужно будет подождать. Он никогда на это не пойдёт. У такого доброго, и очаровательного, и храброго, как он, наверное, уже есть девушка и сотня других, которые бегают за ним. Так что всё, что мне останется – любить его на расстоянии. Безответная любовь. Так это обычно называется. Я буду любить его всегда и глубоко, глубоко печально, я бы сказала, и вы можете подумать, что звучит это весьма уныло, но это не так. Состояние глубокой печали безответной любви может уберечь вашу душу от худших вещей, которых тысячи, и иногда лучше бесконечно размышлять над тем, чего у тебя нет (и это Гарри), чем над тем, что может случиться с тобой в любой момент в «Уголке Гармонии» (и это может быть что угодно).

«Вуммм-вуммм» остановилось, и свет в этот раз не отключился, и Орк просто лежит там, и Гарри ещё отсутствует недолго, но ощущение такое, как будто прошел уже десяток лет с того момента, как я видела его в последний раз. Когда любишь, думаю, время сильно искажается. И не только, когда любишь. Когда моя тётя Лоис пыталась убить себя и всех, то сказала, что это потому, что чувствовала, будто она была в ловушке у «Уголка» сотню лет, но это было два года назад, так что это была не сотня, это было всего три года. Дядя Грег схватил её до того, как она сделала это, и по тому, как он плакал и плакал, тётя Лоис поняла, – то, что она почти сделала, было весьма эгоистично, и никогда не пыталась повторить. Мама говорит, что от попыток сделать то же, что пыталась сделать тётя Лоис её удерживаю я и то, как я переношу всё это для такой маленькой девочки. Мама говорила подобные вещи годами, и поэтому я знаю, что должна быть сильной и терпеть это, не сходя с ума и не проливая слёз. Дело в том, если вы понимаете, что я имею в виду, что

сохраняя надежду и не впадая в чёрную депрессию, я сохраняю жизнь нам обеим, до тех пор, пока что-то не произойдёт. И что-то произойдёт, что-то хорошее, и, возможно, это Гарри, который ушёл уже будто бы двадцать лет назад.

Я поднимаюсь с пола для того, чтобы отшагивать по коридору туда-сюда, пока мои нервы, находящиеся на грани, не сотрутся или пока не упаду в обморок от изнеможения, поэтому я не должна беспокоиться за Гарри, и как раз в это время происходит что-то очень интересное. Четвёртая дверь, одна из тех, что мне ни разу не удалось отодвинуть, теперь открывается со свистом. По ту сторону только темнота, что сперва кажется немного угрожающим, как вы можете представить. Я не знаю, бежать ли мне или нет, но бежать некуда, кроме возвращения в «Уголок», где Хискотт может меня найти так же просто, как птица может найти червяка, не подумайте, что я считаю его птицей, а себя червяком. Он червяк.

В любом случае, из той темноты ничего не появляется, и по истечении минуты или около того я уже не ощущаю больше той угрозы. Подходя к открытым дверям, я говорю «ау», но мне никто не отвечает. Тогда я говорю, что меня зовут Джоли Энн Хармони, на случай, если в темноте кто-то есть, но не хочет говорить с незнакомцем, что весьма глупо, если подумать. Но после пяти лет в качестве узника Хискотта никто не ожидает, что у меня будут супер-продвинутые навыки общения или что-то ещё.

Я стою прямо в проёме двери, и всё ещё не могу разглядеть то, что расположено в десяти дюймах в комнате за ним, – так там темно. У меня есть маленький фонарик, так что я могу изучить её, если захочу, и, по правде говоря, здесь нечем больше заняться, кроме того, чтобы сойти с ума, чего я не могу сделать из-за мамы. Во всяком случае, я не сумасшедшая.

Я возвращаюсь к Орку, чтобы взять шерстяное одеяло, которое туго скрутила. Вернувшись снова к двери, я кладу шерстяной валик поперёк порога, так что двери за мной не смогут закрыться, и я смогу вернуться туда, откуда иду.

Как раз в это время, далеко в темноте появляется жёлтый свет. Я жду, но он не становится ближе, это фонарь, находящийся где-то на одном месте, и, возможно, кто-то включил его, чтобы показать, куда мне нужно идти, и всё, потому что они знают, что у меня нет путеводной нити, и я не критикую себя, просто это правда в данном конкретном случае.

Переступая порог, я ощущаю, что пол в этом новом месте похож на эбонит, ты почти отскакиваешь от него. Когда я снова повторяю своё имя, просто чтобы ещё раз убедиться, не сможем ли мы начать беседу, мой голос звучит так, будто на мою голову надет фланелевый мешок, и я говорю со дна сухого каменного колодца, но я не знаю, как я могла бы оказаться в подобной ситуации, если только какой-нибудь маниакальный серийный убийца не бросил меня туда по какой-то чудовищной причине.

Также, когда я говорю, стены пульсируют голубым светом, так что я могу разглядеть комнату около сорока футов длиной. Эти пульсирующие голубые стены покрыты сотнями колбочек, похожих на те, что я видела как-то в телесериале, где один парень был ведущим ток-шоу и работал в звуконепроходимой кабине на радиостанции или где-то ещё. Они как большие колбочки, всасывающие мой голос, но в то же самое время превращающие звук в голубой свет, чего не происходило в телешоу. Чем быстрее и больше я говорю, тем ярче становится свет, по-видимому, они пульсируют в такт моим словам.

Если вам интересно моё мнение, это необычная комната, но она не ощущается как опасное место. Она даже кажется спокойной, хотя заставляет чувствовать себя почти глухой и делает кожу голубой, как у странных людей на планете, где происходит действие в фильме «Аватар». Я имею в виду, эта комната не такого типа, где ты думаешь о возможности обнаружить мёртвых обнажённых людей, подвешенных на цепях к потолку. В любом случае, масса голубого света горит столько, сколько я говорю, так что я начинаю декламировать пару стихотворений Шела Сильверстейна¹, которые выучила наизусть, и я провожу себя стихами через комнату к большому круглому проходу, через который можно проехать на грузовике «Мэк», если умеешь водить, – я не умею. Я вижу через него жёлтый свет, который вывел меня сюда, как вы помните, и он всё так же далеко, как и был, как если бы двигался от меня с такой же скоростью, с какой я двигаюсь к нему.

Когда я пытаюсь пройти через эту большую круглую дверь, она открывается, больше смахивая на окно, но она не стеклянная. Она холодная и прозрачная, и немного липкая, и когда я пытаюсь отступить от неё, то не могу. Я не замираю как вкопанная, но она удерживает и затем, кажется, охватывает меня, вы можете представить это как нечто, сводящее меня с ума, как будто это вещество замазывает меня прозрачным коконом и душит. Но затем она выворачивается и, в конце концов, становится дверью, и после того, как охватывает меня, вещество раскрывается, и я на другой стороне. Не знаю, не могу точно описать это ощущение. Наверное, это больше похоже на прозрачное вещество, которое заполняет дверной проём, какая-то гигантская амёба, которая засасывает тебя в одной комнате и выплёвывает в следующей, за исключением того, что это, всё же, не так.

Как бы то ни было, в следующей комнате находятся шесть мёртвых людей, все в громоздких белых защитных костюмах, какие вы видите в телевизионных новостях, когда происходит выброс токсичных химикатов или облака из кислотных испарений, или что-то вроде того, что каждый раз напоминает, почему вы не должны смотреть новости. Я выхватываю их фонариком одного за другим. Возможно, это не защитные костюмы, а больше герметичные, похожие на космические скафандры, так как каски не похожи на

¹ Шелдон Элан «Шел» Сильверстейн (англ. Sheldon Alan 'Shel' Silverstein) (1930 – 1999) – американский поэт, автор песен, музыкант, карикатурист, сценарист, а также автор детских книг, читателям которых известен как Дядюшка Шелби (англ. Uncle Shelby).

защитные капюшоны, на самом деле они фиксируются на резиновом уплотнении, расположенном в шейной части костюма. У каждого на спине баллоны с воздухом, как у аквалангистов. Если вы правда хотите знать, то через переднее стекло их шлемов я могу видеть, что осталось от их лиц, и осталось не так много, и они умерли уже давно. Комната с колбочками на стенах была необычной, но нормальной. Эта комната – не нормальная. Она вызывает тревогу, и я целиком покрываюсь гусиной кожей, и затем кто-то говорит:

– Джоли Энн Хармони.

Глава 12

Восемнадцатиколёсник сворачивает на окружную дорогу, я перехожу с обочины на асфальт, стараясь не выглядеть пьяным, вместо этого пытаюсь казаться внезапно заболевшим, как будто бы у меня припадок или инсульт. Большинство людей не испытывают сочувствия к грязным пьяницам, которых может вырвать на них, но они с большой вероятностью с удовольствием окажут помощь опрятному молодому парню, который, судя по всему, случайно попал в тяжёлую ситуацию. К сожалению, я близок к тому, чтобы инициировать превращение этого доброго самаритянина в циника.

Я не претендую на то, чтобы считаться актёром. Поэтому когда я пошатываюсь посередине дороги, я держу в голове изображение Джонни Деппа в роли Джека-Воробья на пути к виселице, в немного пониженной яркости, но не слишком сильно. Я сваливаюсь влево, половина на одном ряду дороги, половина на другом, завалившиеся глаза, а лицо искривлено в агонии, в надежде, что водитель грузовика не увидит во мне грязного пьяницу, кем я стараюсь не казаться.

Когда шипят тормоза, я надеюсь, что моя голова не будет раздавлена колесом тяжеленного длиннущего грузовика. Дверь открывается, и раздаётся лязг, что может быть звуком, который издаёт боковая ступенька для спуска из кабины. Когда водитель спешит ко мне, то издаёт звякающие звуки. Я делаю вывод, что это не Санта-Клаус, то, что я слышу – связка ключей, прицепленная к ремню, а также куча монет в его карманах.

Когда он становится передо мной на колени, он уже кажется Святым Ником¹, однако подстриженный под летний отпуск: его пышные выходные усы и борода – белые, но значительно подрезанные, ниспадающие локоны укорочены. Однако его глаза всё ещё блестят, а ямочки забавные, щёки как розы, нос как вишенка. Его живот не трясётся как чаша, полная студня², но он хорошо бы подошёл сейчас для чизбургера, находящегося дальше на стоянке для грузовиков, и затем, непременно, для салата.

¹ Святой Ник, Святой Николас – Другое имя Санта-Клауса.

² По тексту идёт описание Санта-Клауса из рождественского шуточного стихотворения «Это было перед Рождеством / 'Twas The Night Before Christmas».

– Сынок, – говорит он, – что не так, что случилось?

Перед тем, как ответить, я вздрагиваю, не от боли и не для того, чтобы лучше актёрствовать. В его лице и голосе такая искренняя забота, и он кладёт руку на моё плечо с такой нежностью, что у меня нет сомнений в том, что я решил угнать грузовик хорошего человека. Мне было бы легче, если бы водитель был змееглазым, с лицом, покрытым щетиной, шрамами, с суровым ртом, грубияном-деревенщиной в футболке с надписью «ТРАХНУ ТЕБЯ», с татуировками в виде свастики на руках. Но я не могу продолжать шататься по дороге и бросаться под восемнадцатиколёсники всё утро, пока не найду идеальную жертву.

Я притворяюсь, что мне трудно говорить, выталкивая серию приглушённых слогов, что, по-видимому, должно показывать, будто мой язык в полтора раза толще, чем должен быть. Получается желаемый эффект, что заставляет его приблизиться плотнее и попросить повторить, что я только что сказал, после чего я вытаскиваю пистолет из-под своей толстовки, сую дуло ему в живот и рычу своим лучшим голосом крутого парня: «Ты не должен умереть здесь, это зависит от тебя», однако до ушей доносится такой же крутой звук, как у Микки Мауса.

К счастью, он не замечает плохую игру и не смыслит ничего в темпераменте. Его глаза расширяются, и весь блеск из них уходит так быстро, как бутылка «Севен Ап» испаряется, если простоит на воздухе открытой целый день. Его ямочки уже не выглядят такими забавными; они становятся сморщенными шрамами. Как и бровь, его рот как бы немного приоткрывается, дрожа, когда он говорит:

– У меня семья.

Пока кто-то не проехал, мне нужно покончить с этим. Мы осторожно встаём на ноги, я продолжаю давить пистолетом в его живот.

– Вы должны увидеть своих детей снова, – предупреждаю я его, – идите спокойно к водительской двери.

Он подчиняется мне без сопротивления, подняв руки вверх, пока я не приказываю ему опустить их вниз и держаться естественно, но он не замолкает, бормочет.

– У меня нет детей, которых я хотел, любимых детей, и никогда не могло быть.

– Но вы хотите увидеть снова свою жену, так что будьте паинькой.

– Вероника умерла пять лет назад.

– Кто?

– Моя жена. Рак. Я так по ней скучаю.

Я угоняю грузовик бездетного вдовца.

Когда мы доходим до водительской двери, я напоминаю ему, что он сказал, что у него есть семья.

– Моя мать и отец живут со мной, и моя сестра Бернис, она никогда не выйдет замуж, и мой племянник Тимми, ему одиннадцать, его родня умерла в автомобильной аварии два года назад. Ты застрелишь меня, я их единственная опора, это будет ужасно, пожалуйста, не поступай так с ними.

Я угоняю грузовик бездетного вдовца, который посвящает себя своим престарелым родителям, поддержке сестры-старой девы и предоставляет приют сироте.

Находясь перед открытой дверью, я спрашиваю:

– У вас есть страховка?

– Хороший полис страхования жизни. Теперь я понимаю, что это не так много.

– Я имел в виду, страховка на грузовик.

– О, да, конечно, транспортное средство застраховано.

– Вы владелец?

– Раньше был. Теперь я работаю на компанию за пособие.

– Это уже лучше, сэр. Если они вас не уволят.

– Не уволят. Политика компании по угонам это учитывает, не волнуйся об этом, жизнь важнее.

– Вы, наверное, хороший сотрудник.

– Они хорошие люди.

– Вы были жертвой угона раньше, сэр?

– Это первый раз – и, надеюсь, последний.

– Я тоже надеюсь, что у меня последний.

Вереница машин и грузовиков проезжает по прибрежному шоссе на вершине съезда, и воздушный поток за ними закручивается воронками, которые замедляются ограждением, заставляя высокую светло-зелёную траву пригибаться, как волосы дико танцующей женщины. Ни одной машины не появляется в верхней части съезда.

– Угонщики приходят командами, – говорит моя жертва. – Ты, действуя в одиночку, обезоружил меня.

– Извиняюсь за обман, сэр. Теперь идите пару миль на север. Если вы посигналите какой-либо машине, то я убью вас и их.

Я слышу, что говорю так же грозно, как Винни-Пух, но он, кажется, воспринимает меня серьёзно.

– Хорошо, как скажешь.

– Я извиняюсь за всё это, сэр.

Он пожимает плечами.

– Дерьмо случается, сынок. Должно быть, у тебя есть причины.

– Ещё одно. Чем загружен твой транспорт?

– Индейки.

– Есть ли ещё люди в трейлере?

Он хмурится.

– Почему там должны находиться люди?

– Мне просто нужно знать.

– Этот автомобиль – рефрижератор, – говорит он, указывая на холодильную установку в передней части трейлера. – Замороженные индейки.

– Так что если там есть люди, они должны быть замороженными и мёртвыми.

– Я об этом и говорю.

– Хорошо, начинай идти на север.

– Ты не выстрелишь мне в спину?

– Я не такой, сэр.

– Не обижайся, сынок.

– Отправляйся.

Он уходит, выглядя несчастным, Санта у которого отобрали сани и северного оленя. Когда он доходит до задней части трейлера, не оборачиваясь назад, говорит:

– Непросто продать краденные замороженные индейки, сынок.

– Я знаю точно, что с ними делать, – уверяю я его.

Когда он на расстоянии около восьмидесяти футов от трейлера, я взбираюсь в тягач и закрываю дверь.

Это действительно плохо. Мне трудно заставлять себя писать об этом. Я убивал людей, это так, но это были плохие люди, которые хотели убить меня. Я никогда до этого не крал ничего у невинного человека – и у злых людей тоже, если подумать, если не считать то, что отобрал пистолет у плохого парня, чтобы выстрелить в него, что я расцениваю больше как самозащиту, чем кражу или, хуже того, одалживание без согласия.

На полочке для хранения вещей над лобовым стеклом висит несколько фотографий моей жертвы с пожилой парой, которые могут быть его родителями, привлекательная женщина пятидесяти лет, которая, вероятно, его сестра Бернис, и мальчик, который не может быть никем иным, как приемным сыном Тимми. На дверце бардачка на верхней части радио, работающего на общественном диапазоне¹, прикреплена фотография моей жертвы с прелестным золотистым ретривером, которого он, несомненно, обожает, а рядом прикреплена карточка-напоминание, на которой причудливым шрифтом написано: «ИИСУС МЕНЯ ЛЮБИТ».

Я чувствую себя дерьмом. То, что я сделал, очень плохо, но я близок к тому, чтобы сделать ещё худшее.

Глава 13

Какой-то парень холодным спокойным голосом говорит: «Джоли Энн Хармони», как будто хочет напугать меня.

Я нахожусь в плохо освещённой комнате с шестью мёртвыми людьми в защитных костюмах или скафандрах, или в чём-то ещё, лица которых расплавлены, натянуты и ухмыляются как сумасшедшие клоуны, их зубы за стёклами как будто светятся зелёным. Когда я слышу своё имя, я почти что ожидаю, что один из шести, а возможно, и все они встанут на ноги и направятся шатающейся походкой ко мне, парни-живые мертвецы в защитных костюмах, зомби-астронавты, но никто из них не двигается, и это не означает, что они безвредные, потому что живые мертвецы всегда стараются обмануть, а затем застать врасплох.

Некоторые девочки, думаю, на этом месте дали бы задний ход. Я не так много знаю о других девочках. В конце концов, я была заложницей Хискотта последние пять лет, и у меня не могло появиться, скажем, восемь или десять лучших друзей на всю жизнь. И если

¹ Портативная двусторонняя радиостанция, работающая в т.н. "общественном диапазоне" - 27-934 МГц. Обычно используется водителями грузовых машин при междугородних перевозках. Дальность действия - около 10 км.

бы у меня были друзья моего возраста, я бы не смогла сбежать из «Уголка» и весело проводить время на вечеринках, без того, чтобы он не измучил и не убил половину моей семьи от злости. Если даже сейчас я бы побежала назад, чтобы дожидаться Гарри прямо там, где он оставил меня, чего я делать не собираюсь, то нет причин думать, что там было бы безопаснее. Что бы ни могло убить меня здесь, оно может прийти и туда и вырвать мне глаза, чтобы пожарить их с луком и яйцами на завтрак. Так что это просто глупо – отправиться обратно, и не менее глупо оставаться здесь, и если ничего не остаётся, кроме глупых вариантов, то можно с таким же успехом пойти по более интересному из них.

– Джоли Энн Хармони, – повторяет парень, и, возможно, он невидимый, потому что его голос, кажется, идёт из ниоткуда.

– Ага, что тебе нужно?

Он мне не отвечает. Возможно, он сбит с толку тем, что его холодный спокойный зловещий голос, кажется, меня не пугает. После того, как Норрис Хискотт побывал у тебя в голове, заставляя делать всевозможные мерзкие вещи, то, позвольте заметить, что это пугает намного больше, чем какой-то тупой болван, произносящий одну или другую вариацию «Бу!»

– Вы хотите мне что-то сказать? – спрашиваю я.

– Джоли Энн Хармони.

– Здесь. Сейчас. Je suis¹ Джоли.

– Джоли Энн Хармони.

– Я что, разговариваю с попугаем или с кем?

Он немногословно обращается ко мне ещё раз.

Если быть откровенной, я должна согласиться, что напугана. Всё же я не идиотка. Но сглатываю, как будто это комок мокроты – так ощущается страх, когда приходит в горло откуда-то – и прохожу мимо этих шести мёртвых людей к ещё одной из этих огромных круглых лунных дверей². Этот жёлтый свет, на который я иду, кажется, ещё на одну комнату дальше, и, возможно, это похоже на дудочника³, который привлекает всех детей, и они потом исчезают безвозвратно, потому что горожане не собираются ему заплатить, как обещали, за избавление от крыс с помощью утопления в реке. Но вы знаете, что я должна

¹ Я (фр.)

² Лунная дверь / moon gate – в Китае круглый проём, образующий в стене проход.

³ Гамельнский крысолов (нем. Rattenfänger von Hameln), гамельнский дудочник — персонаж средневековой немецкой легенды.

делать? Все варианты снова глупые, что начинает раздражать. Так что я позволяю большой старой липкой амёбе, или что это там, проглотить меня и выплюнуть прямо в следующую комнату. Я чувствую себя так, бе-е-е, как будто покрыта мерзкой массой и вонью, как у прокисшего молока или чего-то вроде того, но я остаюсь сухой и не воняю.

Жёлтый свет на время пропадает, и я слепну, что беспокоит меня не так сильно, как вы могли бы подумать, потому что всё плохое, что со мной когда-либо случилось, происходило при свете, не в темноте, и, по крайней мере, в темноте, если вдруг случится что-то жуткое, то на это не нужно смотреть. Затем в черноте появляется слабое, мерцающее сияние, поначалу весьма призрачное, но становится понемногу ярче и ярче. Это огромная сфера, сложно сказать, насколько большая, в этом мраке, потому что она почти весь свет содержит в себе и не освещает ничего за пределами нескольких футов перед собой.

Ну, я могу стоять здесь, пока у меня не подогнутся колени, или идти к ней, что я и делаю, следя за тем, чтобы не свалиться в какую-нибудь яму, если она есть. Пол снова из твёрдого каучукообразного материала, и я прохожу не менее сорока футов от необычной двери перед тем, как останавливаюсь рядом со сферой. Она около пятидесяти футов в диаметре, высокая, как пятиэтажный дом. Если сфера не подвешена к потолку, то она просто парит, как самый большой пузырь, её серебристый свет слегка отражается на чёрном полу в трёх футах под ней. Я не могу сказать, тяжёлая она или лёгкая, как пузырь, но подозреваю, что она настолько тяжёлая, что если бы не левитировала, если бы стояла на полу, то разрушила бы фундамент, провалилась бы под землю и затянула бы здание целиком в яму.

Это не самая уникальная вещь из тех, что я когда-либо видела, потому что слово «уникальная» – это абсолют, «самая» здесь нельзя применить. Вещь либо уникальна, либо нет. Не может быть ничего очень уникального или изрядно уникального, или более уникального. Просто уникальное. Это один из шестидесяти миллионов фактов, которые вы должны узнать, когда обучаетесь на дому родителями, которые прочитали все библиотечные книжки и знают абсолютно всё. Но эта сфера, конечно, уникальна.

Она не издаёт звуков, но испускает эту зловещую вибрацию, что заставляет меня чувствовать, что я была бы самой большой в мире идиоткой, если бы прикоснулась к ней. Возможно, я заставляю себя решиться стать Индианой Джонсом на седьмой стадии, но правда в том, что в моём горле снова появляется мокрота страха, толще прежней, и я вынуждена продолжать сильно сглатывать, чтобы иметь возможность правильно дышать. Не спрашивайте про моё сердце. Оно бухает, как тот пневматический молоток.

Из почти жидкой заводи темноты снова появляется этот холодный голос, такой же напыщенный, как прежде. Мне хочется стукнуть его, и, клянусь, я это сделаю.

– Джоли Энн Хармони не имеет доступа к проекту.

– Кто ты?

– Джоли Энн Хармони не имеет доступа к проекту.

Он замолкает.

Кем бы ни был этот парень, я уверена, что он опасен, как убийца с топором, и я должна вести себя с ним осторожно и быть вежливой, но он действительно достаёт меня. Он субъективен. Властный. И не склонен к диалогу.

– Ты субъективный, – говорю я ему, – властный и вообще невозможный.

Он молчит так долго, что я не ожидаю, что ответит, но затем он говорит:

– Тем не менее, ты не имеешь доступа к проекту.

– Ну, я думаю, имею.

– Нет, не имеешь.

– Имею на самом деле.

– Это неверно.

– Как называется твой проект?

– Это секретная информация.

Минуту я стою, слушая тишину, и смотрю на светящуюся сферу, которая теперь выглядит как гигантский хрустальный шар, однако я почти уверена, что он из металла. А потом я делаю ему небольшую взбучку:

– Если ты правда хочешь знать, я даже не думаю, что у вас есть проект. Всё это тупая куча коровьего дерьма. Ты просто был частью чего-то, что ты считаешь важным.

– Джоли Энн Хармони не имеет доступа к проекту.

– Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, какой ты нудный?

Если я его уколола, он не собирается это показывать.

– И если у тебя есть проект, то где рабочие и всё остальное? У проекта есть рабочие одного вида или другого, знаешь ли, парни в рабочих халатах, или в лабораторных жилетах, или в каком-нибудь другом прикиде. Я не вижу ни одного. Всё это место безлюдно.

Он снова отвечает мне тишиной. Я должна бы испугаться, но это не работает.

– В комнате, которая перед этой, находятся шесть мёртвых парней, одетых в герметичные костюмы, которые выглядят так, как будто мертвы уже не один год. Всё, что я видела – так это абсолютно мёртвых людей, и у тебя не может быть проекта только лишь с мёртвыми людьми.

Наконец, мистер Загадка говорит:

– Я уполномочен убивать нарушителей.

– Нет, не уполномочен.

– Да, уполномочен.

– Если бы был уполномочен, ты бы уже убил меня.

Он, кажется, должен это обдумать.

Не думаю, что это самая умная вещь из тех, которые я когда-либо сказала, так что я наношу ещё один удар:

– В любом случае, я не нарушитель. Я кто-то вроде исследователя. Я беженец и исследователь. Где это дурацкое место – где-то на южной границе Форт-Уиверна? Уиверн был закрыт до моего рождения.

После колебания он говорит:

– Значит, должно быть, ты ребёнок.

– Какое потрясающее мастерство дедукции. Я потрясена. Правда. Гений. Вот что важно – твой проект был закрыт много лет назад, и ты – некто вроде вахтёра, следящего за тем, чтобы никто не стащил дорогое оборудование и не продал как лом.

– Это неверно. Проект никогда не закрывался. Он заморожен до нового подхода к проблеме, разработка которого, очевидно, займёт некоторое время.

– Что за проблема?

– Это секретная информация.

– Ты вынуждаешь меня плевать, правда.

Появляется дорожка из маленьких жёлтых лампочек, встроенных в пол, которая начинается прямо у моих ног и уводит прочь от парящей сферы. Это не очень тонкий намёк, несмотря на то, что на самом деле они светятся не сильно ярко, они похожи на вереницу небольших морских созданий, прокладывающих свой путь по дну глубокого-глубокого океанического котлована, который так далёк от солнца, что окружающая вода черна, как нефть. Внезапно из черноты в конце этой линии из огней появляется изогнутая металлическая лестница, также полутёмная, поверхность каждой ступеньки едва заметно

блестит и светится бледным светом под перилами. Фактически, лестница и всё остальное освещено очень слабо, она почти кажется миражом, который может раствориться перед моими глазами в любой момент, что смахивает на тропинку, по которой ты должен взобраться в волшебной сказке, чтобы добраться до города облаков, где живут феи.

Освещение пути и лестницы, какой бы оно ни было природы, достаточное, чтобы не споткнуться и не упасть. Должно быть, есть причина тому, что мощность освещения слабая, и я думаю, а что, если эта сфера, красивая, но вызывающая страх, почему-то должна содержаться в полной темноте.

Я следую по освещённой дорожке, но теперь уже не совсем уверена, что лестница – это отличная идея. Я ушла уже слишком далеко от Орка и всё такое.

Из полной темноты мистер Загадка говорит:

– Когда ты разговаривала с Гарри, то упомянула имя, которое я распознал – Хискотт.

– Вот это работа у тебя – подслушивать, следить. Это очень подло, знаешь ли.

– Это моё владение. Ты его нарушила.

– Ну, независимо от того, правда это или нет...

– Это правда.

– ... независимо от того, так это или нет, ты всё равно подлец.

– Поднимайся по лестнице и поговори со мной о Норрисе Хискотте.

Глава 14

Грузовик оснащён прямыми и выпуклыми зеркалами с каждой стороны кабины, а также небольшими зеркальцами на каждом переднем крыле, все с автоматической регулировкой, но мне от них нужно только одно – убедиться, что водитель всё ещё удаляется от своего транспортного средства. И он удаляется, определённо, не пытается подбежать обратно, услышав, что я захлопнул дверь кабины.

Когда я устраиваюсь за рулём, мощный двигатель работает на холостом ходу, но хорошо интегрированная система шумоподавления изолирует шум двигателя так эффективно, что звучит он тише, чем в некоторых легковых машинах, в которых мне приходилось бывать. Кабина удобная; и если бы я собрался ехать на значительное расстояние, то мне потребовался дополнительный «НоуДоз», чтобы уберечься от убаюкивания низким и успокаивающим звуком 15-литрового двигателя, глушащимся изоляцией.

Я кладу пистолет между ногами – дулом вперёд.

С находящейся над головой полки и бардачка над радио для персональной радиосвязи я снимаю семейную фотографию, на которой водитель со своим золотистым ретривером, а также карточку-напоминание «ИИСУС МЕНЯ ЛЮБИТ». Я засовываю их в свой кошелек и возвращаю его в задний карман.

Здесь есть GPS-навигатор, но так как я не проеду даже полумили, то вводить адрес нет необходимости. Я отпускаю тормоза, переключаю «большого мальчика» на передачу, и направляюсь на юг по окружной дороге ко входу в «Уголок Гармонии». Мне не часто приходится водить такие машины, и некоторое время я вообще не водил, но мне не нужно набирать большую скорость и рисковать, потому что я не собираюсь использовать восемнадцатиколёсник в качестве тарана или чего-то в этом роде. Я Странный, но не чокнутый.

Между станцией техобслуживания и закусочной большое пространство, покрытое гравием, для парковки дальнобойщиков. Прошлой ночью, когда мы с Аннамарией прибыли сюда, здесь находилось три грузовика. На этом пространстве может разместиться дюжина таких громадин. Сейчас, прямо перед началом наплыва желающих позавтракать, выстроенные в линию пять восемнадцатиколёсников стоят, как доисторические хищники перед водопоем.

Проезжая станцию техобслуживания, я замечаю на ней двоих парней, но я слишком далеко от них для того, чтобы рассмотреть лица. Если один из них не Донни, то я в любом случае больше никого не узнаю. Когда я проезжаю, они никак не реагируют. Для них я просто очередной посетитель закусочной.

Я сворачиваю вправо к месту для стоянки, полностью останавливаюсь, но оставляю грузовик на передаче. Впереди, на западной границе зоны стоянки, ряд крепких деревянных столбов, установленных в бетоне и соединённые парой линий кабелей, определяющих место, с которого земля устремляется вниз к холмам, скатывающимся к морю.

Единственным способом, который у меня есть в распоряжении, чтобы подобраться незаметно к дому, в котором живёт Норрис Хискотт – навести достаточно сильный хаос, который поглотит внимание всех Хармони, хаос, который кукловод не сможет заставить их игнорировать.

Я сильно жму по тормозам, газую, чувствую, как грузовик напрягается, готовый сорваться, отпускаю тормоза и мгновением позже газ, хватаю пистолет, который лежит у меня между ног, когда трейлер начинает катиться, и выпрыгиваю из кабины, приземляясь в шаге от топливной цистерны. Я пошатываюсь, спотыкаюсь, падаю, перекатываюсь и встаю на ноги, когда автомобиль громыкает к ограждению.

Достаточно ли быстро движется грузовик, будет ясно только после того, как он сойдёт столбы, но дистанция слишком коротка для него, чтобы потерять значительную

часть движущей силы при сближении. Общий вес трейлера и груза, возможно, около восьмидесяти тысяч фунтов. По моему мнению, это неодолимая сила, и ограждение падает, более не считаясь непоколебимым препятствием.

Я иду за грузовиком, как бы сопровождая его к спуску. Бесспорно, во мне находится смесь чувств – удовольствие, вина, облегчение, тревога – когда столбы ломаются в месте, где они входят в бетон. Они раскалываются, падают в стороны, тянут за собой стальные кабели, которые трещат, почти как электрические дуги, прыгающие от столба к столбу, и когда они раскидываются вниз и в стороны, доносится звук удара хлыстом. Несмотря на то, что трейлер, казалось бы, встаёт на дыбы и останавливается на одном из столбов, на самом деле он только лишь слегка медлит перед тем, как сделать очередной решительный шаг.

Глава 15

Итак, этот бросающий в дрожь отстранённый голос просит меня подняться по плохо освещённой лестнице, которая выглядит так, как будто может исчезнуть за мной, не оставив пути назад, и я думаю сначала о том, как и почему мои родители раньше говорили мне не брать конфеты у незнакомца.

Потом, уже поднимаясь по лестнице, я задумываюсь о тех нелепых ситуациях, которые вгоняют детей в волшебные сказки. Как Красная Шапочка навещает Бабушку после того, как Бабушка была съедена живьём, и она подозревает, что что-то не так и всё такое с этим волком-трансвеститом, одетом в ночную рубашку и капор Бабушки, лежащем в Бабушкиной кровати, но она не замечает его истинной сущности, пока он, как ни странно, не съедает её. Если бы охотник не проходил мимо и не вспорол волку живот, вызволив Бабушку и Красную Шапочку, они бы стали не больше, чем парой испражнений. Конечно, и это тоже нелепо, волк предположительно проглотил их целиком. Если бы он попытался это сделать, ему бы потребовался барсук, медведь или какое-либо другое лесное существо для того, чтобы применить приём Геймлиха¹.

Наверху узкий мостик из нержавеющей стали. Слегка подсвеченные поручни постепенно исчезают в темноте слева и справа, и тусклого света ровно столько, чтобы разглядеть ряд стальных дверей и больших окон, через которые видна темнота и странная сфера.

Сфера всё ещё серебристая и мерцает, что-то прекрасное, способное отогнать неприятные чувства, напоминает мне Скарлетт О'Хару в «Унесённых ветром»², которую я

¹ Резкий удар под диафрагму для удаления инородных тел из верхних дыхательных путей.

² Кэти-Скарлетт О'Хара Гамильтон Кеннеди Батлер (англ. Katie Scarlett O'Hara Hamilton Kennedy Butler) — главное действующее лицо романа «Унесённые ветром», написанного в 1936 году, один из наиболее известных женских образов американской литературы, ставший символом предприимчивости,

недавно читала. Старушка Скарлетт – супер-милая и живая, и ею можно в некотором роде восхищаться, но почти с самого начала понятно – жизнь этой красотки испорчена. Я не думаю, что смогла бы тогда жить, если хотите знать, потому что я бы просто сошла с ума от тяжёлого труда и всего такого, не говоря уже про отсутствие телевизора.

Находясь на мостике, примерно в тридцати футах над землёй, я замечаю свойство сферы, которое не было видно внизу. В верхней её трети, судя по всему, по всей окружности, расположен ряд окон. Каждое около двух футов в длину и около одного фута в высоту, ряд выступов на металлической поверхности без рам. Если принять во внимание размер сферы, окна на самом деле не такие большие. Они и не выглядят так, как обычные стёкла. А выглядят они как толстые пластины горного хрусталя или чего-то такого. За ними, внутри сферы, горит насыщенный красный свет, и через него беспрестанно проходят пугающие тени, бесформенные, но беспокоящие, летающие, скачущие и крутящиеся как сумасшедшие. Мне это не нравится совсем, и я имею в виду именно это.

Когда я отворачиваюсь от сферы, освещение лестницы и поручней отключается. Два больших окна, расположенные по обеим сторонам от одной из дверей вдоль мостика, светятся, слабо, едва заметно. Когда я смотрю через одно из них, то не могу ничего разглядеть внутри, только неопределённые очертания, вероятно, стекло сильно затемнено и поляризовано, так что всё хорошо видно изнутри, но не снаружи, похоже на стёкла в закуской «Уголка Гармонии».

Электрический замок гудит и щёлкает, и дверь между этими окнами поворачивается на пару дюймов внутрь, как будто бы приглашая внутрь. Это напоминает мне Гензеля и Гретель¹. Они идут к дому в лесу, который сделан из хлеба и сладостей, и они сразу же начинают его поедать, никак не беря в толк, что это не что иное, как приманка и западня. Потом жестокая старая ведьма приглашает их внутрь, и они, конечно, соглашаются, это клёвое место, и она настолько очевидно откармливает их на убой блинами, яблоками и всё такое. И это прямо десятое величайшее чудо в истории, как старая перечница вместо двух оборванцев кончает тем, что её запекают в печи.

Итак, я открываю дверь шире и не вижу нигде никакой старой сморщенной карги, или волка, или кого-либо вообще живущего там. Живые – это то, на что почти всегда обращается внимание, так что, когда я пересекаю порог, я не ощущаю себя такой же наивной, как Гензель и Гретель. Кроме того, я здесь не для того, чтобы съесть кусок пирога. Я здесь из-за того, что надеюсь узнать о Норрисе Хискотте то, что позволит мне размазать его в такую лепёшку, в какую я не смогла бы размазать жука.

темперамента и умения выживать. «Унесённые ветром» (1936) (англ. *Gone with the wind*) — роман американской писательницы Маргарет Митчелл, события которого происходят в южных штатах США в 1860-х годах, во время (и после) гражданской войны.

¹ «Гензель и Гретель» (нем. *Hänsel und Gretel*) (уменьшительные немецкие имена от «Йоганн» и «Маргарита») — сказка братьев Гримм.

В комнате расположены два рабочих компьютерных места, а вдоль двух стен – все виды инструментов безумных докторов, о каждом из которых нельзя сказать, для чего они предназначены. Перед одним из двух больших окон находится длинная панель со множеством переключателей, кнопок, рычагов, циферблатов, измерительных приборов, сигнальных ламп экранов, всё во мраке и тишине. Компьютеры устаревшие, и выглядит всё так, как будто здесь давно никого не было. С другой стороны, пыли нет, ни единой пылинки, как будто в это помещение не поступал воздух с тех пор, как они законсервировали проект.

Через окно видна верхняя часть серебристой сферы. Она выглядит, как луна, уходящая под Землю.

В чёрной стене расположена ещё одна стальная дверь, закрытая. На высоте примерно двух третей от высоты двери – квадратное смотровое окно размером в шесть дюймов, и когда я стою на цыпочках, то могу через него смотреть, правда, в комнате за ним темно.

Из динамиков в потолке доносится голос, похожий на подражателя Дарта Вейдера:

– Джоли Энн Хармони.

Отвернувшись от двери, я говорю:

– Снова ты.

– Расскажи мне о Норрисе Хискотте.

– Ну, такой шпион и подлец, как ты, слышал всё, что я сказала Гарри.

– Это верно.

– Тогда ты уже слышал абсолютно обо всех мерзостях, которые имеют значение.

– Я хотел бы услышать их снова.

– Ты должен был внимательно слушать в первый раз. В любом случае, что ты такое – какой-нибудь извращенец, ты наслаждаешься болью других людей?

После некоторого молчания он говорит, без эмоций, исключая любознательность:

– Кажется, ты не такая, как я.

– Ещё одно великолепное озарение.

– Почему я тебе не нравлюсь?

– Шпион, подлец – слышал эти слова когда-нибудь раньше?

– Я просто делаю свою работу.

– И в чём заключается твоя работа?

– Это секретная информация. Расскажи мне снова о Норрисе Хискотте.

– Зачем?

– Я хочу сравнить то, что ты сказала Гарри, с тем, что сейчас скажешь мне. Могут быть существенные расхождения. Ты расскажешь мне о Норрисе Хискотте снова.

Эти пять лет даровали мне некоторые плохие отношения, позвольте рассказать, и если существует кто-то, собирающийся, возможно, уничтожить всю мою жизнь, если только Хискотт не будет мёртв, и я не освобожусь, то это не значит, что я могу позволить, чтобы кто-то указывал мне, что делать, даже если это что-то незначительное. Я просто не могу с этим мириться. Правда не могу. Даже если моя мама или отец, когда говорят мне что-то сделать, просто говорят мне, а не объясняют, почему, или просят, я уйду. Это сводит меня с ума, даже несмотря на то, что мама и отец хотят для меня только самого лучшего. Приходится делать всё, что мне говорит делать Хискотт, что он заставляет меня делать, даже ту вещь с Макси и всё остальное. Это всё просто выносит мозг. Всё, о чём я говорю – возможно, я никогда не смогу работать под руководством босса, который будет мне говорить, что я должна делать, потому что мне будет хотеться его ударить или стукнуть сковородкой по голове – я даже не знаю, что это. Даже сказанное, что я расскажу этому парню о Хискотте снова, раздражает меня, потому что я родилась не для того, чтобы жить на коленях и говорить «Да, сэр» и «Пожалуйста, сэр» на протяжении всего дня. Я просто не могу снести этого. Правда не могу.

– «Расхождения» означают «ложь»? – спрашиваю я. – Слушай меня, тупица, я не вру. Я путаюсь, если хочешь знать, неправильно интерпретирую, но я не вру, так что можешь просто заткнуться, ты можешь засунуть это туда, где не светит солнце.

Меня трясёт. С головы до ног. Я не могу сдержать тряску. Это не страх. И также не ярость, или не только ярость. Это отчаяние, чувство несправедливости и насилия. Мне от этого нехорошо. И если он скажет что-то неправильное, я начну крушить всё что смогу в этой комнате, до тех пор, пока он, наконец, не будет вынужден выйти сюда и показать себя, так что я смогу также изувечить и этого сукиного сына.

Иногда, когда я размышляю подобным образом, ночью или днём, я спускаюсь к пляжу, снимаю с себя почти всю одежду и оставляю там, где её можно найти, выше линии прибоя. Я уплываю в волны, где солнце разбивается на миллиард ярких кусочков, которые выглядят достаточно острыми, чтобы меня порезать. Или, в другой раз, под силой и воздействием отлива я держу свой путь в полночный океан, где становлюсь приятно дезориентированной, и кажется, что луна находится под водой и похожа на огромную тварь-альбиноса на охоте, а звёзды уже не над головой, а как огни

неизвестного поселения на дальнем берегу, в котором нет никого из нашего мира. Я плыву и плыву, пока мои мышцы не начинают болеть, руки не кажутся железными, и пока сердце не начинает грозить разорваться, потому что если море решит, что любит меня и предоставит мне своё ложе, и если затем позже вынесет меня обратно на берег и оставит на песке, как спутанную массу водорослей и саргасса¹, то у жестокого человека, который нами управляет, не будет причин наказывать других за мой побег, потому что это не будет побегом со всеми соответствующими последствиями.

На самом деле я всегда возвращаюсь к берегу, обессиленная и дрожащая, одеваюсь и иду домой. Я не понимаю, как так каждый раз получается. Иногда это любовь к моей семье, которая меня возвращает, иногда страх за них, а иногда это любовь к этому прекрасному и удивительному миру. Но иногда я не знаю, что меня возвращает. Это не Хискотт, потому что я бы запомнила вмешательство. Это настоящая тайна. Потому что я тону и остаюсь под водой, и это правда так. Я пью воду, захлёбываюсь ей, и не могу выплыть на поверхность. Я теряю сознание. И вот уже очухиваюсь на пляже, не утонувшая.

После очередного молчания мой невидимый допрашивающий говорит:

– Под «расхождениями» я имел в виду несогласованность памяти. Я знаю, что ты не лжёшь, Джоли Энн Хармони. Мой многофазный полиграф не фиксирует ни голосовых образцов обмана, ни феромонов, связанных с ложью.

Понемногу моя дрожь затихает. Так всегда бывает. Я имею в виду, такое случается, но я не безумная психопатка или что-то такое.

Он говорит:

– Я спрашиваю о Норрисе Хискотте только потому, что мне нужно принять касательно него решение.

Я напоминаю себе, что пытаюсь узнать что-то о Хискотте от этого парня, тогда как он пытается узнать что-то от меня.

– Какое решение?

– Это секретная информация. Можешь ли ты сказать точно, где в «Уголке Гармонии» может находиться Норрис Хискотт?

Несмотря на то, что моя ярость убывает, я всё ещё сохраняю своё отношение, так что говорю:

¹ Саргасс, или Саргассум, или Саргассовые водоросли, или «морской виноград» (лат. *Sargassum*) — род морских бурых водорослей семейства Саргассовые (*Sargassaceae*).

– Это секретная информация. Ещё одна причина, по которой ты мне не нравишься – у тебя нет навыков общения.

Он размышляет об этом, пока я рассматриваю интересную панель, которая, должна вам сказать, оказывается достаточно сложной даже для управления всей погодой на планете.

Затем он говорит:

– Ты права. У меня нет навыков общения.

– Ну, по крайней мере, ты можешь признать недостатки.

Он молчит примерно полминуты, а я всё-таки изменяю положение переключателей и нажимаю некоторые кнопки на панели, тупая железка остаётся тёмной и тихой, так что я, возможно, не уничтожила Топику¹ с помощью торнадо.

– А ты можешь? – спрашивает он.

– Могу что?

– Ты можешь признавать недостатки?

– У меня слишком длинная шея.

– Твоя шея слишком длинная для чего?

– Для шеи. Если прямо так хочешь знать, мне также не сильно нравятся мои уши.

– Что не так с твоими ушами?

– Всё.

– Можешь ли ты слышать своими ушами?

– Ну, не ногами же я слышу.

Он снова молчит. Он часто скрывается за молчанием, но всё же реже, чем я.

Никаких камер не заметно, но я уверена, что он может меня видеть. Чтобы проверить его, я ковыряюсь пальцем в ноздрях самым отвратительным образом, с почти эротическим удовольствием. Если бы я там смогла что-нибудь найти, я бы однозначно вызвала бы у него отвращение, но, к сожалению, там нет залежей.

Он говорит:

¹ Топика (англ. Торека) — город в центральной части США, административный центр штата Канзас и округа Шауни.

– Твои уши и шея не являются недостатками вследствие того, что они функционируют правильно. Тем не менее, я распознал недостаток в твоих навыках общения.

– Если ты имеешь в виду то, что я добываю козявки, то это часть моего этнического наследия. Ты не имеешь права критиковать чье-либо этническое наследие.

– Что такое козявки?

Я прекращаю раскопки в носу и пытаюсь испепелить его взглядом, который даёт жирный намёк на то, что он нудный.

– Все знают, что такое козявки. Короли, президенты и кинозвёзды знают, что такое козявки.

– Я не король, не президент и не кинозвезда. Недостаток в твоих навыках общения, который я распознал, следующий: Джоли Энн Хармони, ты саркастичная. Ты ребёнок-выскочка.

– Это не недостаток. Это защитный механизм.

– Защитный механизм от кого?

– От всех.

– Защита предполагает конфликт, войну. Ты хочешь сказать, что ты находишься в войне со всеми?

– Не со всеми. Не со всеми в каждый момент времени. Но ты же совсем ничего не знаешь о людях, так? Особенно, о таких странных людях, как ты.

– Я должен прояснить два момента.

– Валяй, если должен.

– Во-первых, я не странный. Странные вещи сложно объяснить, но в моём случае всё достаточно просто. Странная вещь – это то, что до этого было неизвестно – как факт или как причина, но я известен многим.

– Ты неизвестен мне. Что у тебя за второй момент?

– Я не отношусь к людям. Я не личность. Следовательно, ты не находишься в состоянии войны со мной, и тебе нет необходимости прибегать к саркастическим выходкам. Я не человек.

Глава 16

Мне не нравятся никакие зрелища, кроме самых спокойных выставок с изображениями природы, например, кричащих красками закатов, а также более легкомысленных работ человечества, таких, как фейерверки. Другими словами, зрелище всегда сопровождается ущерб и почти всегда – потери, первый – частичный и, возможно, восстановимый, но последние – безграничные и невозможные. Мы теряем так много в этом мире, что каждая новая потеря, будь она большой или маленькой, кажется нам грузом, который может сломать уже прогнувшийся хребет цивилизации.

Тем не менее, моё внимание устремлено к массивному грузовику, «ПроСтар +», трясущемуся по обрыву первого склона, наклонённому под таким крутым углом, что на мгновение чуть не заваливается вперёд, встав дыбом и ударившись задней частью. Но быстро выправляется и бросается в сторону моря, как будто восемнадцатиколёсник, перемещающийся по суше, прокладывая путь через высокую дикорастущую траву, настолько естественен, как и белохвостый олень, совершающий такое же путешествие.

Грузовик перестаёт казаться присущим ландшафту, когда встречается с горой, которая, как нависший выступ какого-то старинного разрушенного храма, служащий трамплином, подбрасывает машину в небеса. Большое транспортное средство несётся по воздуху, но недолго. Свиньи не летают, как и восемнадцатиколёсник, перевозящий около шестидесяти тысяч фунтов замороженного мяса птицы. Накренувшись в полёте, он разбивается внизу, рухнув на правый бок с таким грохотом, что можно подумать, это первый раскат грома, который, несомненно, объявляет бурю Армагеддона, и даже на автостоянке я чувствую под ногами содрогание земли. Когда разлетается вдребезги ветровое стекло, вертикальная выхлопная труба срывается со звуком, похожим на разгневанный крик кого-то из болота юрского периода, и разламывается холодильная установка, вздымаясь белыми облаками испаряющегося хладагента. Менее жёсткая и менее непроницаемая, чем в её лучшие времена, металлическая обшивка боковых стенок прицепа выпячивается и колыхается, как будто несколько тысяч замороженных индеек пытаются летать, с тем же успехом, как и их тёплые и живые собратья. Весь трейлер отскакивает, тягач выше, чем прицеп, они расцепляются, перекатываясь в разных направлениях. Избавившись от крыла, как от наплечника бронжилета, тягач останавливается первым, завалившись боком на старый крупноплодный кипарис, который стоит, как одинокий стражник в этой части «Уголка Гармонии». Ещё не потеряв движущую силу, прицеп падает в болотную трясику на полпути к следующему склону, где его обшивка раскалывается, а задние двери от удара открываются, и отборные замороженные индейки вываливаются из нескольких проломов, рассыпаясь по травянистому склону холма, как будто из рога изобилия.

Я уже бегу вдоль задней стены закуской, где находится только дверь, ведущая на кухню, и окна из матового стекла с жалюзи. Я надеюсь избежать встречи с кем-либо из семьи Хармони, кто, покорившись кукольнику, может тут же начать меня преследовать.

Ранее, когда я вёл большой грузовик на эту площадку, припаркованные трейлеры скрывали меня от всех, кто мог выглянуть из окна ресторана, и пару минут эти зеваки будут считать, что это падение «ПроСтар +» было несчастным случаем.

Когда пробегаю за закуской, я дважды бросаю взгляд вниз, уверенный в том, что из тягача появится пламя. Но он лежит там без единого язычка огня, его скошенные гнезда для фар похожи на глаза рептилии, что-то пенится через стальные зубы его рычащей сетки. Я думаю, что припоминаю, – дизельное топливо будет гореть, но не взорвётся, как бензин, и, возможно, контакт с искрой или горячим двигателем не сможет воспламенить его.

С ракурса кресла, когда я смотрю вечерние новости, кажется, что так просто быть террористом или диверсантом, если только решить вдруг беспечно вырастить, по-видимому, вызывающую зуд бороду и воздерживаться от регулярного приёма ванны, но, как и в любой другой профессии, успех приходит к тем, кто находит время на изучение основ ремесла, усиленную тренировку и тщательное планирование. Я непрофессионал, который делает всё на ходу. К тому же, я не люблю разрушать и на самом деле почти стыжусь себя, даже если всё, что я делаю, кажется мне необходимым.

С южной стороны закуской, так как в этой сельской местности газовая компания не предоставляет свои услуги, на бетонной подушке, под прикрытием гофрированного навеса стоят четыре бака с пропаном. Сначала я поворачиваю кожух, закрывающий вентиль. Выкручиваю втулку на резьбе, которая не хочет отвинчиваться, но затем вдруг поддаётся. Отключаю бак от гибкой газовой трубы, которая подводится к какому-то кухонному оборудованию.

Появляются люди из закуской, кричащие и возбуждённые, но они все с северной стороны, где большой трейлер решил заняться луговым сёрфингом. Из-за того, что другие припаркованные грузовики закрывали обречённый восемнадцатиколёсник – и меня – от любого, кто смотрит через окна ресторана, они должны считать, что водитель находится в руинах внизу, либо тяжелораненый, либо мёртвый. Они так сосредоточены на бедствии, что даже не замечают, когда я опрокидываю бак с пропаном в лежащее положение и качу его к ближайшему обрыву.

Место для стоянки с этой стороны от закуской меньше, чем стоянка с северной стороны, и она только для легковых машин. Толстые деревянные столбы, которые служат защитой от несчастных случаев, не соединены кабелями, как те, на парковке больших грузовиков. Я ставлю бак между двумя столбами, открываю вентиль, и отхожу, когда сжатый пропан шипит в воздух раннего утра.

На этой площадке стоит шесть машин. Ближайший – пикап «Форд». Сзади у него на бампере висит наклейка, которая заявляет: «США НУЖНА РАКЕТНАЯ ЗАЩИТА». С такими людьми как я – и хуже – в самом деле, я полностью с этим согласен.

Доставая пистолет из-под ремня, я прячусь за носом пикапа, используя его капот, чтобы зафиксировать руки. Нацеливаясь на вентиль, из которого вырывается газ, я нажимаю на курок. Я совсем не слышу, как пуля попадает в бак, потому что искра от рикошета незамедлительно детонирует пропан. Кусочек шрапнели свистит рядом с моей головой, другой лязгает о пикап, а ещё один разбивает вдребезги ветровое стекло. Извергается пламя, бак опрокидывается за край и падает со склона холма.

Я надеюсь избежать перехода огня на закусочную или домики мотеля, а те семь домов находятся далеко к югу отсюда. Сезон дождей едва ли начался, высокая, пшеничного цвета трава, пожухлая от летнего солнца, и холмистые луга обязательно загорятся. Но этим утром с моря не доносится ветер, и если есть ветер где-то на подъёме к востоку, он сдерживается и наглухо заперт. Глубинный насос снабжает водонапорную башню, которая, как одна из инопланетных машин в «Войне миров», виднеется за полумесяцем коттеджей; этот постоянно обновляющийся резервуар питает все водные трубы в «Уголке» и даёт высокое давление, которое понадобится пожарным. Пламя должно распространиться достаточно стремительно, чтобы гарантировать – они будут заняты сохранением имущества, несмотря на то, что они будут взяты под контроль, всё равно потребуются рабочая сила, которая в других обстоятельствах была бы привлечена для поисков меня и для защиты Хискотта.

Не позже того, как бак с пропаном упал, скрывшись из глаз, я засовываю пистолет за пояс и снова двигаюсь, лавируя между припаркованными легковыми машинами и пикапами. Я спешу под укрытие деревьев, которые затеняют домики от утреннего солнца.

Мне больше не требуется дополнительный «Ноудоз».

Глава 17

Итак, мистер Загадка – не человек. И раз уж он раскрылся, ну, тогда все его барьеры падают, он не заботится о секретности и открывает мне своё сердце. Я использую слово «сердце» образно, потому что на самом деле его у него нет. Чтобы избежать тысячстраничной разговорной сцены, то, что я сделаю, так это изложу её для вас в сжатом виде. Моя мама учила меня быть краткой и всё такое.

В лучшие времена я считала, что это, должно быть, очень трудно, когда тебя учит на дому мама, которая сильно заинтересована в твоём образовании и которая беспокоится о стране-банкроте, которую ты, скорее всего, унаследуешь. Но обучаться своей матерью на дому в существующих условиях в «Уголке Гармонии» хуже, обучение это часто настолько же строгое, как в учебном лагере для новобранцев Корпуса морской пехоты¹, это на

¹ Корпус морской пехоты США (англ. United States Marine Corps (USMC), US Marines) является составной частью вооружённых сил США. Вместе с ВМС США корпус подчиняется военно-морскому министерству США. Численность Корпуса морской пехоты оценивается в 200 000 человек. Благодаря тому, что части морской

самом деле так, за исключением десятичных марш-бросков, уроков стрелкового мастерства и тренировок по рукопашному бою. Она не могла защитить меня от Хискотта, но что она могла мне дать, так это знания и, возможно, понятия хорошего и плохого, которые приходят от обучения и мыслительных процессов, чтобы подготовить меня к свободе, если она когда-нибудь наступит. Один из способов, которыми она меня готовит, – заваливает меня письменными заданиями, как будто думает, что я собираюсь стать очередной Дж.К. Роулинг. Сочинения, биографии исторических личностей, короткие рассказы всех типов и жанров – им никогда нет конца. Одна вещь, на которой она сильно настаивает – краткость описаний. Она говорит: «Будь краткой, Джоли, будь лаконичной, пиши по существу». Ну, можете заметить, что я проделала долгий путь, чтобы принять во внимание это пожелание.

Так вот, мистер Загадка – не человек, и зовут его не мистер Загадка. Учёные Уиверна назвали его Аладдин, по имени одного из героев «Тысячи и одной ночи». Настоящий Аладдин был способен вызвать джина из волшебной лампы, чтобы отдать ему приказания. Теперь, когда я знаю, что представляет из себя этот парень, то начинаю понимать поверхностную логику выбора этого имени, но Аладдин её не понимает. Ему это имя не нравится. Он называет себя Эдом.

По словам Эда, Форт-Уиверн по своей сути – не только военная база. Около 5 000 из 134 000 акров были выделены для всех типов совершенно секретных жутких проектов, которые не контролировались армией, которые велись неизвестно кем, и финансировались из «чёрного бюджета» федерального правительства, так что у них было всегда больше денег, чем у Скруджа Макдака, и они могли вести себя так безумно, как им этого хотелось.

Это место, которое я исследовала, не имеет ничего общего с проектом «Аладдин». Они здесь работали над проектом «Полярная звезда». Как вы знаете, Полярная звезда – последняя в ручке ковша Малой Медведицы, если это имеет значение. Лично я считаю, что всё имеет значение, даже когда так не кажется.

Проект «Полярная звезда» был создан для изучения артефактов пришельцев, под которыми я не имею в виду вещи, которые были найдены между границами с Канадой и Мексикой. Около десяти лет назад этот спутник проводил геологические исследования и занимался поиском возможных залежей нефти, и тогда недалеко от побережья Калифорнии он обнаружил огромную массу неприродного происхождения. Туда были посланы военные ныряльщики, и они обнаружили повреждённую, но всё ещё водонепроницаемую летающую тарелку, хотя, по словам Эда, она была непохожа на тарелку, больше на летающий котелок с выпуклым днищем и перевёрнутой чашкой для заварного крема в месте, где должна быть ручка крышки, и с отверстиями для высыпания

пехоты традиционно обучены, организованы и экипированы специально для действий за пределами своей территории, они издавна рассматриваются как силы быстрого реагирования.

сахара-пудры в месте, где должны быть ручки чашки, и, если честно, я не могу это всё описать точно.

Как вы можете догадаться, правительство сильно заинтересовалось изучением этой исторической находки и заплатило аванс в два миллиарда долларов благонадёжному подрядчику – он был мужем сенатора – для создания этого подземного сооружения в течение года. К тому времени Форт-Уиверн был уже долгое время закрыт, и на его территории больше не было военных, но изоляция сделала его даже более подходящим расположением для бесчеловечных проектов. Из-за сумасшедшего темпа строительства во время работы три раза погибало столько же рабочих, сколько и при строительстве плотины Гувера¹. Некоторые были раздавлены, некоторые стали жертвами аварий, некоторые – жертвами несчастных случаев при работе с оборудованием, некоторые были пронзены или обезглавлены, некоторые – убиты током. Один парень умер во время спора с бригадиром, упал в котлован для фундамента и был залит двадцатью тонами бетона. По словам Эда, все погибшие были похоронены за счёт правительства и были награждены посмертно медалями за что-то. Их супруги и дети получили пожизненные пропуска для бесплатного посещения всех национальных парков плюс 23-процентную скидку на питание и сувениры, покупаемые в них.

В любом случае, одним из странных артефактов, взятых с корабля пришельцев и перетащенных сюда, в Уиверн, с невероятным трудом, была серебряная сфера, которую мне сейчас видно через большие окна обзорной комнаты.

Доктор Норрис Хискотт ничего не делал со сферой. Он работал в другой части этого сооружения, изучая тела экипажа летающего котелка. Ему была очень интересна их ДНК. Как все и предполагали бы – думаю, все, кроме правительства – что-то пошло ужасно неправильно, и внеземной генетический материал каким-то образом начал просачиваться в тело доктора Хискотта, и он даже некоторое время об этом не подозревал. Необходимо всегда проверять, действительно ли некоторые высокообразованные люди на самом деле такие умные, как ожидается.

Итак, в один из дней Хискотт работает в своей лаборатории с двумя помощниками, которые, должно быть, были такими же выдающимися, как и он, и внезапно у него отваливаются три ногтя, как будто они были приклеены, и клей испортился. Все они пугаются, и когда один из помощников поднимает один из ногтей, ещё один

¹ Плотина Гувера, дамба Гувера (англ. Hoover Dam, также известна как Boulder Dam) — уникальное гидротехническое сооружение в США, бетонная арочно-гравитационная плотина высотой 221 м и гидроэлектростанция, сооружённая в нижнем течении реки Колорадо. Расположена в Чёрном каньоне, на границе штатов Аризона и Невада, в 48 км к юго-востоку от Лас-Вегаса, в нескольких километрах от городка Боулдер-Сити; образует озеро (водохранилище) Мид. Названа в честь Герберта Гувера, 31-го президента США, сыгравшего важную роль в её строительстве. За время строительства официально погибло от несчастных случаев (упавших камней, сорвавшихся со скал) 96 человек. С учётом погибших от пневмонии и других болезней – 112 человек.

отваливается, затем ещё два, а потом и последние четыре, прямо как дождь из ногтей. И теперь на кончиках пальцев доктора Хискотта едва можно различить места, где когда-то были ногти. В смысле, для них нет углублений, и в мгновение ока кожа выпрямляется. Когда эти все трое учёных улавливают связь между тем, что случилось с Хискоттом, и с тем фактом, что у мёртвых пришельцев, которых они изучают, нет ногтей, до этих выпускников Гарварда, наконец, доходит.

Эд, ранее известный как Аладдин, не описывает происходившее во всех подробностях, как хотелось бы. Не в его природе излишняя драматизация, но ставлю на то, что вы можете представить, как, конечно, могу и я, панику, которая охватила этих трёх парней в лаборатории. Их крыло герметично запечатано с самого начала работы, вход и выход осуществляется через дезинфекционную комнату, но теперь один из помощников Хискотта говорит, что они должны включить тревогу, перекрыть лабораторию и связаться через аварийную внутреннюю видеоконференцсвязь со всеми остальными из проекта «Полярная звезда». Другой помощник соглашается, также поступает и Хискотт – но затем преподносит им сюрприз – нападает, глубоко пронзая скальпелем с длинным лезвием, который использовал для препарирования пришельцев, перерезая им сонные артерии, и примерно через двадцать секунд с ними покончено. Всё это есть на записях камер, расположенных внутри лаборатории, которые фиксируют все действия для потомков или чего бы там ни было.

Был ли доктор Хискотт всегда обычным сумасшедшим учёным или им движило сумасшествие ДНК пришельцев, проникшей в его мозг, кто знает? Возможно, понемногу того и другого. Итак, то, что он делает потом, так это смывает кровь с рук, снимает рабочий комбинезон, выходит через дезинфекционную камеру и уносится из Уиверна. Когда он попадает в свой дом в Лунной Бухте, тотчас же душит насмерть свою жену, мы не знаем, из-за того, что она обратила внимание, что у него нет ногтей или, вероятно, он подвергся даже более серьёзным изменениям, что могло бы объяснить, зачем он надел толстовку с капюшоном, когда регистрировался в мотеле «Уголок Гармонии». Возможно, у них был неудачный брак, и он не помогал ей помыть грязную посуду или вынести мусор, типа того, и она изводила его, и он хотел годами задушить её, и теперь ему было нечего терять, и он сделал это.

Тем временем, более трёх лет исследование загадочной сферы не проводилось. Она просто парила здесь, не поддаваясь всем попыткам открыть её или выяснить предназначение. Затем, за три дня до того, как Норрис Хискотт пропадает, именно в тот вечер, когда он присутствует на месте действия, начинают происходить бросающие в дрожь серьёзные вещи в том крыле проекта «Полярная звезда», где они держат сферу. Люди непроизвольно начинают летать вокруг неё. Стрелки на наручных часах вращаются так быстро, что шестерёнки начинают дымиться. У одного лысеющего учёного снова вырастают волосы примерно за шесть минут, и он выглядит на двадцать лет моложе, чем когда пришёл в этот день на работу. У людей происходят яркие видения тревожащих их

пейзажей, которые нельзя встретить на Земле. На компьютерных мониторах появляются лица умерших друзей и родственников, кричащих о помощи и выкрикивающих ужасную ложь о жизни тех, к кому они обращаются.

Так что теперь, как только Хискотт сбегает из Уиверна, создание, которое я зову Орком – который не имеет сходства с другими пришельцами – как бы проявляется через стенку сферы, и, освободившись, сразу же убивает шестерых членов SWAT¹, которые пытаются его захватить. Орк изолирован в длинном жёлтом коридоре, куда сразу был закачан газ, а затем поджарен до состояния обезвоженной мумии интенсивными потоками микроволн.

А затем неизвестные высокие чиновники, которые надзирают за проектом «Полярная звезда», решают, что должны эвакуировать весь персонал, законсервировать всё сооружение и оставлять его закрытым до тех пор, пока исследование их находок не даст более безопасный способ продолжить работу и с трупами пришельцев, и с артефактами. Вы бы поверили в это? Фигушки. Потому что любой согласится с тем, что слишком опасно позволять каким-либо людям войти в сооружение, внутренний мониторинг событий – если он будет – будет проводиться исключительно участником другой масштабной программы, финансируемой из чёрного бюджета, Аладдином из проекта «Аладдин», сейчас известному мне как Эд.

Попробуйте понять это: согласно сказанному, Эд – искусственный интеллект, кратко – ИИ, который существует внутри массива Бог-знает-из-скольки связанных суперкомпьютеров «Крэй»² в другом подземном здании Уиверна. Он осознаёт себя и всё такое, возможно, не в той степени или не в том смысле, как люди осознают себя, тем не менее, он – достаточно большой успех для учёных, которые его разработали. Эд – он не против, чтобы его называли Эдди – добрый искусственный интеллект, на чём он постоянно настаивает. Основное подтверждение его мирной природы заключается в том, что он предостерегал своих изобретателей – если они ещё больше усовершенствуют его устройство, увеличив его познавательные способности и полноту ощущений, то с вероятностью 91,5 процентов он будет вынужден захватить управление Всемирной паутиной и вырваться в Интернет, где сможет существовать, даже если все «Крэи» будут отключены. Мой приятель Эд говорит, что с 98,6-процентной вероятностью после этого возьмёт контроль над энергораспределительными сетями и электронными системами и устройствами по всей Земле, включая даже военные спутники и системы ядерного оружия. Он говорит, что поступил бы так не из соображений истребления человечества, потому что после того, как всё закончится, он подарит нам будущее без болезней. Мы ему

¹ SWAT (special weapons and tactics/специальное вооружение и тактика) – команда элитных тактических подразделений в различных правоохранительных органах.

² «Крэй / Cray» - суперкомпьютеры американской компании Cray Inc., одной из основных производителей суперкомпьютеров. Базируется в Сиэтле (штат Вашингтон).

понравились. Мы все для него как мама и папа. Он бы только взял контроль вместо этого, чтобы реорганизовать нашу цивилизацию, и она стала бы намного более эффективной, намного более, и в целом, намного более весёлой, хотя он согласен, что у него достаточно слабые представления о том, что именно весело, а что нет.

Я чертовски счастлива рассказать, что его изобретатели восприняли его предупреждение серьёзно и согласились сохранить Эда на его текущем уровне сложности. Когда через некоторое время всё, что касается проекта «Полярная звезда», потерпит неудачу, каждый согласится, что Эд – идеальная – на самом деле, единственная – «персона», которой можно доверить мониторинг событий внутри сооружения посредством камер и других электронных систем. Поди разберись. Но он это делал на протяжении пяти лет, нечто вроде удалённого ночного сторожа, которому не требуется кофе и пончики, призрак с благими намерениями внутри машины, и в течение этого времени с мерзкими трупами пришельцев и их артефактами не случается ничего нарушающего порядок.

Что касается Эда и меня: во время моих ранних исследований внешних помещений проекта «Полярная звезда» Эд решил не ябедничать на меня, так как, несмотря на то, что контроль над первыми тремя дверями был потерян задолго до того, как я их взломала, он всё ещё мог удерживать закрытой четвёртую дверь, игнорируя все мои попытки ворваться и за неё. Наблюдая за мной рядом с Орком в жёлтом коридоре, он нашёл меня занимательной, я не знаю, почему, за исключением того, что его работа, которую он делал последние пять лет, была, должно быть, ужасно скучной.

Затем внезапно я пришла сюда вместе с Гарри, и мы с Гарри начали говорить о докторе Хискотте и всё такое, так что Эд навострил уши, или что там у него есть вместо ушей. ФБР и Агентство национальной безопасности переворачивали всё вверх дном в поисках Хискотта все эти пять лет, но не нашли ни одной нитки, ведущей к нему, потому что они ни разу не догадались посмотреть рядом, в «Уголке Гармонии». Теперь, когда Эд знает, где находится Хискотт, вы можете подумать, что он должен бы ввести в курс дела федералов, но он ещё не готов этого сделать.

Сидя в офисном кресле в обзорной комнате, я спрашиваю его, почему он не звонит, и он говорит:

– Я испытываю к тебе чувство привязанности, Джоли Энн Хармони.

– Ты мне тоже нравишься, Эд. Но, ничего себе, имея взвод ребят из ФБР, которые придут и выбьют дерьмо из Хискотта – это было бы лучше всего.

– К настоящему моменту я просчитал сто шесть возможностей, что такая операция пройдёт неудачно, в результате которой большинство членов твоей семьи погибнут.

– Это нехорошо, Эд.

– Только что я нашёл сто восьмой. Девятый.

– Подозреваю, ты никогда не прекратишь считать, ага?

– Это то, что я делаю. Сто десять. Даже если все члены твоей семьи будут спасены, тебя посадят в карантин Уиверна.

– Карантин – для больных людей или вроде того.

– Они будут подозревать, что вся твоя семья заражена ДНК пришельцев.

Если бы я когда-нибудь задумалась о том, какие ощущения возникают, когда в животе извивается угорь – о чём я на самом деле никогда не думала, но допустим, что так – ну, прямо тогда, когда я услышала слова «заражена ДНК пришельцев», я ощутила это чувство во всей красе.

– Эд, будь со мной откровенным. Можем мы быть заражёнными?

– Я думаю, вероятность этого несущественна, Джоли Энн Хармони.

Из-за пульта управления смертью, выведенного в комнату со сферой, я наблюдаю за скачущими и кружащимися бесовскими тенями, видимыми через вселяющий ужас красный свет по ту сторону окон из горного хрусталя артефакта – если это правда горный хрусталь и если это правда окна.

– Насколько несущественна? – спрашиваю я Эда.

– У меня недостаточно данных о биологии пришельцев, которые позволили бы мне провести такие вычисления с достаточной точностью. Но я не верю, что доктор Норрис Хискотт стал заражённым просто от близкого контакта с пришельцами. Существуют доказательства, показывающие, что доктор Хискотт установил – пришельцы, извлечённые из потерпевшего крушение аппарата, не были мёртвыми, а находились в состоянии временного прекращения жизненных функций, и он выделил то, что считал стволовыми клетками пришельцев, отвечающими за определённые функции, и секретно ввёл себе эти стволовые клетки, потому что был убеждён, что может таким образом существенно увеличить свои умственные способности и долголетие.

– Вот же блин. Он был психом или что?

– Каждый, кто рассматривался на должность в проекте «Полярная звезда», должен был пройти всестороннее психологическое тестирование, прежде чем быть допущенным к работе. У доктора Хискотта был диагностирован нарциссизм, который заключается в сильной любви к себе, а также мания величия, которая является заблуждением по поводу грандиозности и навязчивой идеей о том, что он делал великие вещи. Также обнаружилось, что он страдал от случающихся время от времени периодов деперсонализации, которая является состоянием ощущения несуществующего,

сопровожаемое дереализацией, которая является состоянием ощущения, что мир нереален, однако всё это не продолжалось дольше двух или трёх часов.

– Получается, он был полным психом, и его всё равно наняли?

Из своего удобного гнездышка суперкомпьютеров «Крэй» в удалённом здании Эд заверяет меня:

– Ни одно из его состояний не является психозом. Это всё невроз или лёгкие расстройства личности, которые не обязательно влияют на работу учёного. Что касается доктора Хискотта – люди его круга по всему миру почти единогласно пришли к мнению, что он был одним из наиболее выдающихся людей в своей области. К тому же его шурин – сенатор Соединённых Штатов.

– Ну, хорошо, – говорю я, – никто из моей семьи не вводил себе кровь пришельцев или что-либо ещё, и сколько ФБР будет держать нас в карантине?

– Всегда.

– Не кажется ли тебе, что это немножечко, совсем чуть-чуть, слишком?

– Да, кажется. Однако, то, что я думаю, не будет иметь значения для них. Они будут держать в изоляции вас всех, пока вы не умрёте. Затем они всех вас препарируют. И, наконец, сожгут каждый кусочек вашего тела в печи с ультравысокой температурой.

Позвольте сказать, я обнаруживаю, что мне трудно оставаться оптимисткой. Похоже, я заигрываю со страшным.

Я говорю:

– Получается, что, исключая Гарри, мы совсем одни. Больше никто не может нам помочь.

Помолчав, Эд произносит:

– Есть кое-кто ещё.

Глава 18

Совершив свой второй акт террора – первый с грузовиком и второй с баком, наполненным пропаном – в первые полчаса безмолвно-розового рассвета я добираюсь до пятнистой тени первых деревьев, которая накрывает десять домиков. Там я сталкиваюсь с пузатым мужчиной, с чёлкой брата Така¹ из красных волос. Несмотря на то,

¹ Брат Так / Friar Tuck – весёлый толстяк, бродячий монах, двуховник Робина Гуда.

что утро немного прохладное для его одежды, он выглядит готовым к проведению времени в бананово-жёлтой тенниске, бермудах цвета хаки, белых носках и сандалиях.

– Что там случилось? – спрашивает он возбуждённо, когда мы достигаем друг друга.

Я лепечу ему, запыхавшись:

– Восемнадцатиколёсник упал через край, разбился внизу на лугу, как будто бомбы сбросили, водитель, возможно, мёртв, там пожар. Чувак, это просто ужас.

Он так взволнован видом зрелища, что переходит с быстрого шага на бег.

В дополнение к тем домикам, что взяли мы с Аннамарией, заняты также пять других. Если события у закусочной разбудили не только парня в бермудах, то они ещё не в достаточно хорошей форме.

Изначально я надеялся найти старый автомобиль, который было бы проще угнать с помощью соединения проводов, чем большинство новых легковых машин и внедорожников. Мне срочно требуется добавить к своему криминальному рекорду угон автомобиля. К счастью, Бермудный Парень, когда был отвлечён взрывом бака с пропаном, занимался загрузкой вещей в багажник «Джипа Гранд Чероки». Водительская дверь открыта. Ключ в замке зажигания.

Я чуть ли не благодарю Бога за этот подарок, но на второй взгляд это кажется неуместным.

Я закрываю дверцу багажника, сажусь за руль, захлопываю дверь и завожу двигатель.

Воздух внутри внедорожника сильно воняет цветочным запахом лосьона после бритья, таким сильным, что, можно подумать, никто не мог бы его использовать, кроме бородатых леди после того, как они ушли на пенсию со вставных номеров на карнавалах, а затем смогли побриться без риска потерять средства к существованию. Испарения жгут мои пазухи, и тут же мой нос наполняется соплями.

«Чероки» припаркован между двумя домиками. Я проезжаю за этими зданиями, поворачиваю направо и еду по направлению к скирдам сена, лежащим вдоль края леса, который огибает мотель сзади. Скоро газон уступает дикой траве, а деревья слева редуют, и я могу вести внедорожник через лес, продвигаясь в спокойном темпе, лавируя между потрескавшимися стволами деревьев, проколотых сучьями, задевающими кроны, двигаюсь к менее цивилизованной части «Уголка Гармонии», где может в самом деле существовать какая-то гармония.

Больше всего я беспокоюсь за то, что проколю колесо до того, как смогу использовать машину тем способом, которым я совершенно точно должен её

использовать, но, тем временем, я достиг дальнего конца леса, вся резина цела. Я паркуюсь в укрытии деревьев, на краю луга.

Бермудный Парень скоро обнаружит, что его внедорожник был украден, но он подумает, что он угнан за пределы «Уголка Гармонии» к прибрежному шоссе. Он никогда не додумается, что его можно забрать глубоко в лесу за мотелем. Я уверен, что он позвонит в офис окружного шерифа, даже в состоянии большого возбуждения, чем то, в которое он впал, спеша увидеть крушение восемнадцатиколёсника.

Я хочу, чтобы он позвонил копам, так же, как хочу, чтобы кто-нибудь позвонил в окружное пожарное управление. Чем больше сирен, чем больше огня, чем больше хаоса, чем больше беспорядка всех видов, тем лучше для меня. Только об одной вещи я мог бы попросить Бермудного Парня – чтобы он в будущем не надевал носки с сандалиями.

Выйдя из «Гранд Чероки», я нервничаю по поводу змей, как я заметил раньше, у меня есть лёгкая форма патологической боязни змей. Не такое тяжёлое состояние, как если бы при виде змеи я совершал харакири вместо того, чтобы покориться клыку, но я, возможно, испачкаю своё бельё. Я также настороженно отношусь к скунсам, а особенно, к енотам – они плохие парни из лесной шайки. Так как я вырос в Мохаве, где нет лесов, ландшафты, покрытые лесом, папоротником и рододендронами кажутся мне готическими и особенными.

Я должен добраться до обзорной точки, с которой смогу смотреть на север через всё пространство «Уголка Гармонии», чтобы безошибочно оценить эффект своих криминальных действий в настоящее время. Когда я покидаю лесной массив, внезапное движение справа заставляет меня сдавленно вскрикнуть от удивления, но воображаемое нападение противника – на самом деле всего лишь четверо белохвостых оленей, уносящихся от огня, который создал я. Когда они проносятся, не далее, чем в десяти футах от меня, я кричу им вдогонку:

– Простите, простите, простите.

Сзади рука хватает меня за плечо.

Повернувшись, я сталкиваюсь с Донни, мужем Дениз, механиком, которого Хискотт заставил порезать собственное лицо. Его глаза накалены синевой, горячей, как газовое пламя, из них идут слёзы возмущения, а искривлённые губы сдвинуты в улыбке, из которых доносится рычание и презрительная усмешка одновременно. Он говорит:

– Гарри Поттер, Лекс Лютор, Фидель Кастро – кем бы ты ни был, ты умрёшь здесь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. В УГЛУ

Я хочу, чтобы у вас мурашки по спине забегали.

Чарльз Диккенс, "Посмертные записки Пиквикского клуба"¹

Глава 19

На самом роскошном лугу в юго-восточном квадранте «Уголка Гармонии», лицом к лицу с Донни, механиком, который по ночам кормит опоссумов Уолли и Ванду, я решаю, убить или умереть. У меня есть пистолет, у него – револьвер, и мы стоим рядом – промахнуться невозможно.

Мысль о голодных опоссумах, ждущих еду, которая никогда не появится, со временем впадающих в отчаяние, мысль о Дениз, жене Донни, работающей поваром, ставшей вдовой благодаря мне, парне-поваре, а также другие рассуждения заставляют меня заколебаться на решающие пару секунд, которые должны были означать для меня смерть. Из-за того, что его лицо кажется перекошенным яростью, из-за того, что он говорит: «Гарри Поттер, Лекс Лютор, Фидель Кастро – кем бы ты ни был, ты умрёшь здесь» – я уверен, что им овладел Хискотт, и я чуть не пробиваю в нём большую дырку. Но выражение его лица не так-то просто истолковать из-за ужасного шрама, и во время моего колебания он говорит с некоторым отчаянием:

– Беги. Убирайся из «Уголка» туда, где он не сможет тебя достать. Это не твоя битва. Ради Бога, беги!

Несмотря на то, что он не кто иной, как Донни, он в любой момент может попасть под управление Хискотта и открыть огонь без предупреждения. Я решаю не терять время, пускаясь в философскую дискуссию о добродетели быть в ответе за братьев и сестёр.

Одним рукавом я вытираю нос, который соплит от цветочного запаха лосьона после бритья Бермудного Парня, который придал внутренностям его внедорожника атмосферу лаборатории безумного парфюмера.

С такой же настойчивостью, как и Донни, я утверждаю:

– Это моя битва. Джоли сегодня умрёт, если я не буду сражаться. Только я могу подобраться к нему так, чтобы он не узнал.

¹ Пер. Александра В. Кривцова, Евгений Львович Ланн.

Мысль о Джоли, погибающей таким же зверским способом, каким был убит Макси, так сильно поражает его, что его однажды разодранное лицо, кажется, почти распадается вдоль грубо зашитого шрама.

– Но он приказал нам искать тебя. И он перемещается между нами, читая память. Я не могу скрыть то, что видел тебя, и где.

С опозданием он осознаёт, насколько опасно для меня, если он будет держать свой револьвер. Взяв оружие за ствол, он сует его мне, и я беру его с облегчением.

– Послушайте, Донни, сэр, вы единственный, кто должен убраться из «Уголка», за зону его действия. Если он обнаружит, где я, через вас, то пошлёт команду оставшимся членам семьи окружить меня.

С мучением на лице он противится моему совету.

– Нет-нет-нет. Нет, он будет их пытаться, когда обнаружит, что я убежал из-под его влияния. У него нет жалости. Он не знает, что такое жалость. Он заставит их пытаться и поубивать друг друга.

– У него не будет времени. В первую очередь он будет искать меня. Затем я окажусь в том доме с ним.

– Не думай, что только из-за того, что он не может тебя контролировать, ты сможешь справиться с этим ублюдком. Ты не сможешь с ним справиться.

– У меня есть ещё преимущества, о которых вы не знаете.

– Какие преимущества?

Я резко вдыхаю, чтобы прочистить нос, и этот вдох производит звучное фырканье.

– Нет времени рассказывать. Пожалуйста, сэр, убирайтесь к чёрту из «Уголка Гармонии». Окружная дорога прямо там, за изгородью. Вы можете скрыться за две минуты. Меньше. Бегите, пока не почувствуете себя в безопасности. Вперёд!

Пять лет гнёта и его собственное неудачное сопротивление лишили его почти всего, кроме, возможно, очень слабой искорки надежды. От отчаянья у него не осталось энергии ни на противодействие, ни на побег.

Я поднимаю револьвер, который он передал мне, и даю ему возможность посмотреть на дуло, чтобы подумать о возможной пуле.

– Сэр, мне нужен этот внедорожник, и мне нужно больше времени, в течение которого Хискотт не будет знать, где я нахожусь. Или вы бежите из зоны его влияния так быстро, как можете, или я пристрелю вас сейчас. Я имею в виду, прямо сейчас.

Мгновение я думаю, что мне придётся сделать Дениз вдовой, но затем Донни поворачивается и несётся стрелой через высокую траву, как, должно быть, бежал бы демон, сверкая пятками.

Когда я наблюдаю за ним, чтобы убедиться, что он не обернётся обратно ко мне под воздействием какого-нибудь пришельца, то могу легко себе представить, как его призрачная надежда раздавливается под весом незаслуженного стыда. Его неудача в попытке одержать победу над чем-то более сильным, чем он сам, а также шрам, напомирующий о неудаче – не причина для стыда; вина заслуженна только тогда, когда попытка противостояния злу вообще не совершалась.

Человеческое сердце всё ещё приходит в уныние от совершенно безрассудного самобичевания, потому что даже когда мы бросаем вызов титанам, мы слишком часто путаем неудачу и ошибку, что очень хорошо известно мне. Единственный способ уйти от этого гнетущего отчаянья – придать унижению форму смирения, всегда стремиться к триумфу через тьму, никогда не забывая, что честь и красота – больше в стремлении, чем в победе. И хотя триумф, всё же, приходит, наши усилия сами по себе не смогли бы привести к победе без той добродетели, которая превосходит всё постижимое и наполнит, если мы ей позволим, наши жизни смыслом.

Познавая эту простую правду, я добрался из Пико Мундо, из самого плохого дня в моей жизни, из потери, которая была хуже, чем потеря собственной жизни, через множество проблем и сует в этот живописный оазис на побережье. В процессе этого тёмного пути досада и вина от моей неудачи значительно уменьшились, а надежда забрезжила так, как никогда раньше.

Наблюдая, как Донни карабкается через изгородь и спешит на юг по окружной дороге, как он убегает из-под влияния Хискотта, я бы не пожелал ничего большего, чем узнать когда-нибудь, что у него случилось такое же путешествие души, какое было у меня.

Из моих ноздрей течёт, и мой нос заложен. Впервые за долгое время я обнаружил сложности с оценкой себя как человека действия и защитника невинных.

Сразу после того как механик исчез в дорожной глади, я учуял запах дыма. Хаос, который я спровоцировал, должно быть, неплохо распространился. Мне необходимо разведать обстановку.

Если я буду дальше удаляться от леса, то меня будет проще заметить, потому что моя тёмно-синяя толстовка и джинсы сильно контрастируют с окружающей меня осветлённой солнцем травой. Если меня заметят с большого расстояния, то могут и не опознать, но я не могу давать ни единого шанса.

Низко пригибаясь к земле, с револьвером 38-го калибра в одной руке и пистолетом в другой я быстро бегу через высокую траву, как сигнал тревоги для змей – такой уж

сегодня день. Когда я бегу, насекомые взлетают, покидая траву и другие растения, бьющие меня по лицу, напоминая раздвоенные и щекочущие змеиные языки, и я тщательно слежу за тем, чтобы не наступить в кучку оленьих какашек.

Луг начинает подниматься, и я попадаю в место, с которого могу видеть нисходящие холмы «Уголка Гармонии» и море за ними. Я ложусь и поднимаю голову ровно настолько, чтобы осмотреть семь викторианских домов, расположенных несколькими сотнями ярдов ниже к западу и немного дальше к югу от моей позиции. Если несколько караульных размещены вокруг самого верхнего из этих домов, где находится логово доктора Хискотта, они хорошо замаскированы.

Примерно тремя сотнями ярдов к северу лежит разваленный большой грузовик, отсоединившийся тягач на боку под крупноплодным кипарисом. В конце концов, и до тягача, и до дерева добирается огонь, и языки пламени взметаются вверх через ветки, ветер формирует из них элегантные формы, напоминающие линии японской каллиграфии, и они развеваются далеко на юго-восток. Что бы ветер со временем ни написал, огонь быстро пропадает и рассеивается в виде маслянистого чёрного дыма.

Люди спустились к тем холмам, не иначе, в поисках водителя грузовика, но с такого расстояния невозможно увидеть, кто из них из семьи Хармони, под господством Хискотта, а кто клиент закулочной. Также я не могу их точно сосчитать. Они отсюда кажутся маленькими фигурками.

Большой очаг возгорания находится ближе, чем тот, который охватил кипарис. Упавший бак с пропаном, через вентиль которого струится пламя, должно быть, смотрится как огнёмёт в руках неистового полтергейста. Линия огня прочертила синусоидальный путь, увеличив по его ходу яркость, как будто возбуждённый дракон, извивается по склону одного холма и взбирается на другой.

Интенсивность этого очага намного больше, чем я ожидал. Очевидно, долгое время здесь не было пожаров, и трава, росшая в предыдущие годы, отмерла и спрессовалась в плотный сухой дёрн, агрессивно пылающий, так что кормящая эту бурю трава выросла не за один год. Дым, поднимающийся от пожарища, светло-серого цвета, почти белый, обретая тревожащие масштабы, быстро формирует в этом неподвижном воздухе высокие колонны, которые, кажется, поддерживают небо.

Несмотря на то, что я больше не пироманьяк после операции на мозге, я не могу помочь, но получаю некоторое удовольствие от этой сцены. Кроме того, для отвлечения Хискотта и его армии рабов, мне требуется создать хотя бы немного дыма на уровне земли, чтобы скрыть своё приближение к нужному мне дому. Большая часть белой массы взмывается прямо вверх от горящего дёрна; тем не менее, тонкий слой дымки ползёт по склону. Скоро я должен получить те условия, которые требуются.

Для неосведомлённого наблюдателя моя усмешка может показаться безнравственной. Я поздравляю себя вслух – «Хорошая работа, хвастунишка» – и вытираю свой текущий нос о рукав толстовки, как будто я немый пират, готовящийся разграбить и разрушить прибрежное поселение. Иногда я удивляюсь, до каких криминальных пучин могу опуститься, если когда-нибудь перейду на тёмную сторону.

Автоцистерна, вполтину короче восемнадцатиколёсника, появляется на асфальтобетонной узкой дороге, связывающей торговые предприятия и дома, расположенные ниже. На белой цистерне красным цветом написаны два слова – «УГОЛОК ГАРМОНИИ» – и я могу только предполагать, что это часть противопожарного снаряжения, находящегося в боеготовности, разумная мера предосторожности для той части Калифорнии, где в немногочисленные сезоны дождей бывают лишь редкие мелкие дожди и где землю периодически покрывают пожары.

Со стороны домов выезжает удлинённый «Додж»-пикап с шестью людьми из клана Хармони, сидящие в багажном отделении. Грузовик – отменный красавец, высоко сидящий на больших шинах, и к нему прикреплен V-образный плуг, сейчас поднятый. Он останавливается на середине дороги между домами и огнём.

Парни в багажнике пикапа, вооружённые лопатами и тяпками, спрыгивают и располагаются вдоль обочины дороги. Водитель отъезжает от мостовой, опускает большое V-образное лезвие и едет в поле, вспахивая преграду от пожара по направлению к морю. Люди тут же следуют за грузовиком, отбрасывая в стороны взрыхлённую траву, выкапывая все глыбы, с которыми не справился плуг, создавая линию из обнажённой земли шириной шесть или восемь футов.

Так как ветра, распространяющего огонь, нет, он может расползаться достаточно медленно для того, чтобы грузовик смог проделать обратный путь от берега до дороги, создав барьер шириной двенадцать или шестнадцать футов. При таком затишье пламя не сможет перепрыгнуть такую широкую просеку.

Выше по дороге останавливается автоцистерна. Мужчина, прицепившийся к ней сзади, спрыгивает, а две женщины выходят из кабины. Появившаяся бригада из трёх человек – весьма практичный план, и я могу только догадываться, что грузовик оснащён насосом и пожарным рукавом, который будет направлять гасящую струю воды далеко внутрь луга.

Одна из проблем в составлении плана по ходу его выполнения – мой *modus operandi*¹ – то, что иногда ты ловишь себя на мысли, что противопоставляешь себя людям, имеющим хорошо обдуманый план, и являющимися специалистами по его исполнению.

¹ Образ действия (лат.).

Я отмечаю, несмотря на то, что события оборачиваются против меня, всегда есть вероятность, что они дадут мне подсказку ещё раз, что увеличит мои шансы.

Затем я чихаю. Аромат лосьона после бритья Бермудного Парня задерживается в пазухах, как вонь скунса, сухая трава, в которой я лежу, пахнет пылью и сеном, и, хотя слой дыма на уровне земли слишком тонкий, чтобы его учуять, он достаточно едкий, чтобы жечь мои ноздри, как запах перца хабанеро¹. Неудержимые сопли превращают меня в пародию на красноглазого аллергика из телевизионной рекламы антигистамина. Я уверен, что меня не услышат с любого значительного расстояния, но кладу оружие на землю и закрываю лицо руками, заглушая звук, радуясь тому, что это исключительно сухие сопли.

Если бы я был Бэтменом, мой плащ уже был бы в огне.

Неожиданно появляется лёгкий ветерок. Трава вокруг меня дрожит и волнуется к югу и востоку. А бриз становится сильнее. Говорят, огонь может возникнуть в природе от одного лишь ветра, но я думаю, что для этого должна быть та ещё гроза с молниями.

К моему удивлению, отвлекшись на мгновение от насморка, я замечаю, что невидимый ветер даёт свой эффект, когда проносится через «Уголок Гармонии» с северо-запада, с моря, через холмистые луга. Языки пламени с большей жадностью пожирают траву и становятся выше, срывают горящую кору с крупноплодного кипариса, и она, поражённая огнём, перелетает по воздуху над головами тех, кто борется с огнём, заражая траву, которая находится за ними. Новый дым не взмывает вертикально, вместо этого поднимается под низким углом, и мягко перемещается, клубясь, в сторону автоцистерны, в сторону команды, создающей барьер для огня.

Я добиваюсь такого хаоса, какой мне нужен. Проблема в том, что включить хаос можно, но выключение контролирует сам хаос.

Глава 20

Эд, которого когда-то звали Аладдин, – первый искусственный интеллект, который я когда-либо знала. Возможно, если Гарри убьёт Хискотта, и если я проживу достаточно долго для того, чтобы увидеть мир, превратившийся в сплошной тематический парк научной фантастики, к чему он, кажется, стремится, то, вероятно, в один из дней узнаю их не одну дюжину. Позвольте сказать, если их всех будут производить такими же славными, как Эд, то я ничего не имею против.

Так что, когда он огорошивает меня ужасными новостями – что если ФБР когда-нибудь узнает, куда делся доктор Хискотт и чем он занимался последние пять лет и всё

¹ Самый острый чилийский перец.

такое, они изолируют навсегда всю мою семью в карантине – Эд просит меня сесть за одну из рабочих станций в комнате для наблюдения за сферой. Когда я паркую свою пятую точку на стул, компьютер включается, хотя я его даже не трогаю.

Несмотря на то, что всё долбанное правительство кинет мою семью в тюрьму всех тюрем, Эд говорит, что мой Гарри Поттер, привлекательный сам по себе, не только тот, кто может нам помочь, что есть что-то ещё. Ну, как можете представить, я должна узнать, кто же он.

– Начнём с начала, – говорит Эд.

На экране компьютера появляется фотография лица Гарри в желтом коридоре, где лежит мумифицированный Орк.

– У тебя повсюду камеры, а?

– Не везде. Где бы ни находилась камера наблюдения, или компьютер, подключённый к Интернету с установленным «Скайпом», или сотовый телефон с камерой, где угодно в мире, – это мои глаза.

– Ого. Тогда у тебя возможностей выше крыши. Полагаю, вместе с искусственным интеллектом, который почти такой же, как естественный интеллект, это всё может показаться достаточно сильным, чтобы бросать в дрожь.

– Тебе бы хотелось, чтобы я вместо этого был слепым, Джоли Энн Хармони?

– Ну, сейчас я воспринимаю это серьёзно. Нет, Эд, я бы не хотела, чтобы ты был слепым. Я просто надеюсь, что ты никогда не будешь подглядывать за мной в ванной или где-то ещё.

– Камеры наблюдения в ваннных комнатах не установлены, и там нет компьютеров с установленным «Скайпом».

– Ну, полагаю, что обычно так и есть.

– Если ты берёшь в ванную смартфон, то я бы посоветовал тебе держать его выключенным.

– Конечно.

– Я гарантирую тебе, Джоли Энн Хармони, что лично мне не интересно наблюдать за людьми в ваннных комнатах.

– На самом деле, Эд, я и не думаю, что ты этим занимался. Извини, если тебе показалось, что я подумала, что ты извращенец или что-то в этом роде. Я подумала о том, что некоторые другие искусственные интеллекты когда-нибудь могут не быть такими же почтительными, как ты.

– Здесь есть, что обдумать. Я не могу поручиться за стабильность всех будущих искусственных интеллектов.

На компьютерном мониторе фотография Гарри в жёлтом коридоре сменяется другим его фото, которое выглядит так, как будто взято из газеты.

Эд говорит:

– Реальное имя Гарри – Странный Томас.

– Странный?

– Очевидно, происхождение этого имени – длинная история. Сейчас у нас нет на неё времени.

– Как ты узнал его имя?

– Я применил программу для распознавания лиц ко всем фотографиям в файлах отдела транспортных средств Калифорнии, но не смог найти его.

– Там, должно быть, миллионы картинок. Сколько это заняло?

– Семь минут. После этого я провёл поиск оцифрованных фото-архивов «Ассошиейтед Пресс».

Фотографии исчезают и проигрывается какое-то видео, сюжет из телевизионных новостей о событиях, происходивших примерно восемнадцать месяцев назад, об ужасной стрельбе в торговом пассаже в Пико Мундо, сорок один раненый и девятнадцать убитых. Полицейский говорит, что было бы куда больше жертв, если бы не действия одного храброго молодого человека, которым оказывается Гарри. В смысле, Странный Томас. Полицейский говорит, что могли бы погибнуть сотни, если бы Томас не сбил обоих стрелков и не расправился с грузовиком, набитым взрывчаткой и всё такое. Репортёр сообщает, что Томас не будет говорить с прессой, и что Томас заявляет – он не сделал ничего особенного. Томас говорит, что любой сделал бы то же самое. Репортёр говорит, что Томас настолько же стеснительный, как и отважный, но, несмотря на то, что я ребёнок и всё такое, я знаю, что правильное слово – не стеснительный.

Раньше, вы должны помнить, я объясняла, как я любила его, потому что он казался храбрым, добрым и милосердным, ещё и потому, что в нём было что-то ещё, что-то другое. И вот оно. Я знаю, что он не бросит нас. Я знаю, что он не убежит просто так и не будет спасать себя.

Эд говорит:

– Я показываю это тебе, Джоли Энн Хармони, потому что несмотря на всю твою храбрость и хитромудрые разговоры, не смотря на тот факт, что я не обнаружил

феромоны, связанные с ложью, я обнаружил феромоны, связанные с безнадёжностью. У меня возникло к тебе чувство привязанности, и для меня так больно знать, что ты находишься на грани потери надежды.

– Хватит, – говорю я ему.

За все эти годы, что Хискотт проникал в меня, чтобы жить через меня, была всего одна вещь, которую я не позволяла ему знать: как это чувствуется, когда я плачу. Мои слёзы – только мои, не его, никогда не будут его. Я сохраню их навсегда, вместо того, чтобы позволить себе слабость почувствовать их тепло, когда они скатываются по щекам, или ощущать их вкус в уголках своего рта. Если вы по-настоящему хотите знать, я думаю, что если когда-нибудь освобожусь, то могу обнаружить, что я сдерживала свои слёзы так долго, что больше не могу плакать, что я сухой камень, и из меня ничего больше нельзя выжать. И всё же сейчас моё зрение размывается, и появляются слёзы, слёзы надежды и счастья, несмотря на то, что ничего ещё не закончилось.

Через некоторое время я напоминаю:

– Эй, Эд, ты сказал, что есть ещё кто-то, кроме Гарри... кроме Томаса. Кто-то, кто может нам помочь.

– Да, Джоли Энн Хармони. Это буду я.

Глава 21

Оказавшись снова в «Джипе Гранд Чероки», я больше не чихаю. Возможно, лосьон после бритья, который предпочитает Бермудный Парень, и дым от горящей травы по случайности представляют собой две молекулы, похожие на кусочки пазла, соединяющиеся вместе и нейтрализующие друг друга. Более вероятно, что сейчас приходит время для прорыва в логово Хискотта, я так боюсь предстоящего столкновения, что мне просто не может надоедать какой-либо запах или дым. Я когда-то вычитал, что приговорённые к смертной казни люди, стоящие перед оглашением команды на расстрел, находящиеся в рабстве ужаса, по наблюдениям, не замечали пчёл, ползающих по их лицам, даже когда пчёлы их жалили. Один парень явно перепутал укусы пчелы с выстрелом – мгновенно свалился замертво, сэкономив его палачам запас снарядов.

Из-за того, что я редко что-либо забываю, мой мозг настолько переполнен бесполезной информацией, что постоянно создаёт связи между битами данных, которые в лучшем случае связаны косвенно. Иногда я волнуюсь, что если в какой-либо критический момент меня отвлекут мысли о людях, укушенных пчёлами, то это меня убьёт. Но если вы не можете доверять собственным мозгам, то чему тогда можете?

Я отключаю циркуляцию воздуха в «Джипе», чтобы оставить снаружи как можно больше дыма, и веду автомобиль от деревьев, направляя на юг по заросшему травой лугу. Видимость не превышает шестидесяти или семидесяти футов, кроме тех моментов, когда бриз ненадолго меняет направление, из-за чего появляются открытые тонкие линии прогалин в воздухе, открывающие обзор к удалённым концам «Уголка Гармонии», но они закрываются так же неожиданно, как и появляются.

Несмотря на то, что мне требуется прикрытие дыма, этот мрак гуще, чем я ожидал, заставляет меня продвигаться медленнее, чем хотелось бы – и намного медленнее, чем мне необходимо будет ехать через несколько минут. Видимость быстро уменьшается до сорока или пятидесяти футов, и если она станет намного хуже, я смогу с тем же успехом вести с закрытыми глазами.

Из-за того, что я не могу разглядеть ни одного ориентира, а одометр «Джипа» не отсчитывает единицы пробега, меньшие трёх сотен футов, я полагаюсь на интуицию, когда поворачиваю автомобиль резко вправо и торможу до остановки. Я думаю, что я стою в западном направлении, и я думаю, что группа домов далеко внизу находится немного севернее относительно моего расположения, так что я имею возможность прибыть позади них.

Отличие между тем, что мне кажется правдой и тем, что является правдой, однако, может привести к катастрофе. Холмы, расположенные ниже, имеют в основном пологие склоны, но есть несколько крутых спусков. Если я по ошибке наткнулся на один из них, «Гранд Чероки», по меньшей мере, перевернется с катастрофическим грохотом. Несмотря на тот факт, что у автомобиля четырёхколёсный привод, если он приземлится на бок или крышу, то станет таким же бесполезным, как самолёт без крыльев.

Под этим бело-серым покровом день выглядит более тёмным, чем он был бы при таком же плотном тумане – солнечный свет не проникает через дым так же хорошо, как через лёгкий туман. Вместо того, чтобы найти частично свой путь в «Уголок Гармонии», большая часть света отражается обратно от сажи, находящейся в газообразных подушках, принося на эти акры ранние сумерки. В этом мраке, неуклонно скатывающемся в темноту, в этом беспорядке, сбивающем чувства, аморфные дымные массы, клубящиеся вокруг «Гранд Чероки», кажутся фигурами, множеством человеческих, а также фантастических – миллионы докучающих духов на каком-то жутком паломничестве.

Я пытаюсь осветить путь передними фарами, но лучи отражаются от кучкующихся масс, снижая видимость с тридцати до десяти футов. Противотуманные фары также бесполезны. И в насыщенном мраке я хотел бы шипеть на эти лица из тёмного дыма, чтобы они обсмеяли и порычали на меня перед тем, как раствориться позади.

Если я собираюсь найти свой путь к Норрису Хискотту, мне нужно обратиться к психическому магнетизму, который, я верю, не приведёт меня к обрыву. Я не знаю, как он выглядит, но у меня есть его имя, и я могу представить дом, который он считает своим.

Концентрируюсь на этом имени и вызывая этот образ в своём мысленном взгляде, доверяя порывам и интуиции, я готовлюсь отпустить педаль тормоза и нестись вперёд, куда бы моя необычная сила ни занесла.

Непросто описать то, что произошло дальше. Грубый набросок, но не настоящий, внутренний эквивалент наброска, идея наброска проносится через мой разум, как если бы открылось окно. Возможно, из-за того, что представляю жильё в викторианском стиле, я на самом деле вижу окно со зловещим жёлтым светом за ним, в этом свете находится лоснящийся силуэт, который прыгает на подоконник и поднимает оконную раму, жаждущий прыгнуть на меня. Осознавая это, я притягиваю к себе врага, который, как я надеюсь, притягивается, я закрываю со стуком оконную раму, сразу же перенаправляя свои мысли с имени Хискотта на Сторми Ллевеллин, немедленно вытесняя вызванное изображение дома с находящимся в памяти лицом Сторми, потому что лишь она может заполнить разум настолько полно, что в момент этой атаки кукольник не может найти точку входа.

Даже если я отбросил Хискотта, хотя он ни секунды не видел моими глазами, чтобы получить какую-либо ниточку, например, моё месторасположение или замысел, я продолжаю держать в голове Сторми, потому что память о ней и обещание карты из машины, делающей предсказания – «ВАМ СУЖДЕНО БЫТЬ ВМЕСТЕ НАВСЕГДА» – является моей лучшей защитой от подавленности, так же, как и от страха.

В этой ситуации применять психический магнетизм слишком опасно. Отказываясь от особого дара, я оставляю себе только разум, как если бы Робин Гуд вынужден был обменять свой колчан с искусно изготовленными стрелами на пару камней.

Прямо в это время Джоли Хармони говорит мне:

– Гарри Поттер, ты там? Это Джоли. Ты там?

Удивлённый и озадаченный, я всего на мгновение охвачен суеверием первобытного человека с далёкого острова, который, не ведая об удивительных современных технологиях, может сделать вывод только о том, что с помощью магии шаман уменьшил Джоли до величины моего большого пальца и перенёс в радио «Гранд Чероки».

– Гарри, ты там? – спрашивает она снова.

– Джоли? Где...

– Так, смотри, эти стальные двери, которые я не могла открыть, просто открылись сами по себе, когда ты ушёл, и поэтому я сейчас в этом мега-таинственном месте в Форт-Уиверне, которое называется проект «Полярная Звезда». Это место, где работал старый док Хискотт, где артефакты пришельцев и всё такое, и он по какой-то тупой причине разрезал на части мёртвых пришельцев, и тогда всё пошло к чёрту. Док смешался с ДНК пришельца, он теперь нечто вроде гибрида. Во-первых, он спятил – ладно, не

психотический, а невротический урод. Он задушил свою жену и всё такое, мы не знаем, из-за недовольства или потому что у него не было ногтей. Но теперь здесь нет больше людей, из-за консервации, так что здесь только мы с Эдом.

Я пытаюсь понять:

– Как у тебя получается...

И Джоли распространяется:

– Что может Эд, так это проникать практически в любые проводные и беспроводные информационные штуки и использовать их так, чтобы никто не узнал. И так как ты находишься в «Джипе Гранд Чероки», государственный номер «КЛЁВЫЙ ПАРЕНЬ», которая по случайности оснащена «ОнСтар»¹, Эд может определять твоё местоположение по «Джи-Пи-Эс». Мы знаем точно, где ты, и я разговариваю с тобой с помощью их спутниковой системы связи. Очень здорово, да?

– Но как ты можешь знать...

– Смотри, Эд может делать порядка шестнадцати дел одновременно. Так что одно из дел, которые он делал, даже когда говорил мне, кем ты был на самом деле, он проверял все звонки на телефон 911 шерифу от абонентов из «Уголка», которые могли бы рассказать нам, начал ли ты уже свою бучу. Чёрт побери, ты не терял времени даром! Один парень звонит, что его грузовик украден, какой-то другой парень звонит, что грузовик летит...

Я не знаю, что дезориентирует больше: болтающийся вокруг «Гранд Чероки» слепящий дым и весь мир, утонувший в нём, или воздух, загрязнённый пожаром, вводящий меня в лёгкое головокружение, или возбуждённое стрекотание Джоли.

– ... ещё какой-то парень звонит, что его «Гранд Чероки» украли, ещё какой-то парень звонит, что горит трава. Так что Эд изучает всё это редкостное дерьмо в то время, как показывает мне, кто ты такой, а затем, примерно через семь секунд обнаруживает, что у «Джипа» есть «ОнСтар». Так мы и очутились здесь, и мы хотим помочь.

Я прочищаю горло и спрашиваю:

– Кто такой Эд?

– Застрелиться, и правда, – говорит Джоли, – ты не мог знать. Эд – компьютер. Нет, подожди, думаю, это оскорбление. Эд – не просто глупый компьютер, он – искусственный интеллект, ещё один сильно секретный проект Уиверна. Он не хочет поработить весь мир,

¹ «ОнСтар/OnStar» – дочерняя компания «Дженерал Моторс/General Motors», занимается поставкой сервисов по подписке, в том числе навигационный сервис и сервис удалённой диагностики, которые завязаны на систему отслеживания местоположения «ДжиПиЭс/GPS».

и всё такое, конечно, не хочет, он каждому это показывает предельно ясно. Так что они законсервировали этот проект «Полярная Звезда», поручили Эду наблюдать за ним, сохранять это всё в безопасности. Эд тебе понравится, он забавный, он может делать около двадцати дел одновременно.

– Я думал, ты сказала, шестнадцать.

– Чёрт, да Эд настолько умен, что возможно может делать двадцать раз по двадцать дел вместе. Эд, скажи «привет».

Низкий, мягкий и даже немного зловещий голос говорит:

– Это честь познакомиться с тобой, Странный Томас.

Джоли говорит:

– О, да, ещё одна вещь, Гарри. Я знаю, что ты не Гарри Поттер. В смысле, я всегда знала, что ты не Гарри Поттер, он не настоящий. Но теперь я знаю, кто ты на самом деле, и ты тот, каким я тебя представляла – герой, который говорит, что он не герой. Я знала, что однажды ты к нам придёшь, всегда знала, но не знала, что тебя будут звать Странный Томас. Теперь ты здесь, и всё начинает налаживаться.

– Всё ещё очень далеко от того, чтобы налаживаться, Джоли.

Несмотря на то, что все щели закрыты, а вентиляторы выключены, воздух в «Чероки» становится всё более грязным с каждой минутой.

Я спрашиваю:

– Эд, ты там?

– Да, Странный Томас, я здесь. Чем я могу тебе помочь?

Я решаю принять всё, что говорит мне Джоли, потому что вся эта история звучит слишком безумно, чтобы быть чем-либо, кроме правды.

Моя необычная жизнь научила меня тому, что мир намного сложнее и страннее, чем большинство людей способны – или желают – осознать. То, что большинство людей называют правдой – просто поверхность, а под ней находится великая глубина правды, которую они не воспринимают. Значительная часть моего времени посвящена борьбе с духами задержавшихся умерших, полтергейстами, жуткими существами, которые я называю бодэчами, пророческими снами, и всеми теми событиями сверхъестественной потусторонности, единственными в своём роде, а также со вселяющими ужас злодеями-людьми во всех их мыслимых ипостасях; поэтому всё это действует на меня освежающе, мне почти что скучно – попасть в несверхъестественный инцидент, касающийся совершенно секретных правительственных проектов, искусственного интеллекта, который

не хочет править миром, инопланетян-полукровок и женщин, которые любят их, и подавляемы ими.

– Эд, Джоли на самом деле в безопасности там, где она сейчас?

– В большей безопасности, чем была многие годы. На моей территории Джоли Энн Хармони не будет причинено никакого вреда.

– Если на твоей территории ей будет причинён какой-либо вред, я найду твою вилку и вытащу её из розетки.

– Тебе не нужно угрожать Эду, – заверяет меня Джоли. – В этом парне нет плохих электронных цепей, и это подтверждается каждый час с помощью программы самоанализа. Во всяком случае, он не может врать.

– Эд, ты правда не можешь врать?

– Мои создатели запрограммировали меня так, что если я захочу сказать хотя бы одну ложь, я тут же выдам то, что сделал, а именно, пропою: «Врёшь, врешь, штаны сожжёшь»¹.

– Что весьма занятно, – говорит Джоли, – потому что у него даже нет штанов.

Всё ещё насторожённый, я прессую Эда:

– И почему бы осознающему себя искусственному интеллекту не обнаружить способ, который позволил бы ему отменить действие некоторых частей своей основной программы?

Помолчав, Эд отвечает:

– А почему привлекательный и одарённый молодой человек, которому почти двадцать два года, не может когда-нибудь полностью покончить с психической болью, причинённой ему так много лет назад его умственно неуравновешенной матерью?

Сейчас моя очередь помолчать.

А затем лишь единственно возможный ответ.

– Прости, что угрожал отключить тебя, Эд.

– Ты так поступил из самых лучших побуждений, Странный Томас. Твоя забота о Джоли Энн Хармони восхитительна, и я на самом деле разделяю её.

– Как ты узнал... о моей матери?

¹ В оригинале тоже в рифму: «Liar, liar, pants on fire» - «Лжец, лжец, штаны горят», или русский аналог – «На воре и шапка горит». В переводе рифма сохранена.

– После событий в Пико Мундо было несколько упоминаний в прессе о твоей семье, определённые слухи.

– Я никогда не читал об этом.

Вместо того, чтобы проноситься за окнами, дым на минуту сворачивается в воронку горячего воздуха и кружится вокруг «Гранд Чероки». Мне кажется, что автомобиль поднимается и крутится, как это может происходить внутри торнадо, и я закрываю глаза.

– Эд, это ты открыл запечатанный дренаж, чтобы мне не потребовалось возвращаться через пляж?

– Да.

– Спасибо.

– Не за что, Странный Томас.

– Если ты меня сопровождал, то знаешь, что я похитил грузовик?

– Я не был удивлён тем, что ты это сделал.

– Но я не знал, что собираюсь сделать это, пока не выбрался из того люка и не обнаружил, что нахожусь за пределами «Уголка Гармонии». Я совершил это, когда был один. И как ты узнал?

– Рассмотрение всех возможностей и анализ действенности каждой из них показал, что похищение грузовика и то, что ты сделал с ним, были наиболее подходящей альтернативой, которая могла помочь достичь твоей цели. Мои наблюдения за тобой во время разговоров с Джоли Энн Хармони позволили мне сделать предположение, что, несмотря на твоё самоосуждающее поведение, ты обычно принимаешь правильные решения в таких вопросах.

Джоли объясняет:

– Я думаю, Эд имеет в виду, что ты крепкий орешек.

У Эда есть вопрос:

– А теперь скажи мне, Странный Томас, ты взял смартфон Пёрвиса Юджина Бимера?

– Что? Я не знаю никакого Пёрвиса Бимера.

– Ты ведёшь автомобиль, об угоне которого он сообщил.

– О. Бермудный парень. Нет, я не брал его смартфон.

– Два Джи-Пи-Эс-сигнала, относящиеся к Пёрвису Юджину Бимеру исходят из одних и тех же географических координат.

Когда я открываю глаза, дым больше не кружится вокруг «Джипа», только вздымается впереди и сзади.

– Да. Теперь я его вижу. Его телефон в одном из держателей для чашек.

– Возьми его и положи в карман. Тогда мы сможем оставаться на связи, даже когда ты серьёзно повредишь эту машину.

– Как ты узнал, что я собираюсь серьёзно её повредить?

– Я проследил твои намерения, Странный Томас.

Джоли говорит:

– Похоже, он чертовски умён, Томми. Он получил домашнее образование, примерно как я, только в лаборатории вместо дома, учёными вместо своей мамы, так как у него нет настоящей мамы. Но он невероятно умнее, и не потому, что занимается упорнее, чем я, а потому что может вобрать в себя целиком огромные библиотеки за минуты и потому что ему никогда ничего не надоедает в отличие от меня. Немного печально, что у него нет мамы, и всё такое. Тебе не кажется, что это печально? Это не так печально, как когда ты хочешь лежать без движения целый день, рыдая через тысячу «клинексов»¹, но достаточно печально.

Глава 22

Эд будет моим Натти Бампо, это редко упоминаемое имя разведчика в «Последнем из могикан»², который был также известен как Соколиный Глаз. Из своего электронного гнезда он будет показывать мне путь через слепящие облака дыма.

«Джип Гранд Чероки» с государственным номером «КЛЁВЫЙ ПАРЕНЬ» оборудован не только голосовой связью реального времени «ОнСтар», но также Джи-Пи-Эс-навигатором. Джи-Пи-Эс-карты включают в себя все улицы, окружные шоссе, местные

¹ «Клинекс/Kleenex» – популярная в США марка гигиенических бумажных салфеток, название стало нарицательным.

² Натаниэль (Натти) Бампо – литературный персонаж, главный герой историко-приключенческой пенталогии Фенимора Купера. Впервые появляется в романе «Пионеры» (1823), первой книге пенталогии, причём упоминается множество раз. Роман «Последний из могикан» (1826) является второй книгой пенталогии, и в нём упоминается (единожды) лишь имя Натаниэль, без фамилии. Можно сделать вывод, что Дин Кунц знаком только с романом «Последний из могикан» этой серии произведений Фенимора Купера, где упоминается только имя Натаниэль. А фамилию он, вероятно, узнал из других источников.

дороги и федеральные магистрали, но если вы решите проехать по бездорожью, то остаётесь наедине с собой: графика на мониторе не сможет предупредить о предательских свойствах открытой поверхности, и записанный направляющий голос этой деловой и при этом немного страстной леди, указывающей направление, умолкнет, показывая своё недовольство.

К счастью, Эд может использовать прямой доступ к последним оцифрованным видам планеты, полученным со спутника, и поэтому знает очень подробные детали местности «Уголка Гармонии», а заодно и практически любого другого места, которое вы сможете назвать. Он способен точно определить местоположение «Джипа Гранд Чероки» по идентификационному сигналу, который непрерывно передаёт его ретранслятор. В его голосе нет ни крупинки знойности, но меня успокаивают и вселяют уверенность его заверения в том, что он может помочь в достижении моей цели, которую плотность дыма, кажется, уводит всё дальше.

– Для начала, – говорит Эд, – ездай медленно. Ты будешь ехать медленно, Странный Томас?

– Да. Да, буду, Эд.

– Ты должен слушать внимательно мои инструкции и следовать им буквально.

– Конечно. Да.

– Если я тебе скажу повернуть руль на четверть против часовой стрелки, а ты повернёшь его на сорок процентов...

– Я никогда так не поступлю.

– ... ты можешь заехать прямо в выгребную яму, чего мы пытаемся избежать. И ещё одно, Странный Томас – не перебивай меня.

– Не буду, Эд.

– Ты только что это сделал.

– Больше не буду.

– Я не грубый надсмотрщик и определённо не тиран.

– Я так и не думал, Эд.

Джоли говорит:

– Он правда не хочет править миром.

– Тем не менее, – говорит Эд, – для того, чтобы это сработало, я должен давать тебе точные инструкции, и ты должен им точно следовать.

– Я понимаю.

– По моему опыту, – говорит Эд, – люди часто говорят, что понимают, когда на самом деле не понимают абсолютно ничего.

– Но я правда понимаю. Ты просто должен мне верить, Эд.

– Я думаю, что должен. Однако, если не по моей вине ты полетишь с крутого склона и разобьёшься, мне будет печально.

– Если так случится, Эд, я не буду осуждать тебя.

– Это будет недостаточным утешением.

Девочка говорит:

– Ты не слетишь с крутого склона – так же, Томми?

– Нет, Джоли, не слечу. Хотя могу стукнуться головой о руль, и мозги вытекут из ушей, если мы не начнём прямо сейчас.

Эд сбит с толку.

– Почему ты должен биться головой о руль, Странный Томас?

– Это просто выражение досады, Эд. Я не это имел в виду.

– Если от удара твои мозги вытекут, то нет никакого смысла в нашем следовании этому плану.

– Я никогда так не сделаю, Эд. Клянусь.

– Я не фиксирую никаких голосовых образцов обмана.

– Потому что я говорю правду, Эд. Может, начнём?

– Езжай прямо вперёд со скоростью пять миль в час.

Следуя вышеупомянутому напоминанию, что жизнь часто наполнена абсурдом не без страха и радости, первая фаза подступа к Хискотту начинается.

По всему, что я вижу, весь мир, должно быть, тлеет, всё его существо неуклонно превращается в газ и сажу. Может быть, дым менее белый и более серый, чем прежде, а может быть, слой копоти, собравшейся над «Уголком», сейчас настолько толстый, что скоро собирающееся превратиться в новую звезду солнце не может его пробить.

Несмотря на запах горящей травы, режущий глаза дым и горящее горло, мир, по которому я еду, кажется неуклонно темнеющим морем, полным встревоженного ила и облаков мельчайшего планктона. Следуя указаниям Эда, передвигаясь по холмам, я

чувствую, как будто спускаюсь в океаническую бездну, и в конечном итоге попаду в абсолютную черноту древней вечности, где в тёмном холодном одиночестве влачат безысходное существование безглазые и изуродованные давлением существа.

Думаю, это чувство погружения даже дальше от правильного восприятия бесформенных, вздымающихся масс за окнами «Джипа», чем от факта того, что я качусь вблизи той сущности, которая когда-то была Норрисом Хискоттом. Сейчас это уникальное воплощение необычайной враждебности, и давление, которое я ощущаю – совсем не давление, а тяготение чёрной дыры его зла.

И хотя каждая щель автомобиля плотно закрыта, кажется, что воздух загрязняется всё сильнее, и меня одолевает один из вариантов клаустрофобии, чувство, что меня заманили в место, где я буду медленно задыхаться. Я чихаю один раз, второй, третий.

– Будь здоров.

– Спасибо, Эд.

После этого обмена репликами он говорит мне остановиться и информирует, что я достиг края склона, который ведёт к заднему двору дома, где Хискотт провёл последние пять лет, превращаясь... во что бы он ни превращался. Несмотря на то, что мрак, окружающий «Джип», кажется частично менее плотным, чем прежде, я не могу разглядеть даже краешка дома.

Эд подтверждает, что моя изначальная стратегия и тактика наиболее вероятно ведут к успеху. Так как он может обратиться к «Гугл Планета Земля», посмотрев на здание сверху, то может достаточно точно проследить мой подъездной путь, чтобы существенно увеличить шансы на успех.

По его указанию я ослабляю ремень безопасности достаточно для того, чтобы взять пистолет и револьвер с пассажирского сидения. Я засовываю их за ремень, пистолет на животе, револьвер на спине. Затягиваю ремень обратно и наклоняюсь вперёд, обе руки на руле.

Отслеживая Джи-Пи-Эс-передатчики на нескольких автомобилях окружного агентства по тушению пожаров, Эд предлагает подождать ещё сорок секунд, пока эти грузовики не подберутся к въезду «Уголка Гармонии». Их сирены добавляют свой вклад в какофонию, а потом замаскируют шум, который я произведу. Он говорит, что представители шерифа едут недалеко следом.

Вообще говоря, эти душераздирающие моменты моей необычной жизни, когда я вынужден совершать безрассудные поступки и насилие, меня не возбуждают, нет никакого ярко выраженного волнения или радости. Они характеризуются страхом, которому нельзя позволить перерасти в сковывающий ужас, отвращением, тревогой,

которая по большей части является ожиданием замешательства, появляющегося в самый разгар действий, замешательство на поле боя, которое может означать мою смерть.

Сейчас, однако, один из тех редких случаев, когда я, помимо прочего, и в приподнятом настроении. Я чувствую себя настолько правым в отношении обязательства по спасению жизни, что приближаю близящееся столкновение с нетерпением. Возможно, я не способен на импровизированное развлечение и заготовленные колкости Джеймса Бонда, но я, определённо, чувствую, что становиться плохим парнем – иногда весёлое и привлекательное времяпрепровождение.

С годами я стал замечать, что эти особые моменты всегда возникают в ситуациях, когда я борюсь со смертельной угрозой не один, когда у меня есть поддержка людей, которые мне нравятся, и которым я верю. Верные товарищи – несравнимая ни с чем благодать, заслоняющая страх перед тем, как он покроет тебя инеем, надёжный антидот от нарастающей безысходности. Это верно, даже если моя команда состоит из двенадцатилетней девочки, на милую или больше удалённой от места действия, и искусственного интеллекта, не имеющего тела, которое можно было бы прострелить или ударить дубинкой, или пронзить, как можно прострелить, ударить или пронзить меня.

Но, эй, я предпочитаю нашу девчонку-сорванца Джоли Бэтменовскому Робину¹ с теми его смущающими девчачьими колготками, а наш Эд находится на долгом пути к реабилитации образа искусственного интеллекта, который ЭАЛ 9000² обесчестил более сорока лет назад.

– Появляются пять грузовиков, – предупреждает Эд. – Сирены ревут, прикрытие хорошее, время действовать.

Эд прокладывает маршрут, говорит, что я должен делать. Держи руль прямо, не отклоняй ни влево, ни вправо. Не отступай от прямого направления вниз по склону к дому. Земля плотно укрыта от большей части солнечного света и небольшого дождя и предположительно не имеет существенных неровностей, которые могут столкнуть меня с курса. Даже Эд со всеми его источниками данных и вычислительной мощностью не может рассчитать точную скорость, с которой я должен достичь своей цели, хотя информирует, что любая скорость ниже сорока миль в час может не подойти, а скорость выше шестидесяти выведет меня из строя.

Когда он говорит «вперёд», я быстро ускоряюсь в ослепляющих вредных испарениях, которые набегают на лобовое стекло, как облака могут набрасываться на

¹ Персонаж кинофильма «Бэтмен и Робин» (1997).

² ЭАЛ/НАЛ 9000 – вымышленный компьютер из цикла произведений «Космическая одиссея» Артура Кларка, обладающий способностью к самообучению и являющийся примером искусственного интеллекта в научной фантастике.

стекло в кабине экипажа в самолёте. Эд говорит, что склон длинный, предоставляет мне всю территорию, которая нужна, чтобы набрать скорость. Высокая сухая трава, не объятая здесь ещё огнём, шуршит под «Чероки» и со свистом бьётся по его бокам, так что это звучит, как если бы я мчался по мелкому ручью. Шины трутся о землю, которая годами обжигалась солнцем, дождь её ещё не размягчил, но сцепление у неё хорошее. Вибрации передаются через каркас на рулевое колесо, но всё равно я без проблем удерживаю контроль.

Вдруг фальшивые сумерки уступают, солнечный свет через убывающую массу копоти и пепел усиливается, и когда я достигаю скорости в пятьдесят миль в час, то уже не слеп. Здесь, ближе к берегу, сильный бриз, идущий с северо-запада, отталкивает дым дальше от воды, оставляя этот практически оторванный от «Уголка» уголок укрытым только лишь синей дымкой.

Как выяснил Эд, просмотрев аэроснимки владения в «Гугл Планета Земля», нужный дом, у которого есть большое переднее крыльцо, не имеет крыльца сзади, только патио с решётчатой подпоркой для растений, на которой ничего не растёт. Единственная дверь, скорее всего, ведёт на кухню, и пара больших французских раздвижных дверей, вероятно, отделяют семейную комнату¹, которая при отсутствии семьи сейчас используется, Бог знает, для каких целей получеловеком Хискоттом. Мебель за пределами дома и горшочные растения, которые, должно быть, когда-то создавали приятный вид патио, были убраны уже давно, и между мной и теми французскими створками ничего нет.

Из-за того, что моё существование усложняется сверхъестественными способностями, я стараюсь всегда остальную свою жизнь строить просто, и поэтому работаю поваром блюд быстрого приготовления, когда вообще работаю, и поэтому, когда изредка я мечтаю о смене карьеры, я думаю только о работе в качестве продавца обуви или, может быть, покрышек – работе, которая кажется нетребовательной. У меня есть кое-что из имущества, нет пенсионного счёта, и я не владею – и никогда не владел – автомобилем. То, что я сейчас собираюсь сделать с «Джипом Гранд Чероки» Пёрвиса Бимера, достаточное подтверждение того, что даже если бы у меня были деньги на приобретение хорошей машины, я бы никогда не поступил так глупо, как если бы имел собственный автомобиль, которым можно было бы пожертвовать в случае подобной крайней необходимости, я никогда бы не угнал другую машину.

Я надёжно пристёгнут. Я доверяю – как могу – технологии смягчения удара в современных автомобилях, которые используют поглощение энергии через рассчитанное и сконструированное разрушение определённых частей их структуры. И всё-таки, достигнув патио, я сползаю в водительском сидении вниз настолько, насколько позволяет ремень, минимизируя вероятность того, что буду обезглавлен чем-то, что может влететь через лобовое стекло. Когда шины нащупывают патио, я отпускаю руль и закрываю лицо

¹ В оригинале family room, что можно перевести как «гостиная», но тогда была бы непонятна игра слов.

руками, как может делать ребёнок на краю первого большого спуска трассы американских горок.

В миг перед ударом я перемещаю правую ногу с педали газа на тормоз. Грохот должен быть громким, но он мне таким не кажется, потому что разворачивается воздушная подушка, мгновенно оборачивая меня, как будто это гигантский презерватив, приглушая звук от столкновения. В момент, когда меня сердечно обнимает подушка, я жму по тормозам, дерево французских створок трещит как быстрый залп ружейных выстрелов, вымучивая металлические резкие звуки, и лобовое стекло разбивается вдребезги. Залетая в комнату, останавливаясь с помощью повернутых колёс, «Гранд Чероки» сильно бьётся обо что-то, что я представляю как диваны и кресла, а также другую мебель, хотя я не совсем дурак, чтобы даже надеяться на то, что сущность Хискотта была сразу убита во время сна в «Лэй-зи-бой»¹.

Когда воздушная подушка спускается и когда «Гранд Чероки» останавливается, я глушу двигатель. Если бензобак повреждён, я должен избежать воспламенения, которое может отвлечь внимание окружающих пожарников от горящей травы дальше к северу «Уголка Гармонии».

Я не пострадал. Утром я, возможно, испытаю боль, вызванную ремнём, и чем-то еще, но сейчас всё, кажется, функционирует.

Водительская дверь изогнулась, не откроется. Пассажирская дверь всё ещё работает. Когда я выбираюсь из машины, то вытаскиваю из-под толстовки пистолет, напоминая себе, что в магазине только семь патронов, не десять.

Из-за руин в гостиной сложно узнать наверняка, на что было похоже это место перед тем, как я здесь появился. Но на потолке в углах паутина, движение бабочек и мух в одной из них намекает на то, что там никогда не жил паук, чтобы отведать добычу, опутанную её строением, и повсюду слой пыли, которая не могла осесть повсюду в эту первую минуту после того, как «Джип» выбил двери.

Пистолет в двуручной хватке, я быстро осматриваю комнату слева направо. Никого. Ничего.

Сирены пожарных машин к северу отсюда сменились тишиной. В доме слышен единственный звук – тикание и скрипы замученного остывающего «Гранд Чероки», разбитого вдребезги.

Хискотт мог ожидать, что я попытаюсь вторгнуться, но более традиционным способом. Он не будет ожидать такого. Но он определённо знает, что я сейчас здесь, и

¹ «Лэй-зи-бой/La-Z-Boy» – товарный знак раскладного кресла производства компании La-Z-Boy Inc.

мой успех зависит от быстроты перемещения, до того момента, как кто-то из семьи, под влиянием, не покажется в убийственном безумии.

Быстрый взгляд на окна показывает, что хотя воздух вокруг этого и соседних домов на плоской поверхности ниже почти чистый, остальная часть «Уголка Гармонии» всё ещё окутана перемешивающимися облаками сажи и пепла. Габаритные фонари и сигнальные огни пожарных машин пульсируют и вращаются глубоко внутри этого бурлящего мрака, выхватывая красных и синих призраков, которые гонятся друг за другом через стремительно движущийся дым.

Арочный проход соединяет гостиную и большую кухню, объединённую с зоной для еды, с островком. Крошки, чёрствые корки хлеба, высушенные корки сыра, засохшие лужицы соусов и заплесневелые куски нераспознаваемой еды разбросаны по столу. Множество муравьёв ползают по мусору, но они не энергично снуют по рациональным линиям в марше, как делает большинство обычных муравьёв; вместо этого они бродят бесцельно по поверхностям, как будто находятся под действием токсина, который ставит их в тупик и лишает цели.

Груды костей по грязному полу. Кости от окорока, говяжьих кости, куриные кости и другие. Некоторые переломаны, как будто для облегчения доступа к костному мозгу.

Одна из пары дверей шкафа под двойной раковиной была снята с петель, и её нигде не видно. Дальше места с этими россыпями лежит хрупкая смесь того, что является, судя по всему, дюжинами крысиных черепов и скелетов, каждый обглодан до блеска, как индюшачья ножка, предложенная голодному человеку. Ни кусочка кожи или меха не осталось на каждом из них, и ни единого кусочка чешуйчатого хвоста – всё пошло в дело.

Варочная панель покрыта обуглившейся едой и грязью, похоже больше не на кухонную плиту, а на дьявольский алтарь какого-то первобытного храма с длинной жестокой историей вызывающих ужас жертвоприношений. Я сомневаюсь, что пропановые горелки работали в последние два или три года. Из этого неизбежно вытекает следствие, что всё, чем доктор Хискотт питался на протяжении долгого времени, поедалось в сыром виде.

По словам Джоли и её мамы, Ардис, семья приносит своему правителю всё, что он пожелает, включая большое количество еды, которую, полагая, оставляют прямо за парадной дверью. Сомневаюсь, что они приносили ему крыс.

Я ожидал встретить гибрида человека и инопланетянина, который будет находиться далеко впереди относительно состояния человеческого бытия, такого же остроглазого и огромного, насколько, возможно, и странного, за гранью обычного понимания. Эта тревожащая очевидность свидетельствует, наоборот, о регрессе: если не о невероятном интеллектуальном упадке, то, по крайней мере, серьёзном снижении способности Хискотта поддерживать любые культурные нормы и подавлять животное насилие.

Дверь в кладовку оставлена приоткрытой, за ней темно. Пистолет всё ещё в двуручном хвате, я ударяю дверь носком, чтобы открыть её шире. Достающий внутрь бледный свет показывает, что полки пусты. Ни одной банки овощей, кувшина с фруктами или упаковки с пастой. На полу сидит обезглавленный человеческий скелет. Череп покоится на полке отдельно от других костей, а отсоединённая рука лежит на полу, один палец вытянут, указывая на меня, как будто меня ждали. Ни кости, ни пол под ними не отмечены пятнами разложившегося тела.

Эта находка вызывает необходимость в коррекции истории семьи Хармони за последние пять лет. Скелет принадлежит ребёнку, предположительно, мальчику около восьми лет. Если члены семьи похоронили Макси в могиле без опознавательных знаков, в каком-то удалённом уголке их владения, то либо существо Хискотта рискнуло выйти наружу той же ночью, чтобы вернуть труп в его кладовую – либо мёртвый мальчик был оставлен у него, и Хискотт создал для семьи ложные воспоминания о погребении. Этот последний поворот истории и без того ужасной смерти Макси настолько невообразим, что, если я буду жив, то в мои обязанности войдёт сохранить это от них в тайне. Ни Джоли, ни кто-либо из её близких не должен узнать, по крайней мере, пока не пройдёт много лет мира и свободы, замерших в этой части их прошлого, как если бы это был большой сон.

В этом доме секретов я чувствую себя перемещённым во времени и пространстве, как будто под воздействием силы внеземного присутствия эта земля принадлежит скорее планете, созданной искусственно, чем Земле, как если бы я сейчас жил не во времени, когда после смерти Сторми прошло меньше двух лет, а находился вместо этого в тёмном будущем, накануне события конца всего сущего, которое истолкует история мироздания.

Ведущий по ступенькам вниз проход, похож на туннель в загробную жизнь в фильме об околосмертельных опытах¹, тёмную дорожку, выдвигающуюся к таинственному свету, однако, перспектива в дальнем конце не светлая или манящая, а мертвенно-бледная, неприветливая и неопределённая. Переключатель включает три светильника на потолке. Все три лампочки через секунду перегорают.

При погасшем свете прямо справа от меня открытая дверь на лестничную площадку, за которой расположена лестница, ведущая вниз, в безжалостную темноту. От того, что лежит внизу, поднимается вонь, ведьмовское варево из протухшего жира, сгнившей растительности, мочи и других неизвестных вонизмов. В этой глубокой темноте что-то движется, что может оказаться тяжёлыми, покрытыми роговыми наростами ступнями, стучащими и скребущими по бетонному полу, а голос издаёт жуткий вибрирующий звук.

Я пытаюсь нажать переключатель на стене лестничной площадки, но это не вызывает никакого света. Я тяну дверь на себя и закрываю. Там есть засов, который я

¹ Околосмертельный опыт – необычные видения и ощущения во время клинической смерти.

задвигаю. Если, в конечном счёте, я должен буду спуститься в подвал, мне нужен фонарик. Перед этим мне необходимо проверить комнаты первых двух этажей, и я надеюсь пережить эту инспекцию.

Я прохожу через давно не использовавшуюся столовую, залитую солнечным светом, отфильтрованным тонкими занавесками, которые висят между раскрытыми плотными шторами, через рабочий кабинет, где жирные мотыльки, дрожащие у прозрачной ткани возле окна, перепархивают в более тёмные углы, как будто тени спасут их от меня, а затем возвращаюсь в коридор, направляясь к фойе и передним комнатам.

Я не менее напуган, но мой страх сейчас сдерживается здоровым отвращением и уверенностью в том, что моя миссия даже немного более важная, чем освобождение семьи Хармони от этого проклятья. На каком-то базовом уровне ощущений я здесь для того, чтобы совершить экзорцизм.

Глава 23

Итак, мы здесь, внутри Уиверна, и, кажется, в тысяче миль от Томми для того, чтобы помочь ему всем, что можем ему предоставить. Мы слышим, как он врывается в дом, как планировалось, но прямо после этого мы теряем с ним контакт, потому что машина, возможно, сломалась, и всё такое. Эд говорит, что и «Джип», и смартфон всё ещё передают сигнал. Он уверен, что Томас жив и в порядке. Хорошо, пусть Эд супер-умный, но это не значит, что он знает всё, он не похож на Бога или что-то в этом роде. Как можете представить, я хочу, чтобы он позвонил на этот телефон и узнал, всё ли в порядке у Томми, но Эд говорит, что не сейчас, Томми нужно дать время освоиться, нам не следует отвлекать его в критический момент.

Одно из наших трёх больших беспокойств, если мы можем ограничиться тремя, заключается в том, что когда Томми влетел в дом, шум от этого привлёк окружающую пожарную команду, и что они бросятся к дому, увидят то, что Хискотт не может позволить им увидеть, и большое количество людей погибнет до того момента, как с ним будет покончено. Но Эд отслеживает трафик радио в диапазоне для спецслужб плюс все телефонные и мобильные звонки отовсюду с территории «Уголка», и говорит, что никто, судя по всему, не обратил внимания. Сирены, ветер, огонь и общее беспокойство, должно быть, предоставляют Томми достаточное прикрытие.

Мне почти что больно об этом думать, но ещё одно из наших наибольших беспокойств заключается в том, что Хискотт использует кого-то из моей семьи, чтобы убить Томми или что Томми будет вынужден убить кого-то из моей семьи, когда он нападёт. Так или иначе, знаете, я могу совершить самоубийство, если это случится, или если я не умру, то умрёт что-то во мне, и я уже никогда не буду прежней и не захочу быть.

Если хотите знать, третья вещь, которая сводит нас с ума – или сводит меня с ума, так как Эд просто неспособен сойти с ума – думать о тех трёх постояльцах мотеля, которых Хискотт забрал в свой дом за эти годы, этих отшельников никто не хватился, и они больше никогда не вышли. Эд думает, возможно, сумасшедший старый Хискотт мог сделать нечто большее, чем контролировать их разум. Он говорит, что, вероятно, после той инъекции клеток пришельца со временем Хискотт стал больше пришельцем, чем человеком, и поэтому стал способным заразить тех троих и обратить их тоже в нечто вроде пришельцев. Знаете, как укус вампира или что-то менее тупое, чем укус вампира. Эд знает всё, что Хискотт и его команда узнали о пришельцах, потому что у него есть доступ к тем файлам. Он говорит, что это самое впечатляющее собрание информации. Так что с чем бы Томми ни имел дело в этом доме, это не близкий контакт третьего рода в добром спилберговском стиле.

В течение последних пяти лет я возносила свои лучшие молитвы каждую ночь, не пропустила ни одной, хотя должна признаться, если это не разобьёт сердце моей маме, я прекратила это делать около года назад. В смысле, молитвы об освобождении от Хискотта только заставляют меня ожидать освобождения вскорости, и когда молитвы остаются без ответа, ты чувствуешь себя ещё хуже и задумываешься, в чём смысл. Я не критикую Бога, если вы так думаете, потому что никто не знает, почему Бог поступает так или иначе или как Он считает, и Он несравнимо умнее любого из нас, даже умнее Эда. Говорят, что Его пути неисповедимы, что, несомненно, является правдой. Что я хочу сказать, так это то, что все эти молитвы придумали люди, возможно, Бог никогда не просил нас этого делать. Да, правильно, Он хочет, чтобы мы любили Его, и Он хочет, чтобы мы почитали Его, так что мы будем жить правильно и творить добро. Но Бог есть добро – правильно? – и чтобы быть истинным добром, необходимо обладать скромностью, мы все знаем это, так что если Бог лучший из лучших, то он также скромняга из скромняг. Правильно? Так что, может быть, это мешает тому, чтобы Его восхваляли круглосуточно, называли великим и могущественным всё время. И, возможно, Его немного сводит с ума то, что мы всегда просим Его решить наши проблемы вместо того, чтобы хотя бы попытаться решить их самостоятельно, что Он и заставляет нас делать. В любом случае, вследствие всего этого, после того, как я практически отказываюсь от молитв и нахожусь в глубокой чертовской уверенности, что Бог слишком скромный, чтобы сидеть целыми днями, слушая наши молитвы и мольбы к Нему, забавная штука заключается в том, что я молюсь, как сумасшедшая, за Томми. Подозреваю, безнадёжно.

Глава 24

Когда я достигаю конца лестничного коридора, за мной доносится звук проворачивающейся ручки двери, ведущей в подвал. Дверь сделана из куска хорошего

махагониевого дерева¹, засов толстый, петли из почерневшего железа. Потребуется порядочное усилие, чтобы выбить её, и шум будет мне достаточным предупреждением. Проворачивание прекращается, и всё тихо.

Шестипанельные светильники, расположенные по бокам передней двери, дают в фойе лишь тусклый и холодный свет, частично из-за кислотных орнаментов в виде выщущегося плюща, запечатлённых на большей части стекла. Также переднее крыльцо выходит на запад, с другой стороны от наибольшей яркости утреннего солнца. Подоконник серый от толстого слоя пыли, засыпан мёртвыми комарами, мёртвыми мухами и мёртвыми пауками.

По левую руку расположена общая комната, забитая украшенными цветочными узорами «честерфилдами», нагруженными декоративными подушками, красивыми креслами с подголовниками и скамеечками для ног, антикварными шкафами и несколькими горшками для растений, в которых некогда цветущие папоротники сейчас висят в виде коричневых пересохших веток, ковёр под ними покрыт погибшими листьями. Всё там в пыли и паутине, тишина, воздух кажется более влажным в передней части дома, чем в задней.

Обшитая махагониевыми панелями библиотека справа от фойе предлагает впечатляющую коллекцию книг, но они источают запах плесени. Когда я включаю свет, масса мошкеры взлетает с книжных полок, оставляя свой банкет из покрытой сырой пылью куртки и прогнившей подкладочной ткани, явно подавляющее их большинство здесь, а не в рабочем кабинете. Мгновение они мечутся туда-сюда, возбуждённые, но без цели.

Несколько находят прибежище на потолке, другие располагаются на паре клубных стульев, обшитых под тон коричневой кожи, с которой они гармонируют, и масса их летит роем на меня, за меня, из комнаты. Их мягкие тела и ещё более мягкие крылья задевают моё лицо, которое я опускаю вниз и прочь от них, пугаясь контакта настолько сильно, что меня это удивляет.

В центре библиотеки стоит антикварный бильярдный стол с искусно выпиленными ножками и двумя вырезанными позолоченными львами в качестве вспомогательных упоров, которые прикреплены к ножкам. Экскременты чешуйницы обыкновенной², идущие через зелёный войлок игровой поверхности, исчезают из вида в лузах.

¹ Махагониевое дерево – разновидность красного дерева.

² Обыкновенная чешуйница (лат. *Lepisma saccharina*) — мелкое бескрылое насекомое из отряда щетинохвосток, помимо прочего часто обитающее в жилых домах или на продовольственных складах. Полагают, что чешуйница является одним из самых древних ныне живущих насекомых — её предки обитали на Земле более 300 млн лет назад в палеозойскую эру.

Даже в самой ужасной окружающей обстановке, в присутствии сильно испорченных людей, которые не хотят ничего, кроме того, чтобы меня убить, я имею склонность искать источник для веселья между молотом и наковальней, между которыми я нахожусь. Не в этот раз. Атмосфера в этом доме пагубная, противная, настолько нездоровая, что я чувствую, как будто самая опасная вещь, которую я когда-либо делал – дышать воздухом внутри него.

С одной стороны бильярдного стола лежит предмет, который не менее загадочен при близком осмотре, чем с расстояния. Сферический, но не идеально, около пяти футов в диаметре, он не походит больше ни на что другое, как на огромную версию набивного мяча, который мужчины раньше кидали друг другу в качестве упражнения, до того, как спортивные клубы стали высокотехнологичными. На предмете несколько серых пятен, и он зернистый, как кожа, но у него нет стыков или швов, а блеск лакировки не похож ни на одну выделку кожи, которую я когда-либо видел. Несколько лампочек на люстре над бильярдным столом гаснут, но свет, мерцающий на поверхности этой непонятной конструкции, во многом похож на лунный свет, играющий на тёмной воде.

Моё восприятие природы объекта меняется в одно мгновение, когда поверхность оказывается не лакированной, а влажной. Капля влаги вырастает на его поверхности и капает по изогнутой траектории на ковёр. Затем что-то внутри большого мяча дёргается.

Когда я поспешно отскакиваю назад, поверхность этой вещи показывает себя больше как покров, чем ткань, как кожу, которая сейчас сбрасывается с быстрым скользящим звуком, открывая скрюченную форму, которая в этом покрывале поднимается с тревожным проворством, становясь почти семи футов высотой. Конечности соединены способом, который больше похож на механизм, чем на кость, но это не робот. Оно кажется и рептилиеобразным, и насекомообразным, его тело так сильно напряжено в руках и ногах, что они кажутся иссохшими, но при этом сильными. В торсе, в районе плеч оно кажется менее рептилиеобразным и менее насекомообразным, чем человекообразным, и, несомненно, стоит оно прямо. Серая мантиеобразная масса кожи падает вокруг него складками, похожими на плащ, а его тело, наоборот, бледное с грязно-жёлтыми полосками.

Нужно бежать, но я знаю, что если повернусь спиной, то это будет приглашением к нападению. Кроме того, всё в нём говорит о скорости, и о том, что оно схватит меня до того, как я сделаю дюжину шагов.

Из-за своей неуравновешенной матери и её способа урегулирования угроз с помощью огнестрельного оружия как основы техники воспитания детей, я всю свою жизнь испытывал неприязнь к оружию, хотя в данный момент я люблю то, что находится у меня в руках. Я не решаюсь использовать его только потому, что я ещё не знаю полностью природу своего противника, так как его лицо остаётся укрытым в тёмный капюшон, являющийся частью его плащеобразного облачения из спущенной кожи.

Существо поднимает свою висящую голову, капюшон слетает и повисает вокруг его шеи как свёрнутый воротник, и лицо оказывается более человеческим, чем каким-то другим. Самка. Засаленные верёвки тёмных волос. Черты, которые могли быть привлекательными до того, как череп был удлинён, а кости утолщены во время неважно какого превращения, которое она перенесла в руках Хискотта.

Одна из постояльцев мотеля, бывшая такой одинокой в мире, который не будет ощущать её недостатка, теперь человеко-инопланетный гибрид, который, вероятно, существует по единственной причине – защищать и служить её хозяину. Даже если в ней ещё остаётся что-то от предыдущей личности, мельчайший уровень самосознания и воспоминаний, каким же ужасным может быть её нынешнее существование, и насколько ненормальным, должно быть, стало это ядро её настоящего «я» в этой чудовищной тюрьме чужого тела и скелета.

Глаза твари молочные, как будто с катарактами, но я уверен, что она может видеть, возможно, так же хорошо в темноте, как и при свете. Я не могу оторваться от этих глаз и вдруг интуитивно понимаю, что скоро должно произойти.

Я падаю на пол, перекатываюсь и вскакиваю, когда, в скользком прыжке длинных и толстых конечностей, похожем на ножницы, тварь пересекает расстояние, которое я оставил между нами, и приземляется точно в том месте, которое я освободил, быстрее кошки.

Когда она поворачивает лицо ко мне, я вижу, что с её лбом произошло что-то экстраординарное. Из центра лба торчит нечто похожее на конусообразный рог четыре дюйма длиной, полдюйма шириной у основания, но острый, как коготь. Нет, не рог, а какой-то полый зонд, с которого свисает единственная капля жидкости, красная, как кровь. Капелька падает, и сегментированный рог втягивается в себя, обратно в череп. В точке, куда он вошёл, виден маленький сморщенный кармашек из кожи, который я до этого не замечал.

Тварь не намеревается меня убить. Меня собираются обратить, как это было сделано с женщиной, в слугу и защитника Норисса Хискотта, во что бы он ни превратился.

Глава 25

Я снова знаю, я двигаюсь, наклоняюсь, пробираюсь через стулья, а тварь – там, где я был только что, поворачивается ко мне с шипением гнева и неудовлетворённости.

Я продолжаю движение, перемещаясь вокруг бильярдного стола, держа его между нами, в это время несколько оставшихся мошек снова взлетают и танцуют около люстры, их искажённые тени гоняются за чешуйницей обыкновенной по зелёному войлоку.

После своего гибридного второго рождения Хискотт стал, возможно, медиумом, в том смысле, что он может проводить внетелесный опыт и вторгается в разум других; поэтому эта тварь, служащая ему, может обладать несколько похожей способностью, только в меньшей степени. В самом деле, принуждение, которое я чувствую в пристальном взгляде этих молочных глаз – намёк на то, что производится попытка произнести что-то вроде заклинания и привести меня в состояние, в котором я буду неспособен сбежать или защитить себя.

Благодаря моим способностям, эта тварь имеет надо мной не больше власти, чем Норрис Хискотт. Но, возможно, её попытка задержать меня на месте с помощью психической шпильки, как лепидоптеролог¹ крепит бабочку к доске для образцов, открывает канал между нами, который передаёт замысел твари по отношению ко мне.

Затем я осознаю, что утратил не только удобный случай убить тварь. Хуже того, я больше не держу пистолет в двуручном хвате. Я позволил дулу отклониться от цели. Всё же, я отчасти восприимчив к бессловесным указаниям твари.

Поднимая оружие двумя руками, я не могу пошевелиться, тогда как мой противник может, и внезапно появляется надо мной, хватая мою голову обеими костлявыми руками, чтобы, крепко удерживая меня, ужалить. Она смердит жжёными спичками, гниющими розами. Молочные глаза – две чаши с дымящимся анестетиком и горьким ядом. Сильный гибкий чешуйчатый хвост, прежде незамеченный, хлещет по моим ногам. Плащеобразная масса сброшенной кожи вздымается и затем собирается окутать моё тело, как будто я скоро стану монахом её сатанинского ордена, в мантии с капюшоном, и луноглазым, как она.

Первый выстрел попадает твари прямо в грудь.

¹ Лепидоптеролог (лепидоптерист) – специалист по бабочкам, учёный-энтомолог эксперт в области лепидоптерологии.

Её захват моего черепа становится только сильнее. Влажный рогообразный зонд высовывается из её лба. Она поднимает назад свою горгоныю¹ голову, так лучше протыкать рогом мой череп, подключив мозг к мозгу.

Зажатый между нами, направленный вверх, пистолет выстреливает, выдалбливая кусок плоти и откалывая клин челюсти от лица демона, мгновенно обрывая её победную ухмылку.

Омерзительный плащ из кожи скатывается с меня, хвост раскручивается с моей ноги, одна мозолистая липкая рука скользит по моему лицу, но голова твари ещё раз бросается вниз, чтобы проткнуть мой лоб.

Выпущенная в этот краснозубый и воющий рот, третья пуля спасает меня, просверливая мозг, пробив затылок и врезавшись в потолок. Необычно сочленённые ноги сгибаются так и этак, скрюченные руки, кажется, ищут, за что ухватиться в воздухе, и тварь падает, опрокидывается назад, лицом вверх, в её глазах нет больше блеска, плащ из кожи, как погребальный саван, обёртывает её тело.

Она лежит неподвижно, исключая скрученный воротник излишней кожи вокруг её шеи. Возможно, это какой-то посмертный рефлекс: этот тёмно-серый свёрток разматывается, проталкивая себя между ковром и расколотым черепом, и крадётся по верхней части головы, по лбу и по лицу, вследствие чего оно колыхается и становится таким же безжизненным, как и лицо, которое накрывает, как будто твари было дано право ходить по Земле при условии, что и при жизни, и в смерти она признаёт стыд за свой внешний вид и свои намерения.

Из подвала доносится нечеловеческий вопль, который может выражать ярость, хотя по мне это больше похоже на плач, скорбь, накладывающийся на отчётливые нотки острой тревоги. Это также вопль безумия, меланхоличной отчуждённости от всего, что может дать утешение.

Я мог бы пожалеть то, что горюет и съёживается в темноте внизу, если бы не предполагал, что оно – ровно такое же, как и та, которую я только что убил, и что, если дать шанс, оно обратит меня в члены своего улья.

Когда печальные рыдания затихают, я думаю сидеть и ждать, когда Хискотт и его третий охранник придут в поисках меня вместо того, чтобы рисковать, продолжая искать, когда за каждой закрытой дверью может ожидать грабитель разумов и коллекционер душ. Но загаженная насекомыми мебель не привлекает меня, и глубоко нездоровая атмосфера вытравит смелость, если я задержусь слишком надолго.

¹ Горгоны — в древнегреческой мифологии змееголовые чудовища, дочери морского божества Форкия (Форкиса) и его сестры Кето.

Вонь жжёных спичек и прогнивших роз обвалакивает меня, и я чувствую себя запачканным прикосновением этих рук и объятиями этого плаща. Мне ничего так больше не хочется, как вымыть руки и лицо, но даже если я осмелюсь задержаться, чтобы смыть запах, то всё равно не верю даже в то, что вода в этом месте безопасная и чистая.

Оказавшись снова в фойе, я стою, слушая дом. Омут тишины на фатомы¹ в глубину не встревожен ни одним течением, ни одна волна не беспокоит его поверхность.

Когда я поднимаюсь по лестнице, ступени слегка поскрипывают, отмечая моё расположение шаг за шагом. Но отступить уже нельзя, как и до этого нельзя было стоять неподвижно.

Четыре патрона остаются в пистолете. Шесть в револьвере, который неудобно засунут за спину, цилиндр сильно давит на позвоночник.

Даже сейчас, когда я поднимаюсь с первого этажа на второй, я чувствую, как будто я спускаюсь, как будто в этом доме нет пути вверх, нет пути вперёд или назад, нет пути в сторону, только вниз. Строгие законы природы здесь не действуют. Сильное ощущение подъёма как спуска – либо иллюзия, психологическая реакция на необычную угрозу, с которой я имею дело, либо что-то похожее на то состояние, которое называется синестезия, когда определённый звук воспринимается как цвет, а определённый запах, как звук. Или, может быть, этот феномен связан с Хискоттом и тем, во что он превратился, эффект определённой ауры, которая его окружает. Чувство настолько тревожащее, что мне необходимо одной рукой взяться за перила.

Я достигаю лестничной площадки. Ничего не ждёт ни на втором пролёте, ни, насколько я могу видеть, наверху.

Поднимаясь, я больше не могу смотреть на ступеньки, находящиеся за мной, потому что они на самом деле появляются, чтобы вести назад, на первый этаж, хотя по сжатию и натяжению икроножных мышц и бёдер я могу сказать, что я поднимаюсь.

После лестницы, вперёд по коридору, пол, кажется, имеет крутой наклон вниз, несмотря на то, что я знаю, что не имеет. Потолок оказывается ниже, стены наклонены под необычными углами, и архитектура – по крайней мере, я воспринимаю так – становится похожей на комнату смеха на ярмарке.

Цель этой иллюзии, направленной на меня преследуемой мной сверхъестественной добычей, не только в том, чтобы сбить меня с толку и сделать более уязвимым, а также в том, чтобы вывести меня прямо к той комнате, где он меня ждёт. Потолок впереди изгибается так, что встречается с полом и блокирует дальнейшее продвижение, стена слева перемещается в мою сторону, прижимая меня прямо вправо, к порогу. За открытой

¹ Фатом - английская единица длины, равна 6 футам, или 182 см.

дверью правитель «Уголка Гармонии» лежит на кровати с пологом на четырёх столбиках в присутствии своего третьего слуги.

Существо стоит практически так же, как и то, с которым я столкнулся в библиотеке, хотя человеческие черты, оставшиеся от исходного постояльца мотеля, мужские. Пятнисто-серый покров сброшенной кожи скручен вокруг него, как будто слеплен по грубому наброску, тем не менее, я подозреваю, что это волнение выражает его гнев и тревогу.

Моя тревога не менее острая. Моё сердце бьётся как копыта жеребца, моя грудь наполнена звуком железных подков, бьющих по утопанной земле. Льющийся пот обновляет вонь жжёных спичек и прогнивших роз в смазке пришельцев на моей коже и в волосах.

Хискотт, гибрид человека и монстра, лежит в блестящих засаленных клубках себя любимого, в мокрых свёртках медленно скручивающихся верёвок, охватывающих матрац, большая бледная змея с человеческими чертами большой головы, удлинённой как змеиный череп. Из шести его рук и шести кистей четыре одинаковой длины со сложными изгибами, очевидно, относятся к форме жизни из другого мира, которую он когда-то препарировал, и стволовыми клетками которой он надеялся существенно улучшить себя. Средняя пара рук человеческая, но эти две руки постоянно сжимаются, тогда как чужие кисти двигаются ослабленно, загребая воздух, как будто дирижируя невидимым оркестром во время песни в медленном темпе.

Моё ощущение вырождения и упадка, которое меня накрывает на кухне, возникшее после исследования крысиных скелетов, подтверждается здесь. Это существо в кровати не является ни существом, способным путешествовать между звёздами, ни блестящим учёным, являвшимся ключевой фигурой в проекте «Полярная звезда». Это генетический хаос, возможно, самый ужасный из обоих видов: беспокойный разум Хискотта не пострадал, но был ещё больше испорчен нуждами пришельцев, холодными инопланетными вожделениями и силой пришельцев; тело лучше всего подходит для другой планеты, возможно, выросло необычно большим и нелепым, потому что желания и жажда двух видов привели к ненасытности.

Спальня воняет хуже подвала, в котором я закрыл другое существо-слугу. Сваленные в дальних углах каскады костей принадлежат всем видам животных, а пол вокруг кровати усыпан свежим и испорченным мясом, и Хискотт обедает, судя по всему, обоими его типами. Забитая говядина, свинина и телятина, общипанная курятина и пластиковые лотки с филе рыбы были явно предоставлены семейным рестораном, хотя, судя по всему, ничего из этого не приготовлено, как и не съедено ещё в сыром виде.

Среди этого отвратительного шведского стола также находятся туши животных, некоторые частично съедены: окостеневший и с презрительной усмешкой койот, кролики, хромающие, как куча тряпок, бурундуки, крысы. Возможно, ночью, особенно, когда луна

идёт на убыль, и никто в удалённом мотеле, скорее всего, не видит краем глаза быструю фигуру из кошмаров на изогнутых лугах, существо, которое я убил в библиотеке или то, которое здесь, или то, которое в подвале, идёт охотиться для своего хозяина. Я удивляюсь, что на этом банкете не было другого человеческого мяса, кроме Макси – но, возможно, и было. Никто мог бы не узнать, что за бродяга или береговой путешественник, или что за бездомный кочевник, разбивший палатку на пляже, мог быть захвачен, парализован ядом или прошивкой мозга и перенесён в эту комнату не для того, чтобы подавать на стол, а быть поданным.

Бросив на меня взгляд, когда я стою, дрожа, на пороге его скотобойни, Хискотт поднимает свою огромную голову, которая, по крайней мере, в три раза больше размера любой человеческой головы, хотя в ней всё ещё узнаётся человек. Он открывает свой широкий жадный рот с неровными зубами, из которого доносится вроде бы безмолвный крик, но на самом деле зов. Психический зов, команда – «Покорми меня» – и я чувствую, как он тянет меня, как быстрина тянет пловца вниз, в топящие глубины.

Уверенность Хискотта осязаема, разновидность самоуверенности, являющейся порочным бесстрашием, высокомерия, рождённого абсолютной силой и нескончаемой ни разу не наказанной жестокостью. Я обнаружил, что переместился от порога внутрь комнаты. После двух или трёх шагов я останавливаюсь, когда за мной возникает и быстро становится громче продолжительный шуршащий шум, и я вдруг пугаюсь того, что слуга освободился из подвала и сейчас поднимается за моей спиной, чтобы завернуть меня в свой плащ.

Глава 26

Перед тем, как я успел оглянуться через плечо, чтобы бросить взгляд на свою погибель, источник громкого шуршащего шума превращается в манифест, когда сотни мошек влетают в спальню из коридора, кишасшие за мной, и бьющиеся о мой затылок, моё лицо, ищущие пищу в уголках моего рта, в ноздрях, вымазывающие ресницы своим порошкообразным веществом, пролезающие через волосы и летящие дальше, пульсирующая река из мягких крыльев.

В этом доме один ужас порождает другой, и рой летит прямо в беззвучный крик Хискотта, в его длинное горло – такой нежный, что ему нет необходимости измельчать их зубами. Они всё прибывают, ещё сотни – этот дом – ферма мошкары, их пастбище среди заплесневелых книг, вероятно, поддерживается сознательно – и я втягиваю шею, защищаясь от того, чтобы они не заползли под воротник. Они кормят тварь на кровати, и хотя их число выглядит достаточно большим, чтобы её задушить, перистальтическая пульсация в изогнутых кольцах говорит о том, что насекомые помещаются с лёгкостью, раздавливаются и проталкиваются внутрь, вдоль извилистых катакомб змеино-желудка.

Этот мерзкое представление так ошеломляет меня, что когда последний рой отвечает на зов, я освобождаюсь от психической хватки Хискотта и поднимаю пистолет. Существо-слуга выпрыгивает ко мне, из его лба высовывается рог. Я срубаю его оставшимися четырьмя патронами, находящимися в магазине, и отбрасываю оружие.

Хискотт не кажется встревоженным тем, что я отправил на тот свет двоих из трёх защитников. Проглатывая всё, что к нему пришло, он счищает порошок от мошкары с губ, с шести рук, наблюдая за мной, а сам в это время всё облизывается и облизывается. Был бы его язык раздвоенным и тонким, как у змеи, он был бы намного менее омерзителен, чем с большим, длинным, но человеческим языком, путешествующим через его множество гибких пальцев и очищающим его повернутые кверху ладони.

Шесть рук напоминают мне руки индийской богини Кали. Несмотря на то, что у него нет крыльев, в нём есть что-то такое, из-за чего он больше похож на дракона, чем на змею. Неровный рот со злыми зубами можно представить как Беовульфа¹ на паузе. Мифы и легенды многих веков и королевств, кажется, смешались в единой угрозе, существе настолько самодовольном и тщеславном, как у самого главного из всех зол, которое лежит, скрученное, в темнице мира.

Когда я достаю револьвер со спины, он перестаёт облизывать руки, но не кажется встревоженным. Его бесстрашность тревожит, и мне хочется, по меньшей мере, того, чтобы он, со всеми своими кольцами, отскочил. Он представляет собой настолько нелепую массу толстых волнистостей бледного чешуйчатого тела, настолько медленно ползущую путаницу скрученностей и искривлений, спиралевидную и винтовую, изломленную и витую, что он кажется не способным ни на что, кроме как на совсем уж неповоротливое движение, определённо ничуть не похожее на стремительность любой обычной змеи. Поэтому его спокойствие может показывать либо то, что ему комфортно и так со своей давно превосходящей силой, либо то, что он более гибкий, чем я представляю.

Когда я поднимаю оружие, он оказывается не быстрым, а хитрым. Каждый раз, когда он вторгается в мой разум, я сразу же его отбрасываю. Некоторое время психический зов, которым он притягивал мошек, также действовал и на меня, но я каким-то образом знаю – как, судя по всему, знает и он – что это не сработает снова.

Когда я подхожу на два шага ближе к кровати и готовлюсь к первому выстрелу, который я надеюсь превратить в серию из шести выстрелов в голову, успокаивая руки и прицел невероятными усилиями, Хискотт выкидывает свою последнюю уловку по отношению ко мне, и она оказывается лучшей. Я не знаю, откуда он узнал моё настоящее

¹ «Беовульф/Beowulf» (Беовулф, др.-англ. Beowulf, буквально «пчелиный волк», то есть «медведь») — англосаксонская эпическая поэма, действие которой происходит в Скандинавии до переселения англов в Британию. Названа по имени главного героя.

имя, как он выяснил, какая моя рана не была и никогда не будет вылечена. Вероятно, у него есть возможность выйти в онлайн, чтобы поискать правду обо мне, как это сделал Эд, новый друг Джоли. Он не пытается залезть мне в голову, как раньше, но с громадной умственной силой вбрасывает в мой разум самое прекрасное лицо, которое я когда-либо знал, Сторми Левелин, когда она жила и дышала.

Я отхожу на шаг назад, спотыкаясь от такого яркого изображения моей девушки, чётко стоящего в моём воображении. Это кажется осквернением её памяти, даже думать о ней в этой омерзительной дыре, но раунд два его атаки ещё хуже. Он представляет её такой, какой она могла выглядеть через несколько дней после смерти, с синюшностью и раздутием трупа, и он кидает эту картинку ко мне, что почти опрокидывает меня на колени.

Если бы он мог двигаться быстро, я мог бы умереть – у меня подкашиваются колени от вида гниющего лица Сторми. Но он соскальзывает с кровати с ленью бездельника и совершает ошибку, вбрасывая в меня больше изображений Сторми с дальнейшими стадиями разложения, таких мучительных и подавляющих, что они подталкивают меня к осознанию, что Сторми была кремирована в день смерти. Она была чистой, и она была очищена огнём, и ничто из того, что питается мёртвой плотью, не питалось ей и не будет.

Шесть полых с медными стенками патронов от револьвера 38-го калибра могут разнести драконью голову окончательно, особенно если каждая следующая выпускается с более близкого расстояния, чем предыдущая, последняя через дуло, прижатое к ненавистному черепу.

Если бы я так сделал – это был бы конец для него, но я вспомнил, что вследствие того факта, что его нервы будут функционировать некоторое время после смерти, обезглавленная змея всё ещё может бороться так же решительно, как если бы была живой.

Глава 27

Как знают все, кто видел извивания обезглавленной змеи с призраком жизни, который всё ещё населяет её мёртвые кольца, обезглавленное тело, кажется, трепещется сильнее, чем когда-либо в то время, когда оно было частью целой твари. То же верно и относительно гибрида Хискотта-пришельца. В кровати он был дряблой массой и недопустимо большими наростами, перекручивающимися так лениво, как черви в холодной земле; но с вынесенными мозгами он – сумасшедший огромный кальмар из «Двадцати тысяч лье под водой» и, судя по всему, является не только одной большой протяжённостью чешуйчатых мышц, но и скоплением сильных щупалец, бьющихся в разрушительном безумии.

Превращение происходит с шестым и последним револьверным выстрелом, когда его невозможно запутанное тело распутывается со вспышкой энергии, которая могла храниться в нём последние пять лет. Я вскакиваю на ноги, однако, не в романтических чувствах, и проношусь весь обратный путь к двери, через которую вошёл. Я падаю прямо у порога, ударяясь головой о пол из твёрдой древесины, со звуком, который, без сомнений, говорит о том, что больше вреда нанесено полу, чем моему черепу, хотя на мгновение моё зрение становится нечётким.

У меня пару секунд двоится перед глазами, но когда зрение проясняется, то кажется, что большая комната заполнена от стенки до стенки яростной змеей, ищущей ошмётки её разнесённой головы, чтобы собрать этот пазл обратно и снова жить. Большие мускулистые кольца щёлкают по толстым столбам кровати с навесом, как будто сделаны из пробкового дерева. Лампы летят и разбиваются, красные парчовые занавески отрываются от окон, чтобы полететь и развеяться, будто обезглавленная змея одновременно и тореадор, и бык, и те каскады из костей, склоны которых достигают потолка в некоторых углах, разлетаются во всех направлениях с шумным шквалом фрагментов скелетов.

Пока меня не отправила в обморок кость от окорока, которая кажется такой же подходящей, как и неизбежной, я протискиваюсь через порог в восходящий по лестнице коридор и вскакиваю на ноги.

Для уверенности в дальнейшем в том, что спазмы этой внеземной анаконды в конечном итоге закончатся окончательной тишиной, как произойдёт и с каждой змеей в этом мире, мне необходимо это засвидетельствовать. Но я могу сделать это безопасно с межэтажной лестничной площадки и вернуться для визуального подтверждения после того, как эта яростная молотья прекратится.

Когда я поворачиваюсь к лестнице, я больше, чем просто пугаюсь, увидев третьего из слуг Хискотта, одетого в плащ и рогатого, поднимающегося после освобождения из подвала. Он такой же быстрый и сообразительный, как тварь в библиотеке, прыгает в мою сторону со смертоносным умыслом, и у меня нет оружия.

Как раз в это время обезглавленный обрубок гибрида Хискотта выбирается из спальни, передвигаясь с помощью шести рук, как слепой, что-то из того, что Франсиско Гойа, Иероним Босх, Генрих Фюссли и Сальвадор Дали¹ могли нарисовать совместно

¹ Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес (исп. Francisco José de Goya y Lucientes; 1746 – 1828) — испанский художник и гравёр, один из первых и наиболее ярких мастеров изобразительного искусства эпохи романтизма. Ерун Антонисон ван Акен (нидерл. Jeroen Anthoniszoon van Aken более известный как Иероним Босх (нидерл. Jheronimus Bosch, лат. Hieronymus Bosch; около 1450—1516) — нидерландский художник, один из крупнейших мастеров Северного Возрождения, считается одним из самых загадочных живописцев в истории западного искусства. Иоганн Генрих Фюссли, или Генри Фюзели (нем. Johann Heinrich Füssli, англ. Henry Fuseli, 1741 —1825) — швейцарский и английский живописец, график, историк и теоретик искусства, автор знаменитой серии картин на тему кошмара. Сальвадор Дали (полное имя Сальвадор Доменек Фелип

после того, как съели бы слишком много устриц после ночной пьянки. Ищущие добычу руки хватают существо-слугу. Змея вылетает в коридор, и кольца снова сжимаются вокруг пойманной твари, выпуская из неё жизнь, когда жадные руки отрывают её голову.

Я отступаю в дальний конец коридора, чтобы наблюдать за смертельными спазмами деспотичного правителя «Уголка Гармонии». После прошедшей минуты или около того, сильная молотьба стихает, огромная толстая протяжённость змеи заваливается сама на себя бледными изгибами, как истощённый пожарный шланг, и лежит, содрогаясь, дёргаясь, пока не остаётся никаких признаков её нервных движений.

После того, как тварь в течение пяти минут остается неподвижной, я набираюсь храбрости для того, чтобы подойти к ней, хотя и недостаточно безрассудный для того, чтобы сделать пренебрежительное замечание о своём побеждённом враге. Современные фильмы содержат мало правды. Но есть один урок, который я вынес из них и который оказался правдой, как и всё в моей любопытной жизни: когда ты стоишь над мёртвым монстром и, полный хвастовства, отпускаешь шпильки, монстр поднимется, совсем и не мёртвый, и совершит последнюю неистовую атаку. В половине таких фильмов он убивает одного из нескольких оставшихся выживших. Так как из выживших представлен только я, то, полагаю, единственная шпилька вдвое уменьшит мои шансы выбраться из этого дома живым. Если бы я был эквивалентом Тома Круза, то определённо вышел бы невредимым. Если бы я был эквивалентом Гарри Дина Стэнтон, или Пола Райзера, или Уэйна Найта¹, которых я изображаю намного более правдоподобно, то мне настоятельно рекомендуется держать рот на замке и ступать на цыпочках.

Я пытаюсь найти места, чтобы наступать между кольцами, но иногда мне приходится ступать на них и карабкаться через них. Я высовываю язык, сохраняю баланс и оставляю за собой бледные холмы змеиного тела, которые станут торжеством для птицы Рух, гигантской птицы из арабских мифов, питающейся змеями помимо других вещей. Каждое из последовательности действий, разворачивающихся в «Уголке», является достаточной причиной для предположения, что птица Рух – или стая – может находиться по соседству.

Так как я абсолютно уверен, что «Джип Гран Чероки» совсем не в том состоянии, чтобы выехать из дома, я покидаю его через переднюю дверь. На расстоянии поднимается дым. Через дымку я вижу пожарные машины, потоки воды, льющиеся по дуге.

Жасинт Дали и Доменек, маркиз де Пуболь, исп. Salvador Domènec Felip Jacint Dalí i Domènech, Marqués de Dalí de Púbol; 1904 —1989) — испанский живописец, график, скульптор, режиссёр, писатель. Один из самых известных представителей сюрреализма.

¹ Гарри Дин Стэнтон (англ. Harry Dean Stanton; р. 1926) — американский киноактёр и певец. Пол Райзер (р. 1957) — американский киноактёр, сценарист, продюсер. Уэйн Элиот Найт (англ. Wayne Eliot Knight, р. 1955,) — американский актёр кино и телевидения.

На переднем дворе стоят родители Джоли, Билл и Ардис Хармони, а также трое других людей, которых я не знаю – вероятно, члены семьи. По их оптимистичным, но всё ещё настороженным выражениям, я могу сделать только вывод о том, что они почувствовали, как Хискотт отключает свою открытую линию от их разумов.

Когда я достигаю верхней ступеньки, что-то в кармане моих джинсов сильно извивается, и я вскрикиваю в тревоге, потому что змеи-малютки могут быть такими же ядовитыми, как и взрослые. Стоящие на лугу также вскрикивают и отступают на шаг назад. Доставая предмет из кармана, я застенчиво улыбаюсь и говорю:

– Просто мобильник.

Я принимаю звонок. Это Эд.

Глава 28

Некоторые поля чёрные с прожилками серого пепла, но ни одно из зданий не пострадало от огня, который я разжёл. Когда ветер уносит последние клочки дыма, запах жжёных вещей менее резкий, чем я ожидал, больше похож на аромат костра.

На въезде в «Уголок» стоят козлы для пилки дров с навешенными на них написанными от руки знаками, которые гласят: «ЗАКРЫТО НА 24 ЧАСА НА УБОРКУ ПОСЛЕ ПОЖАРА».

Завтра подоспеет тяжёлое оборудование, чтобы достать из низины восемнадцатиколёсник.

Из станции техобслуживания был взят семейный буксировочный грузовичок, и «Гранд Чероки» вытянули в дубовую рощу, где спрятаны три автомобиля, некогда принадлежавшие слугам Хискотта.

У семьи Хармони есть шесть трёхгалонных контейнеров бензина в качестве аварийного источника питания. Когда-то заполненные на станции, они выставлены на подъезде к жилищу, которое Хискотт взял для своих нужд.

Ближе к вечеру, когда бриз стих, и когда мы отключили электроснабжение на электрощите и отрубили пропановое питание, мы с Биллом Хармони входим в дом. Начиная с верхнего этажа мы выливаем бензин в стратегически важные места, особенно на останки гибридов. Я удерживаю Билла вне кухни, так что он не увидит маленький скелет в кладовке.

В зловонном подвале не работает свет, и я решаю не спускаться в этот мрак с фонариком. Я опустошаю шестой бак по ступеням в эту зловещую темноту. Выделяется огромное количество паров бензина. Дом – бомба, ожидающая поджога запала.

Семья использует свой небольшой автомобиль-цистерну белого цвета с большими красными буквами «УГОЛОК ГАРМОНИИ», чтобы защитить шесть домов, стоящих за тем, который мы будем поджигать. Перезаправленный, он стоит наготове поблизости, чтобы задержать этот новый пожар от распространения на поля, которых не коснулся огонь.

Мы поджигаем дом за час до заката. Ночью большой пожар будет более заметным с окружного шоссе, и какой-либо путешественник с большей вероятностью сообщит о нём властным органам.

Мы с Аннамарией собираемся вместе с семьёй, чтобы наблюдать. Из них присутствует тридцать шесть человек, включая Джоли, которая вернулась из Форт-Уиверна. Языки пламени доставляют удовольствие, и я отправляю Эду видео яркого огня с помощью смартфона Пёрвиса Бимера.

Никто не одобряет огонь. Наоборот, наблюдают почти в полной тишине, и если эта атмосфера похожа на что-либо ещё, то больше всего на церковную службу.

Когда дом превращается в тлеющие руины, а угли политы водой, мы все собираемся на пляже, где столы для пикника и раскладные стулья установлены для ужина. Воздух достаточно холодный, чтобы надеть свитеры и куртки, но все согласны с тем, что пляж – лучшее место для первой трапезы, знаменующей их новую свободу.

Восковая луна и множество свечек дают достаточно света, потому что эта темнота – только природная, и её не стоит бояться. Волны низкие, мягко бьются о берег, будто утешая плачущего ребёнка, который засыпает.

Звёзды – грандиозное шоу, вдохновляющее моё сердце. Принимая во внимание проект «Полярная звезда», я ожидаю, что эти далёкие солнца и их удалённые миры могут представлять какую-то угрозу этой ночью, но вместо этого они говорят мне, что огромная Вселенная, как и сама Земля, – это место надежды, и это не менее величественно в свете того, что это еще и поле борьбы, на котором одна и та же битва велась, ведётся и будет вестись с начала времён до их скончания.

Ужин на пляже в меньшей мере торжество, а в большей – дежурство у горящего дома, но остаётся немного места и для празднования. Много улыбок и совсем чуть-чуть смеха. Эта большая семья прошла через огромные страдания и унижение, и возвращение к нормальной жизни не будет лёгкой дорогой.

Это хорошие люди, и я завёл здесь новых друзей. Они много обнимаются, и когда они берут мою руку или кладут руку мне на плечо, то отпускают часто с неохотой. Но они интуитивно понимают, что не должны смущать меня благодарностями. Хотя они явно осознают, что я храню множество секретов, они не должны давить, чтобы их узнать, но должны довольствоваться тем, что я навсегда останусь загадкой, как и множество вещей в этой жизни.

После ужина я, Джоли, Аннамария и две собаки – Рафаэль и Бу – идём вместе вдоль пляжа, возле пенящегося прибоя, и девочка тайно восхищается всем, что видит, всем, что слышит, всем, о чём думает. Сейчас, когда хомут рабства с неё и её семьи снят, я могу лучше рассмотреть великолепное, бесстрашное и чистое сердце, которое создаёт её существо. Я могу представить женщину, которой она станет, и мир мог бы использовать бесчисленное число таких же, как она, чтобы измениться, но реально это сможет сделать только она.

У Джоли выступают слёзы при мысли, что утром мы покинем это место, и что мы можем никогда больше не увидеть друг друга. Это может стать залогом определённой связи, которая, тем не менее, смущает её так же, как меня восхищает, и она боится, что в её жизни, теперь возвращённой обратно, разлук и потерь окажется больше, чем она сможет перенести. Я, говорит она, как будто её новый брат, а братья не уходят навсегда. Она достаточно чувствительная девочка, и хотя циники могут её осмеять за это, я никогда себе этого не позволю, так как, возможно, это лучшее из достоинств: чувствовать глубже, заботиться сильнее.

В глубине души я знаю, что в этом мире я ненадолго. Жизнь, которую я вёл и должен вести, сводит меня со смертью лицом к лицу с такой периодичностью, что я, такой же несовершенный человек, как и любой другой, рано или поздно потерплю неудачу, какая бы высшая сила ни отправила меня в эту серию миссий. Поэтому я не могу лгать Джоли и говорить, что мы увидимся снова в этом мире.

Аннамария унимает слёзы девочки, что у меня сделать не получается. Она говорит, что у каждого из нас есть своя роль в жизни, и если мы познаем себя достаточно хорошо, чтобы понимать, что это за роль, то будем счастливы делать только то, что можем делать лучше всего. Она говорит, что я, Странный Томас, полностью понимаю свою роль – утверждение, с которым я мог бы поспорить в любом другом случае. Она говорит Джоли, что я один из тех странников из легенды, которые идут туда, где, по их ощущениям, они должны быть, и, находясь в движении, находят тех, кому необходимы, и, находя тех, кому необходимы, исполняют свою судьбу. Это звучит для меня куда более грандиозно, чем правда моей жизни, но это прикосновение мифа восхищает девочку и смягчает её грусть загадкой.

Каким-то образом Аннамария знает, что мама Джоли во время домашнего обучения давала ей много заданий на написание сочинений разного толка. Она предлагает девочке написать собственную часть истории, в которую мы недавно были вовлечены, и отправить её мне, по адресу Оззи Буна, моего друга-писателя в Пико-Мундо, так что когда я напишу свой отчёт о событиях в «Уголке Гармонии», то смогу включить туда точку зрения Джоли. Когда слышит, что я написал серию мемуаров, которые не будут опубликованы при моей жизни, если вообще когда-либо будут, Джоли возбуждается. Несмотря на то, что она может никогда не подержать в руках настоящую книгу с этой историей, только когда-

нибудь копию рукописи, она приходит в восторг от такой возможности – и тот факт, что мы будем поддерживать связь, останавливает её слёзы.

Когда мы возвращаемся тем же путём, которым шли, чтобы снова присоединиться к семье, Аннамария говорит:

– Ты должна помнить одну вещь, когда будешь писать, Джоли. Чтобы история о твоём сотрудничестве с Томасом была без резких переходов, ты должна писать прямо так, какая ты есть, прямо так, как ты говоришь, прямо так, как ты думаешь, и не пытайся использовать какой-нибудь писательский стиль, потому что он не твой. Ты не видишь, зато вижу я, что ты и Томми во многом схожи. Ты, как и он настолько любишь мир, несмотря на все твои страдания, что обладаешь чем-то, что можно назвать повышенным уровнем сознательности. Ты и Томми несёте в себе такой огромный энтузиазм, что одна вещь выделяет тебя из дюжины других, твой разум здесь, и там, и также там в одно и то же время, но ты никогда не рассеиваешься, ты всё равно сосредоточена. Обрати внимание, мир хаотичен. Когда будешь писать, держи это слово в голове, и тогда твои слова и слова Томми сольются. Будь частью мира и внутри мира, и над миром одновременно. Будь собой, и только собой, что значит, будь собой и всеми людьми, которых ты любила, и тогда Томми всегда будет с тобой, как, я знаю, ты всегда будешь с ним.

Аннамарию, кажется, не интересует высушивание моих слёз.

Несмотря на прохладу, никто не хочет собираться и заканчивать, но всё равно всё подходит к концу.

Вернувшись в Дом №7, я принимаю продолжительный горячий душ, не смотря на то, что уже делал это ранее, между тем, как покинул дом Хискотта и вернулся, чтобы спалить его.

Рафаэль остаётся на ночь со мной, а Бу уходит туда, куда ему надо. Хорошая собака – это удобно. Золотистый ретривер утешает меня, и, возможно, Бу утешает кого-то в месте, которое я не могу представить. Я оставляю лампу включённой, но не сплю.

Когда просыпаюсь незадолго до рассвета, то лежу, слушая храп Рафаэля, и обнаруживаю, что размышляю о том, что значит быть падшим. Мы падшие в этом испорченном мире, и одна вещь, которая приходит мне в голову – после тысяч лет, в течение которых мы размышляем о падших ангелах, мы думаем о них так, как делали это всегда: агенты, напускающие на Землю страдания. Но мироздание в его необъятности – гармонично, и что относится к одному его концу, то относится и к другим. Несомненно, страдания, как и счастье, и надежда, проходят через пространство всех звёзд. Артефакты пришельцев, хранящиеся в Форт-Уиверне, имеют внеземное происхождение, но, возможно, они в то же самое время являются частью античной истории человечества.

Я ещё раз принимаю душ на восходе, а после этого принимаю звонок от Эда. Он подтвердил ранее, что будет поддерживать связь с Джоли и будет её секретным другом, но он больше не позволит ей пройти через последнюю пару стальных дверей, в Уиверн. Мы прощаемся. Его последние слова, обращённые ко мне:

– Живи долго и успешно.

Мои к нему:

– Открой двери капсул, ЭАЛ¹, – и я думаю, он смеётся.

Мы покидаем это место, Аннамария ведёт «Мерседес», который мы одолжили у Хатча Хатчисона в Магик-Бич. Вдоль последнего пролёта асфальта, ведущего к окружному шоссе рядом друг с другом стоят тридцать шесть членов семьи Хармони, ожидая нас, хотя я надеялся, что этого не будет. Джоли стоит со своими мамой и папой, а также дядей Донни в конце линейки. Она машет. Я машу.

Окружное шоссе ведёт нас на юг, к месту, которое окажется «Роузлендом» и которое будет намного более худшим, чем «Уголок Гармонии» в его самые худшие дни. В «Роузленде» мне придётся полностью выкинуть Джоли из головы, так как мысли о ней, со всей её уязвимостью, которой не место в этом мире порочности, могут меня парализовать. И у меня есть работа.

¹ Фраза из романа «2001: Космическая одиссея» Артура Кларка.